Ю. В. Ключниковъ.

Приватъ-доцентъ Московскаго Университета.

ИНТЕРНАЦІОНАЛИЗМЪ

(Основные вопросы международныхъ отношеній).

161632.

1) Экономическая сторона интернаціонализма.
2) Политическая проблема интернаціонализма.
3) Имперіализмъ.
4) Федерализмъ.

ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ

Гранъ.

МОСКВА.
1918.

Ук
Л 35
10 К

Т-во СКОРОПЕЧАТНИ А. А. ЛЕВЕНСОНЪ
Москва, Тверская, Трехпрудный пер., соб. д.

Книгу эту посвящаю

брату моему,

Николаю Веніаминовичу Ключникову.

Авторъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ вопросахъ политики и права трудно ожидать, чтобы всѣ пришли къ одному и тому же рѣшенію, къ однимъ и тѣмъ же общимъ выводамъ. Тѣмъ труднѣе ожидать этого въ условіяхъ нашей революціонной дѣйствительности. Разница въ развитіи политическаго и правового сознанія, разница идеаловъ и творческихъ темпераментовъ, разница матеріальныхъ интересовъ дѣлаютъ то, что на каждый выдвигаемый моментомъ вопросъ государственнаго строительства у насъ одновременно дается цѣлый рядъ другъ друга исключающихъ отвѣтовъ. Играетъ, навѣрное, существенную роль и то обстоятельство, что современныя событія не скупятся на вопросы, но задаютъ ихъ быстро и настойчиво, нетерпѣливо требуя немедленнаго освѣщенія всѣхъ ихъ. Волей-неволей приходится давать отвѣты наспѣхъ, лишь кое-какъ вспоминая что-то, о чемъ говорилось на лекціяхъ въ университетѣ

или читалось въ учебникахъ и популярной литературѣ. Каждому приходится сразу быть и экономистомъ, и административистомъ, и разрѣшать сложныя проблемы государственнаго права, и проникать въ загадочныя дали международной политики. Что же удивительнаго, если въ зависимости отъ разнаго рода случайныхъ обстоятельствъ одно и то же лицо и по тому же самому поводу сегодня говоритъ одно, а завтра совершенно другое; сегодня еще только прочло о чемъ-либо двѣ строчки въ газетѣ, а завтра трактуетъ уже объ этомъ, какъ объ общепризнанной истинѣ?

Такъ было въ первыя недѣли революціи; почти такъ же осталось и теперь. Но жизнь не ждетъ. Въ первомъ радостномъ опьяненіи свободой допустимо еще было ограничиваться самыми общими лозунгами, въ двухъ словахъ опредѣляющими всѣ главнѣйшіе устои дворца новой Россіи. Достаточно было провозгласить: «вся земля крестьянамъ», «демократическая федеративная республика съ одной палатой», «полное отдѣленіе церкви отъ государства»—и все казалось яснымъ, легко осуществимымъ, а, главное, обѣщающимъ одно только хорошее. Теперь не то. Отъ словъ давно пришлось перейти къ дѣлу, отъ провозглашенія новыхъ началъ къ проведенію ихъ въ жизнь, отъ лозунговъ къ программамъ.

Разумѣется, какъ задолго до начала революціи готовъ былъ рядъ необходимыхъ революціонныхъ лозунговъ, такъ задолго еще имѣлись налицо и необходимыя программы. Однако, для старыхъ программъ какъ разъ то и оказалось плохо, что онѣ были составлены заранѣе, когда больше требовалось намѣчать цѣли, чѣмъ обезпечивать ихъ осуществимость, когда вопросъ о практическихъ возможностяхъ вольно или невольно отодвигался на второй планъ, а всякія «частности» и вовсе не принимались во вниманіе. Короче говоря, съ полной очевидностью выяснилось, что программы идеальныхъ теоретическихъ требованій и программы непосредственныхъ практическихъ мѣропріятій далеко не одно и то же и что послѣднія настоятельно нужны не только въ осуществленіе или восполненіе первыхъ, но и въ измѣненіе ихъ, если не въ полную отмѣну.

Все это призываетъ къ новой работѣ, къ пріобрѣтенію новыхъ знаній, къ установленію новой манеры разбираться въ политической и правовой дѣйствительности. И особенно въ области политики внѣшней и въ области права международнаго. Здѣсь еще мы совершеннѣйшіе новички и здѣсь все, рѣшительно все намъ приходится творить заново и почти что изъ ничего. Дальше «мира безъ аннексій и контрибуцій на основѣ самоопредѣленія народностей» мы и

до сихъ поръ не сумѣли уйти въ построеніи своей международноправовой идеологіи; при чемъ и до сихъ поръ, повидимому, едва ли вполнѣ отчетливо представляемъ себѣ, что, собственно, приходится подразумѣвать подъ этимъ столь звучнымъ лозунгомъ, къ чему можетъ онъ и долженъ приводить на практикѣ. Разумѣется, это не случайность. Въ данномъ случаѣ сказывается несомнѣнное отсутствіе въ насъ сколько-нибудь остраго интереса къ вопросамъ международныхъ отношеній и полнѣйшая непривычка правильно разбираться въ ихъ основахъ и существѣ. Такъ, въ памятные іюльскіе дни 1914 года для насъ «совершенной неожиданностью» явилась война съ Германіей и Австріей. Начали обсуждать ея причины и кромѣ ссылокъ на гидру германскаго милитаризма, да на коварство и честолюбіе имп. Вильгельма, за немногими исключеніями не умудрились ничѣмъ заполнить своихъ объясненій. Столь же полной неожиданностью неизмѣнно оказывались для русскаго общества и всѣ послѣдующіе этапы въ дипломатической исторіи великой борьбы народовъ.

Искать разгадку такого нашего равнодушія къ судьбамъ международныхъ отношеній не входитъ въ задачу ни настоящей книги, ни предисловія къ ней. Но одно обстоятельство хочется все же отмѣтить: мы не только не интересо-

вались международными вопросами, мы почти сознательно сторонились ихъ, какъ слишкомъ тѣсно связанныхъ съ политикой и дипломатіей. Что такое политика и дипломатія, каковы ихъ цѣли, какими средствами пользуются онѣ, этого мы въ точности не знали, но инстинктомъ чувствовали всегда, что онѣ цѣликомъ соткана изъ временнаго, случайнаго, относительнаго, и очень часто—изъ явно несправедливаго. И за это-то мы осуждали ихъ и считали ниже своего достоинства прикасаться къ нимъ,—мы, любящіе и цѣнящіе лишь вѣчное и безусловное!—Такжсе и къ вопросамъ внутренней политики, привычнымъ уже намъ, мы подходимъ большею частью не столько въ качествѣ реальныхъ политиковъ, стремящихся въ процессѣ постоянной и планомѣрной работы менѣе совершенное постепенно сдѣлать болѣе совершеннымъ, сколько въ качествѣ людей, если и готовыхъ стоять на стражѣ справедливости, то лишь самой высшей, если и согласныхъ служить добру, то лишь добру абсолютному.

Совершенно вѣрно: заняться вопросами политики значитъ погрузиться въ самую гущу временнаго, случайнаго, ложнаго и несправедливаго. Но что же дѣлать? Теперь уже у насъ нѣтъ больше стараго правительства, которое такъ охотно брало грѣхъ политики на свою душу, и

намъ, полноправнымъ руководителямъ всякаго новаго правительства, волей-неволей придется брать его на себя. Не мѣшаетъ принять во вниманіе и то, что въ международныхъ отношеніяхъ ни одно государство при всемъ желаніи не властно цѣликомъ навязывать свою волю всѣмъ остальнымъ, такъ что если бы мы и пожелали сразу замѣнить всю международную политику однимъ сплошнымъ акаѳистомъ высшей международной и общечеловѣческой справедливости, то изъ акаѳиста этого рѣшительно ничего не вышло бы. И, наконецъ, откуда слѣдуетъ, что мы сумѣли возвыситься надъ всѣмъ временнымъ и несправедливымъ и вдругъ стали настолько святыми, чтобы такъ прямо съ Учредительнаго Собранія и войти въ лучезарные чертоги Высшаго Добра и Высшей Справедливости? Не завершались ли сплошь и рядомъ наши безудержные полеты далеко въ высь страшными паденіями на самое дно грѣха и зла? Не будетъ ли повторяться то же самое еще и долго, долго впредь? И до какихъ поръ? Не до тѣхъ ли, когда мы поймемъ, въ концѣ концовъ, необходимость примириться съ временнымъ и относительнымъ и согласимся на ихъ помощь въ нашихъ поискахъ внѣвременнаго и безусловнаго? А вѣдь это можетъ случиться, въ свою очередь, лишь тогда, когда нами будетъ осознана глубокая этическая

цѣнность не только нравственности и права,— вмѣстилищъ этически истиннаго на всѣ времена и на долгія времена (право),—но и политики, охраняющей торжество справедливости въ моментъ и на моментъ.

Итакъ, пора приняться за внимательное и серьезное изученіе международной политики, пора начать вырабатывать себѣ устойчивое внѣшнеполитическое міросозерцаніе. А для этого въ первую очередь необходимо уяснить внутреннюю природу современныхъ международныхъ связей, объемъ и степень плотности ихъ, общее направленіе ихъ историческаго движенія, силы, способствующія и препятствующія ихъ уплотненію;—словомъ, необходимо отчетливо представить себѣ сущность и основы того интернаціонализма, подъ знакомъ котораго протекаетъ вся современная исторія. Только тогда мы получимъ возможность правильно разбираться въ каждомъ отдѣльномъ событіи международной жизни, въ тѣхъ международно-политическихъ лозунгахъ, которые успѣли у насъ сложиться или будутъ складываться съ теченіемъ времени и въ тѣхъ обѣтованіяхъ близкаго вѣчнаго мира, которыя все чаще и чаще раздаются даже изъ устъ практическихъ политиковъ, отвѣтственныхъ государственныхъ дѣятелей разныхъ странъ. Только тогда, наконецъ, пестрое разнообразіе

нашихъ международно-политическихъ воззрѣній приметъ устойчивыя формы и получитъ обоснованіе и оправданіе.

Предлагаемые ниже очерки ставятъ себѣ задачей ввести русскаго читателя въ нѣкоторые изъ основныхъ вопросовъ интернаціонализма. По замыслу автора, очерки эти представляютъ собой первую часть того труда, въ которомъ онъ надѣется освѣтить всѣ наиболѣе существенныя, съ его точки зрѣнія, стороны въ теоріи международныхъ отношеній и который предполагаетъ появленіе въ свѣтъ еще и второй части.

Москва, 30 сентября 1917 года.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Экономическая сторона интернаціонализма.

Хозяйственныя потребности современныхъ культурныхъ народовъ сложны и многообразны и ни одинъ изъ нихъ не въ состояніи удовлетворить всѣ эти потребности лишь своими собственными средствами. Какъ ни широко раскинулась Россія по лицу земли, она не дотянулась до тропиковъ и все, что производитъ тропическая природа, должно привозиться въ нее «изъза границы». Какъ ни велики колоніи Англіи, Англія не можетъ обойтись безъ русскаго лѣса. Германія въ послѣдніе годы передъ войной покупала въ Россіи, Даніи и др. сельскохозяйственныхъ странахъ больше, чѣмъ на 7 милліардовъ марокъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ, изъ нихъ на 5 съ лишнимъ милліардовъ для своего собственнаго потребленія [1]). Есть

[1]) См. «Журн. Промышл. и Торг.». 1914 г., №16, ст. Г. Я. Рохвича: «Война и продовольствіе Германіи».

страны, совершенно лишенныя каменнаго угля, столь необходимаго въ промышленныхъ предпріятіяхъ. Очень многія страны не имѣютъ собственной нефти, собственнаго хлопка, собственной платины. Италія и Испанія поставляютъ на всю Европу фрукты. Изъ Африки чрезъ посредство Брюсселя по всему міру расходится каучукъ.

Но обмѣнъ между современными народами не ограничивается только тѣмъ, чѣмъ богата почва однихъ и чего нѣтъ, благодаря природнымъ или климатическимъ условіямъ, у другихъ. Теперь въ очень многихъ странахъ высоко развита фабрично-заводская промышленность. Фабрики и заводы разныхъ странъ конкурируютъ другъ съ другомъ въ производствѣ продуктовъ, наиболѣе дешевыхъ, наиболѣе хорошихъ по качеству, наиболѣе удовлетворяющихъ требованія покупателей.

Условія производства и условія дешевизны не могутъ быть вездѣ одинаковыми. Крупнымъ фабрикамъ производство обходится дешевле, чѣмъ мелкимъ, и, слѣдовательно, страны съ развитой крупной промышленностью «побиваютъ» на международномъ рынкѣ тѣ страны, въ которыхъ крупная промышленность еще не успѣла развиться. Здѣсь имѣютъ значеніе удобство и дешевизна полученія фабриками сырья для об-

работки: въ тѣхъ мѣстностяхъ и странахъ, гдѣ своего сырья нѣтъ, а дешево получить чужое нельзя, соотвѣтствующая отрасль производства—при условіи конкуренціи—не имѣетъ надеждъ на успѣшное развитіе. Съ другой стороны, если самое производство и обходится дешево, но дорого стоитъ доставить фабрикаты къ мѣсту сбыта, «на рынокъ», то и этимъ создается серьезное препятствіе для устройства въ странѣ фабрикъ или, во всякомъ случаѣ, для соперничанія съ фабриками другихъ странъ, находящихся въ лучшихъ «условіяхъ сообщенія». Иногда какая-нибудь страна или отдѣльная мѣстность въ странѣ впервые создаютъ ту или иную отрасль производства и затѣмъ настолько успѣшно развиваютъ ее и совершенствуются въ ней и настолько пріучаютъ къ себѣ иностраннаго и мѣстнаго покупателя, что совершенно устраняютъ почву для конкуренціи. И тогда весь міровой рынокъ къ ихъ услугамъ.

Широкая международная торговля существовала уже въ самой глубокой древности. Изъ Индіи вывозились въ другія страны дорогія породы деревьевъ, самоцвѣтные камни, металлы и издѣлія изъ нихъ, ткани; изъ Аравіи—благовонныя травы для куренія, золото, всякія пряности. Эѳіопія поставляла на міровой рынокъ золото и слоновую кость, Арменія—вина,

Персія—шерсть, матеріи и ковры, эмалевыя и мозаичныя издѣлія, художественную рѣзную мебель. Все это на время сосредоточивалось въ Вавилонѣ и Ассиріи, какъ въ центрѣ скрещенія большинства торговыхъ путей древняго міра, и уже оттуда двигалось дальше, на мѣста своего окончательнаго назначенія.

На много обширнѣе, разумѣется, современная международная торговля. Въ наши дни міръ поистинѣ представляетъ собой единое универсальное хозяйство, части котораго подѣлили между собой хозяйственный трудъ и находятся другъ съ другомъ въ тѣснѣйшемъ общеніи и взаимодѣйствіи. Сельскохозяйственныя страны снабжаютъ страны промышленныя жизненными припасами и сырьемъ, а взамѣнъ получаютъ предметы фабрично-заводскаго производства. Россія и Канада питаютъ міръ хлѣбомъ, Англія и Германія — каменнымъ углемъ, тканями (Англія) и предметами химической промышленности (Германія). Соединенные Штаты Сѣверной Америки поставляютъ сосѣдямъ машины. Но это лишь наиболѣе характерные примѣры; Россія и Англія, Германія и Америка вывозятъ, помимо указанныхъ, массу и другихъ предметовъ. Разныя страны болѣе или менѣе удачно подѣлили между собой отдѣльныя части мірового рынка или встрѣчаются въ однихъ

и тѣхъ же его пунктахъ, то уступая другъ другу, то побивая другъ друга, но неизмѣнно уплотняя общую торговую связанность всего міра.

Статистическія данныя, такія сухія на первый взглядъ и такія краснорѣчивыя, когда проникнешь въ несложную тайну ихъ языка, показываютъ, что передъ войной внѣшняя торговля во всемъ мірѣ достигала колоссальныхъ оборотовъ въ 178.255.000.000 франковъ въ годъ. За два десятилѣтія,—послѣднее въ прошломъ столѣтіи и первое въ теперешнемъ,—обороты японской внѣшней торговли увеличились болѣе, чѣмъ на 200%. Согласно вычисленіямъ Готейна, къ началу девятисотыхъ годовъ въ Германіи за счетъ ея внѣшней торговли жили: непосредственно не менѣе 11,27 милл. человѣкъ, т.-е. почти одна пятая часть всего населенія; а если считать и тѣхъ, кто косвенно участвовалъ въ этой торговлѣ, обслуживая различныя нужды только что указанныхъ 11,27 милліоновъ, то общая цифра людей, живущихъ въ Германіи за счетъ внѣшней торговли страны, поднимется до 19,37 милл., т.-е. до 35, 2% всего германскаго населенія [1]).

---

[1]) Gothein G. «Der deutsche Aussenhandel—Materialien und Betrachtungen». Berl. 1901, ss. 31—2.

Какъ извѣстно, современная промышленная жизнь народовъ стоитъ подъ знакомъ рѣзко выраженнаго «капитализма». Доходы съ производства не распредѣляются между всѣми участниками производства сообразно затраченному каждымъ изъ нихъ труду, а распадаются на двѣ неравныя части: рабочіе получаютъ опредѣленную плату за свой трудъ, а если и участвуютъ иногда въ выгодахъ предпріятія, то лишь въ незначительной долѣ; главная же часть прибыли попадаетъ въ руки предпринимателя, владѣльца капитала, въ вознагражденіе его за «предпринимательскій рискъ» и въ удовлетвореніе тѣхъ его желаній или потребностей, ради которыхъ имъ затѣяно предпріятіе. Чѣмъ крупнѣе производство, тѣмъ выше предпринимательская прибыль. Чѣмъ выше прибыль, тѣмъ все большая часть ея остается у предпринимателя свободною. Эта свободная часть прибыли въ свою очередь идетъ на развитіе того же предпріятія или на созданіе новаго. Прибыли все увеличиваются, капиталъ безудержно родитъ новые капиталы. Наступаетъ моментъ, когда денежному, «финансовому» капиталу становится уже трудно найти себѣ примѣненіе. Обслуженъ весь внутренній рынокъ, обслужены рынки иностранные. Предпринимателямъ остается одно изъ двухъ: или мириться съ постепеннымъ пониженіемъ своихъ

барышей или же сдѣлать и самый финансовый капиталъ предметомъ вывоза за границу, въ тѣ страны, гдѣ въ немъ особенно нуждаются. Капиталисты предпочитаютъ этотъ послѣдній выходъ и такимъ образомъ создается новый видъ экономическихъ взаимоотношеній между народами—«экспортъ капиталовъ». Подобнаго рода экспортъ принимаетъ въ зависимости отъ обстоятельствъ различныя формы. Въ однихъ случаяхъ это—дача денегъ иностранному государству въ видѣ «займа», въ другихъ случаяхъ—устройство за границей новыхъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій. Не всегда, впрочемъ, помѣщеніе денегъ въ иностранные займы и предпріятія означаетъ, что развитіе промышленности въ данной странѣ достигло своего апогея и что дальше ей уже некуда итти. Много значатъ чисто временныя условія, многое зависитъ отъ психологіи народа. Такъ, напримѣръ, въ чрезвычайно широкихъ размѣрахъ ссужаетъ деньгами другія государства Франція, но не Франція является наиболѣе промышленной въ мірѣ страной; промышленность С.-А. Соединенныхъ Штатовъ, Германіи и Англіи далеко опередила французскую промышленность.

Въ 1905 г. въ одной только Европѣ обращалось цѣнныхъ бумагъ больше, чѣмъ на 570 милліардовъ франковъ. Въ суммѣ до 345 мрд. фр.

онѣ оставались въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ были выпущены. Слѣдовательно, въ этомъ году по чужимъ государствамъ былъ размѣщенъ денежный капиталъ въ 225 милліардовъ франковъ, что болѣе чѣмъ въ два раза превышаетъ международный товарный оборотъ за тотъ же годъ. «Въ настоящее время,—говоритъ А. Неймаркъ,—милліоны и милліарды обращаются среди народовъ со значительно большей легкостью, чѣмъ изъ страны въ страну пересылаются метръ матеріи, пачка шелку или тонна угля» [1]).

Не хочетъ считаться съ государственными границами и современный рабочій трудъ. Японскіе рабочіе рвутся въ Америку, китайскіе—въ Японію. Въ маленькомъ промышленномъ Люксембургѣ настоящее смѣшеніе языковъ. Въ поискахъ труда за время съ 1871 г. по 1905 г. изъ Германіи выселилось въ другія страны 2.312.634 чел. Напротивъ, въ послѣдніе годы передъ войной Германія усиленно притягивала къ себѣ рабочія руки изъ-за границы. Такъ, согласно статистическимъ даннымъ, въ 1913 г. Россія дала Германіи 317.000 рабочихъ, Ав-

---

[1]) Цит. по R. Kobatsch, «Internationale Wirtschaftspolitik». Wien 1907, s. 66—67.

стрія—281.000, Италія—69.000, Голландія и Бельгія—64.000, Венгрія—20.000 [1]).

Такимъ образомъ, приходится сказать, что въ основѣ современнаго хозяйственнаго общенія народовъ лежатъ три главнѣйшія экономическія причины: избытокъ производства, избытокъ капиталовъ, избытокъ населенія въ однѣхъ странахъ при соотвѣтствующемъ недостаткѣ во всемъ этомъ—въ другихъ

Но нельзя упускать изъ виду и ряда другихъ причинъ, мощно содѣйствующихъ уплотненію хозяйственныхъ международныхъ связей. Значительную роль играютъ, напримѣръ, техническія изобрѣтенія и усовершенствованія, среди которыхъ на первомъ мѣстѣ стоятъ желѣзныя дороги и телеграфъ. Желѣзнодорожные поѣзда, мчащіеся со скоростью до 200 километровъ въ часъ,—искры безпроволочнаго телеграфа, способныя въ секунду пять разъ обогнуть земной шаръ и, какъ свѣтъ, разбѣгающіяся во всѣ стороны на тысячи верстъ [2]),—подводные телеграфные кабели, соединяющіе материки, преодолѣвъ пространство и время, не хотятъ считаться и

---

[1]) Ср. W. Morton Fullerton, «Les grands problèmes de la politique mondiale» («Problems of power) Paris 1916, p. 263.

[2]) Длина волнъ Панамской станціи достигаетъ 5.000 километровъ.

съ государственными границами. Не меньшее значеніе имѣютъ усовершенствованія въ области морского и рѣчного судостроительства, развитіе почтовыхъ сношеній между государствами.

Для того, чтобы желѣзныя дороги, почта, разные виды телеграфа и другіе способы сообщенія и сношеній между народами не наталкивались на пограничные столбы, но могли бы съ наибольшей легкостью и съ наибольшимъ успѣхомъ дѣйствовать на разныхъ территоріяхъ, необходимы международныя соглашенія. Такія соглашенія заключаются государствами непрестанно и уже сами по себѣ являются могучей силой, облегчающей міру возможность превратиться въ одно плотное хозяйственное цѣлое.

Нерѣдко временное ослабленіе экономическихъ связей между какими-нибудь двумя государствами служитъ причиной усиленія такихъ связей между каждымъ изъ этихъ государствъ и группами другихъ.

Въ условіяхъ современной международной жизни усиленіе экономическаго вліянія одной страны на другую ведетъ за собой соотвѣтствующее усиленіе вліянія политическаго. Поэтому созданіе тѣхъ или иныхъ внѣшнихъ экономическихъ связей преслѣдуется иногда государствами искусственно, въ виду очередныхъ политическихъ цѣлей.

Наконецъ, и причины психологическаго порядка играютъ здѣсь немаловажную роль: жажда новаго, непривычнаго и неизвѣстнаго, изстари воспитанный въ людяхъ духъ авантюризма, любовь къ крупному и грандіозному, любовь къ странствованіямъ, индивидуальныя склонности и способности. Въ частности, мы не сумѣли бы вѣрно объяснить себѣ быстрые успѣхи германской промышленности и торговли, если бы отказались обратить наше вниманіе на психологію нѣмецкихъ купцовъ и коммивояжеровъ и на то, насколько сами они считаются съ психологіей своихъ заказчиковъ и покупателей. Наканунѣ войны великобританскій консулъ въ Одессѣ, перечисляя въ донесеніяхъ своему правительству причины успѣховъ германской торговли въ Россіи, на первый планъ выдвигалъ именно личныя свойства германскихъ странствующихъ приказчиковъ. Они всегда основательно знаютъ свое дѣло, чрезвычайно энергичны и сравнительно въ очень высокой степени интеллигентны. Большинство изъ нихъ владѣетъ русскимъ языкомъ. Предлагая товаръ, они умѣютъ обратить вниманіе покупателя на всѣ его преимущества. Количество товара на рынкѣ и рыночная цѣна его имъ въ точности извѣстна. Полученные заказы германскіе коммивояжеры исполняютъ съ чрезвычайной точностью и акку-

ратностью, доставляя товаръ покупателю тщательно и изящно упакованнымъ. Нерѣдко они безплатно разсылаютъ образцы фабрикатовъ своихъ фирмъ съ просьбой испробовать ихъ и затѣмъ высказать свое мнѣніе о нихъ. Многіе соглашаются доставлять товаръ покупателю до самаго мѣста назначенія, показывая всѣ цѣны и мѣры въ русскихъ единицахъ и уплачивая пошлины и остальные расходы. Германскіе коммивояжеры не боятся долгосрочнаго кредита, а отъ хорошо извѣстныхъ имъ заграничныхъ фирмъ не требуютъ векселей. Чтобы добиться наиболѣе широкаго распространенія своего товара, они рекламируютъ его при помощи всевозможныхъ каталоговъ, альманаховъ, плакатовъ, брошюръ и т. п. О каждой новинкѣ немедленно доводятъ до свѣдѣнія покупателей. Наконецъ, многія германскія фирмы открываютъ за границей отдѣленія, агентства или техническія конторы, служащіе которыхъ имѣютъ возможность еще лучше ознакомиться съ особенностями мѣстнаго рынка. Совершенно иного рода нравы установились, къ сожалѣнію, въ средѣ русскихъ экспортеровъ.

«Русскіе интересы въ Великобританіи,—читаемъ мы въ одномъ изъ выпусковъ «Донесеній» нашихъ консуловъ,—страдаютъ отъ недостаточной добросовѣстности нѣкоторыхъ лицъ, желаю-

щихъ добиться отъ англичанъ денежныхъ выгодъ въ ущербъ національной репутаціи и кредита Россіи. При всякой возможности снабдить англійскій рынокъ нужными ему товарами сбыть таковыхъ самъ собою подрывается послѣ непріятныхъ опытовъ несоблюденія сроковъ доставки товаровъ, несоотвѣтствія качества товаровъ представленнымъ образцамъ, недочетовъ въ всѣсѣ отправленныхъ товаровъ и т. п.» (1914 г., № 35,с. 46).

То же самое и въ другомъ мѣстѣ: «Слишкомъ часто раздаются жалобы великобританскихъ коммерсантовъ на причиненные имъ убытки вслѣдствіе банкротства и недостаточной аккуратности со стороны русскихъ контрагентовъ. Не только англійскія фирмы жаловались на это генеральному консулу, но и великобританскіе консулы о томъ же доносятъ своему правительству» (1915 г., № 51; ср. №№ 24 и 37).

Представители нашего министерства торговли и промышленности стараются утѣшить себя тѣмъ, что «и въ Англіи также встрѣчаются недобросовѣстные коммерсанты, коихъ слѣдуетъ избѣгать». Но, конечно, это очень слабое утѣшеніе, и вотъ:— «для возможнаго предупрежденія подобныхъ случаевъ генеральное консульство не разъ обращало вниманіе англичанъ на то, что до вступленія въ сношеніе съ русскими фирмами они

должны заручиться отъ нихъ серьезными рекомендаціями относительно ихъ кредитоспособности и хорошей торговой репутаціи, или же воспользоваться услугами крупныхъ англійскихъ фирмъ, имѣющихъ своихъ агентовъ въ Россіи»!

Всѣ главнѣйшія причины современнаго высокаго развитія хозяйственнаго интернаціонализма Р. Кобачъ объединяетъ въ слѣдующемъ общемъ перечнѣ: «1. Естественное увеличеніе населенія въ государствѣ; внутреннія переселенія, распредѣленіе жителей между деревней и городомъ.—2. Международныя переселенія (изъ одной страны въ другую).—3. Изобрѣтенія и открытія.—4. Увеличивающаяся индустріализація производства въ отдѣльныхъ странахъ; прогрессъ и спеціализація производства; неодинаковая и неодинаково быстрая индустріализація странъ.—5. Ростъ потребностей, лучшее удовлетвореніе основныхъ потребностей (пища, жилище, одежда).—6. Необходимая и растущая зависимость отдѣльнаго національнаго хозяйства отъ другихъ при полученіи сырыхъ продуктовъ для пропитанія и для обработки.—7. Увеличивающаяся необходимость вывоза, какъ результатъ избытка производства.—8. Увеличивающаяся капиталистическая дѣятельность за границей, какъ результатъ избытка капиталовъ.—9. Возникновеніе и обостреніе разнаго

рода интересовъ, сталкивающихся въ международномъ оборотѣ.—10. Возникновеніе и уплотненіе общности интересовъ (Interessengemeinschaften) въ международномъ оборотѣ.—11. Увеличивающееся число и значеніе актовъ международнаго соглашенія.—12. Усиливающаяся тенденція къ интернаціонализаціи во всѣхъ областяхъ»[1]).—Съ чисто систематической точки зрѣнія приведенная схема не представляется вполнѣ совершенной, но, въ общемъ, она все же вѣрно передаетъ существо дѣла и ею можно пользоваться.

Въ цѣляхъ урегулированія своихъ взаимныхъ экономическихъ отношеній государства заключаютъ другъ съ другомъ разнообразные соглашенія и договоры. Въ нихъ они устанавливаютъ высоту своихъ ввозныхъ, вывозныхъ и транзитныхъ пошлинъ, обезпечиваютъ другъ другу т. наз. «условіе наибольшаго благопріятствованія», соглашаются относительно права поселенія, торговли, аренды и пріобрѣтенія недвижимости своими подданными на территоріи другъ у друга. Здѣсь же устанавливаются положенія о консулахъ, главнѣйшее назначеніе которыхъ заключается въ охранѣ торговыхъ интересовъ своихъ

---

[1]) R. Kobatsch, op cit., s. 296.

гражданъ въ чужой странѣ,—а также правила, касающіяся порядка судебнаго разрѣшенія возможныхъ на торговой почвѣ конфликтовъ. Наконецъ, здѣсь же можно найти и многочисленные пункты, касающіеся движенія иностранныхъ товаровъ по желѣзнымъ дорогамъ, судоходства, защиты иностранныхъ патентовъ и торговыхъ знаковъ, льготы для торговли въ пограничныхъ мѣстахъ, общей борьбы съ контрабандистами, ветеринарнаго осмотра переправляемаго черезъ границу скота и т. д., и т. д.

Наиболѣе важное значеніе имѣютъ въ современныхъ условіяхъ пункты о таможенныхъ пошлинахъ и о «наибольшемъ благопріятствованіи».

Устанавливая пошлины на ввозимые изъ-за границы товары, отсталыя въ экономическомъ отношеніи страны получаютъ въ свои руки сильное орудіе противъ порабощенія со стороны сосѣдей, успѣвшихъ дальше уйти по пути хозяйственнаго развитія. Если бы не эти «защитныя» пошлины, мѣстный рынокъ оказался бы наводненнымъ иностранными товарами, болѣе дешевыми и болѣе доброкачественными. Собственное производство или заглохло бы, или потеряло бы возможность развиваться и совершенствоваться. Деньги изъ страны стали бы уходить за границу. Создалась бы тягостная

зависимость рынка отъ иностранныхъ купцовъ и промышленниковъ, которые получили бы возможность управлять имъ всецѣло по своему усмотрѣнію: захотѣли—и цѣны поднялись, захотѣли—и цѣны упали. Въ любой моментъ иностранцы могутъ при такихъ условіяхъ оставить страну безъ необходимыхъ товаровъ, а это въ концѣ концовъ должно привести къ тому, что страна и въ политическомъ отношеніи попадетъ въ зависимость отъ своихъ счастливыхъ сосѣдей;—если она согласна итти по предуказанному ей ими пути, то ей обезпечены тѣ или иныя поблажки; если же не согласна, то производится «нажимъ», вызывающій въ ней болѣзненныя конвульсіи.—Напротивъ, съ помощью удачно составленныхъ таможенныхъ тарифовъ правительство экономически отсталой страны получаетъ источникъ для доходовъ, которые оно можетъ употребить на развитіе у себя промышленности, да и самимъ отечественнымъ предпринимателямъ облегчается борьба съ иностранной конкуренціей:—дешевизна иностранныхъ товаровъ падаетъ настолько, что является расчетъ открывать собственные фабрики и заводы; и фабрики начинаютъ открываться. Благодаря подобнаго рода политикѣ «протекціонизма», сдѣлались первыми въ мірѣ промышленными странами С.-А. Соединенные Штаты и Германія; этой же политики придерживались

и придерживаются на пути своего промышленнаго развитія и другія страны: въ старое время Франція и Англія, въ новѣйшее—Японія. Съ ея же помощью предполагалось превратить въ промышленную страну и Россію.—Разумѣется, передовыя въ промышленномъ отношеніи государства, противъ которыхъ направлены тѣ или иные таможенные тарифы, начинаютъ изыскивать всѣ способы, чтобы парализовать невыгодное для нихъ дѣйствіе этихъ тарифовъ. Разгорается экономическая борьба, приводящая иногда къ т. наз. «таможеннымъ войнамъ», при которыхъ въ отвѣтъ на повышеніе таможенныхъ ставокъ однимъ государствомъ другое государство повышаетъ нѣкоторыя изъ своихъ таможенныхъ ставокъ. Примѣръ—таможенная война между Россіей и Германіей въ началѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Слѣдуетъ прибавить, что все только что сказанное о борьбѣ между передовыми и отставшими въ промышленномъ развитіи странами относится и къ борьбѣ между нѣсколькими сильно промышленными странами; здѣсь только рѣчь идетъ уже объ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности, не успѣвшихъ почему-либо развиться въ той степени, въ какой это возможно и желательно для государства.

Съ вопросомъ о таможенныхъ пошлинахъ тѣсно связывается часто вопросъ объ упоминав-

щемся нами «условіи наибольшаго благопріятствованія». Это—условіе, въ силу котораго договаривающіяся стороны или взаимно обязываются обезпечить другъ другу всякое преимущество по торговлѣ и всякую сбавку пошлинъ, предоставленныя уже или могущія быть предоставленными какому-нибудь еще государству,—или же онѣ обязываются не предоставлять третьимъ государствамъ торговыхъ льготъ, болѣе выгодныхъ, чѣмъ тѣ, которыя предоставили другъ другу [1]).

Въ этомъ условіи,—замѣчаетъ Г р у н ц е л ь,—для каждаго контрагента создается обезпеченіе, что его торговыя сношенія съ другимъ заключившимъ договоръ государствомъ не будутъ поставлены въ менѣе благопріятное положеніе, чѣмъ положеніе какого бы то ни было изъ конкурирующихъ государствъ (als die Conkurrenz irgend eines anderen Landes) [2]). Такимъ образомъ, постановленія о наибольшемъ благопріятствованіи по своему значенію несравненно шире, чѣмъ постановленія о таможенныхъ тарифахъ. Они охватываютъ все, что такъ или иначе спо-

---

[1]) Ср. В. У л я н и ц к і й, «Международное право». Томскъ, 1911, с. 291.

[2]) J. G r u n z e l, «Handbuch der internationalen Handelspolitik. Wien. 1898, s. 120.

собно содѣйствовать или препятствовать торговлѣ двухъ странъ, а нерѣдко и совсѣмъ выходятъ за предѣлы торговли, мореплаванія, промышленности, ремеслъ и трактуютъ объ общемъ положеніи подданныхъ одной страны въ другой. Такъ, ст. XIV Трактата о торговлѣ и мореплаваніи, заключеннаго между Россіею и Японіею 25/28 іюля 1907 г., гласитъ: «...во всемъ, что касается торговли, мореплаванія, промышленности и ремеслъ, всѣ преимущества, льготы и изъятія, которыя та или другая изъ договаривающихся сторонъ уже предоставила или впредь предоставитъ Правительству, судамъ или подданнымъ всякаго другого Государства, будутъ немедленно и безусловно распространены на Правительства, на суда или на подданныхъ другой изъ договаривающихся сторонъ, такъ какъ по ихъ намѣренію торговля, мореплаваніе и промышленность каждой изъ обѣихъ странъ должны пользоваться въ другой странѣ во всѣхъ отношеніяхъ правами наиболѣе благопріятствуемой націи». Это — ст. XIV. Между тѣмъ, въ первой статьѣ того же трактата, весьма обширной и подробной, трижды упоминается наибольшее благопріятствованіе: а) въ связи съ правомъ проживанія, путешествія и владѣнія движимостью русскихъ въ Японіи и японцевъ въ Россіи, б) въ связи съ постановленіемъ о недвижимости и о занятіи земледѣ-

ліемъ и в) въ связи съ постановленіемъ о повинностяхъ и сборахъ.

Совершенно несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что наибольшее благопріятствованіе является однимъ изъ важнѣйшихъ и необходимѣйшихъ устоевъ въ общей системѣ экономическихъ взаимоотношеній современныхъ странъ. Поэтому-то условіе о немъ и встрѣчается въ большинствѣ новыхъ и новѣйшихъ торговыхъ договоровъ; поэтому же государства и пользуются всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы добиться его, хотя бы и не совсѣмъ въ согласіи съ желаніями контрагента. (Напримѣръ, Японія встала на положеніе наиболѣе благопріятствуемой націи въ Китаѣ послѣ удачной войны съ нимъ въ 1894—95 гг.) Въ настоящее время большинство государствъ связали себя другъ съ другомъ соглашеніями о наибольшемъ благопріятствованіи и тѣмъ привели хозяйственную жизнь міра на еще болѣе высокую ступень «интернаціонализаціи».

Съ особенной наглядностью показала тѣсную экономическую связь между государствами всего міра великая война. Какъ только прервалось сообщеніе между враждующими странами и создались серьезныя затрудненія для сообщенія между державами согласія и нейтральными, такъ тотчасъ же въ Германіи началъ сказываться

недостатокъ въ пищевыхъ продуктахъ, въ кожахъ, веревкахъ, резинѣ; Россія осталась безъ продуктовъ химической промышленности и безъ медикаментовъ, безъ машинъ и безъ тканей. Англія скоро почувствовала недостатокъ въ краскахъ, цинкѣ, сахарѣ, оптическихъ интрументахъ, въ судахъ для перевозки угля въ Италію и Францію. Этимъ послѣднимъ странамъ стало нехватать угля, такъ какъ значительную часть его онѣ получали непосредственно изъ Германіи. Во Франціи, кромѣ того, сказался и нѣкоторый бумажный голодъ.

Всѣмъ странамъ пришлось быстро и рѣшительно перестраивать основанія своей хозяйственной жизни, заводить новыя торговыя связи, развивать новыя отрасли промышленности. Японія превратилась «въ одну громадную фабрику», работающую на русскую армію и на арміи нѣкоторыхъ изъ ея союзниковъ. Соединенные Штаты, помимо выполненія многочисленныхъ заказовъ на воюющихъ, стали усиленно снабжать деньгами Англію, Канаду, Францію и Россію [1]). Въ нейтральныхъ странахъ съ совершенно принудительной необходимостью началось стремительное вздорожаніе жизни. Если

[1]) Ср. A. Raffalovich: «Revue du marché financier en 1916» Journal des économistes—15. I. 1917, p. 41.

нѣкоторыя изъ нихъ, въ томъ числѣ и Соединенные Штаты, изъ лагеря нейтральныхъ постепенно перешли въ лагерь воюющихъ, то это произошло большею частью во имя политическихъ интересовъ сколько же, сколько и во имя интересовъ чисто экономическихъ.

Вотъ одна изъ характерныхъ иллюстрацій.—Россійскій повѣренный въ дѣлахъ въ Аргентинѣ, Е. Ф. Штейнъ, пишетъ въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ донесеній: «Если воскресить въ памяти картину того, что происходило въ Аргентинѣ къ августу 1914 года, то легко себѣ представить, что произошло, когда былъ объявленъ мораторіумъ,—когда значительное число рабочихъ рукъ, какъ разъ наканунѣ начала полевыхъ работъ, внезапно отхлынуло изъ страны по воинскому призыву,—когда секвестръ англійскимъ и французскимъ правительствами доброй половины самыхъ вмѣстительныхъ и быстроходныхъ судовъ южно-американскихъ линій и полное исчезновеніе германскаго и австрійскаго флаговъ оставили Аргентину почти безъ средствъ вывоза своихъ продуктовъ,—когда то немногое, что было оставлено мѣстному судоходству, едва рисковало выходить въ открытое море, изъ опасенія надѣлавшихъ въ первое время столько бѣдъ нѣмецкихъ корсаровъ,—когда, наконецъ, всякая возможность надежды на евро-

пейскій кредитъ окончательно и безповоротно пропала»[1]). Весь внѣшній обликъ Буэносъ-Айреса, въ обычное время такого шумнаго, наряднаго и жизнерадостнаго, сразу и рѣзко измѣнился. Въ опустѣвшихъ ресторанахъ аргентинской столицы уныло дремали неразсчитанные еще офиціанты. Пусты театры, пусты экипажи и автомобили. На каждомъ шагу прохожіе принуждены были наталкиваться на цѣлыя семьи нищихъ,—голодныхъ и неотвязныхъ.. Къ ночи весь городъ обращался въ своеобразный ночлежный домъ: люди спали на садовыхъ скамейкахъ и на травѣ клумбъ, на церковныхъ папертяхъ и на тротуарахъ. И это—въ жестокіе холода и дожди ранней весны! Работы не было, такъ какъ всякое казенное и частное строительство изъза отсутствія денегъ и кредита прекратилось, а до начала полевыхъ работъ оставалось еще пять мѣсяцевъ, къ тому же прекратили свою дѣятельность многіе заводы и фабрики.—Зато нѣсколько позже, въ связи съ измѣнившимися обстоятельствами, неразрывная связанность рѣшительно всѣхъ частей мірового хозяйства

---

[1]) «Донесенія Россійскихъ консульскихъ представителей за границей по торгово-промышленнымъ вопросамъ». 1917 годъ, № 7.—Донесеніе Россійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Аргентинѣ, сс. 2—3.

стала сказываться въ Аргентинѣ совсѣмъ инымъ образомъ. Босфоръ и Дарданеллы закрылись для русскаго хлѣбнаго экспорта и конкуренція Россіи въ области торговли хлѣбомъ сразу исчезла для южно-американской республики. Военныя операціи въ Европѣ потребовали привоза въ Англію и Францію огромнаго количества зерна, фуража, мяса, кожъ и шерсти. Бѣшеныя деньги платились за эти продукты нѣмецкими агентами для контрабандной доставки въ Германію черезъ Голландію, Данію и Швецію.— «Словомъ,—заключаетъ Е. Ф. Штейнъ.— для Аргентины открылась безпредѣльная возможность вывоза своихъ продуктовъ по наивысшимъ цѣнамъ, возможность, ограниченная лишь наличностью этихъ продуктовъ и продолжительностью войны» [1]).

Но, быть-можетъ, особенно показательна въ интересующемъ насъ отношеніи та экономическая конференція державъ противогерманской коалиціи, которая состоялась въ Парижѣ 14—17 іюня н. с. 1916 г. и которая поставила себѣ задачей экономическую борьбу съ центрально-европейскими державами.

Постановленія названной конференціи распадаются на три части. Первая часть предусматри-

---

[1]) Тамъ же, с. 5; ср. также сс. 25—29.

ваетъ мѣропріятія, желательныя во время войны. Вторая часть посвящена мѣрамъ, которыя послѣ войны должны дѣйствовать впредь до торговаго, промышленнаго и земледѣльческаго возрожденія (reconstitution) союзныхъ странъ, а также впредь до возстановленія ихъ морского судоходства. И наконецъ, третья часть содержитъ мѣры взаимной помощи и сотрудничества союзниковъ на все послѣдующее время.

Первая часть парижскихъ постановленій, разсчитанная на исключительныя обстоятельства военнаго времени, насъ здѣсь не должна интересовать; поэтому остановимся лишь на двухъ послѣднихъ, имѣющихъ въ виду экономическія отношенія мирнаго времени.

Впредь до полнаго возстановленія своей былой экономической мощи союзники порѣшили не ставить у себя теперешнихъ враговъ на положеніе наиболѣе благопріятствуемой націи, вовсе не допускать къ себѣ или допускать лишь на условіи особыхъ ограниченій ихъ товары и воспрещать у себя непріятельскимъ подданнымъ занятіе нѣкоторыми промыслами и ремеслами. Параллельно съ этимъ должно итти экономическое возстановленіе опустошенныхъ германцами странъ, а также должна оказываться энергическая взаимная поддержка въ дѣлѣ экономическаго возрожденія самихъ договорившихся

странъ. Что же касается всего послѣдующаго мирнаго времени, то по отношенію къ нему на конференціи предположены мѣропріятія слѣдующаго рода: союзники будутъ дѣлать все необходимое, чтобы не допустить зависимости отъ непріятеля въ полученіи сырья и фабрикатовъ и чтобы увеличить собственную экономическую производительность. Въ этихъ цѣляхъ правительства союзныхъ державъ приглашаются другъ другомъ къ созданію разнаго рода предпріятій, къ финансированію, въ видахъ поощренія, всевозможныхъ научныхъ и техническихъ изысканій, къ развитію промышленности и производительныхъ силъ своей страны,—съ помощью ли таможенныхъ тарифовъ, съ помощью ли запретовъ или же комбинированнымъ примѣненіемъ обоихъ этихъ способовъ. Чтобы имѣть возможность съ наибольшей легкостью снабжать одинъ другого своими продуктами, союзники соглашаются также всячески усовершенствовать пути сообщенія другъ съ другомъ, взаимно понизить тарифы за провозъ по землѣ и по морю, улучшить почту, телеграфъ и т. д., и т. д.

Передъ нами, такимъ образомъ, обширная и детально разработанная программа экономическаго «окруженія», экономической изоляціи однихъ изъ крупнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ современныхъ странъ другими такими странами.

Спрашивается, насколько осуществима эта программа и насколько желательна? Какъ отнеслись къ ней въ союзныхъ странахъ и какъ въ странахъ противниковъ? И, слѣдовательно, въ какой степени она согласуется съ устремленіями новѣйшаго интернаціонализма въ экономической области и насколько противорѣчитъ имъ?—Отвѣты на всѣ перечисленные вопросы намъ помогутъ дать В. Пріонъ, сдѣлавшій въ Берлинѣ въ ноябрѣ 1916 г. обширный докладъ по поводу Парижской экономической конференціи [1]), и С. О. Загорскій, посвятившій ей обширное изслѣдованіе подъ названіемъ «Война послѣ мира» [2]).

Задача Пріона заключается въ томъ, чтобы освѣтить постановленія интересующей насъ конференціи «безъ всякой страстности», какъ бы трудно ни было ему оставаться спокойнымъ «въ виду того безстыдства, съ которымъ противники часто аргументируютъ противъ центральныхъ державъ». [3]). Наперекоръ всей нѣмецкой печати,

---

[1]) Напечатанъ въ Schmollers Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reiche». 1917. 1-es Heft, ss. 289—355: «Die Pariser Wirtschaftskonferenz».

[2]) С. О. Загорскій, «Война послѣ мира». (По поводу Парижской экономической конференціи союзниковъ) Петроградъ. 1917 г.

[3]) W. Prion, op. cit, p. 290.

не сумѣвшей «наблюдать вещи безстрастно», этотъ германскій экономистъ признаетъ планъ бойкота союзниками германскихъ товаровъ осуществимымъ [1]). Но планъ этотъ, по его мнѣнію; наталкивается на громадныя трудности.— «Что разрывъ хозяйственныхъ связей,—такъ начинаетъ Пріонъ свое «безстрастное» изслѣдованіе,—означаетъ въ настоящее время сумасшествіе, а прекращеніе доступа также и для странъ согласія есть политико-экономическая глупость, ясно безъ дальнѣйшаго».

Прежде всего такой разрывъ невыгоденъ въ извѣстной степени для самихъ же союзниковъ: изъ общей суммы германскаго вывоза въ 1913 г., достигавшей 10.097 милл. марокъ, 4.170 милліоновъ приходилось на долю теперешнихъ противниковъ Германіи. Отсутствіе германскихъ товаровъ будетъ, слѣдовательно, весьма чувствительно для нихъ. Другое затрудненіе должно составлять различіе экономическихъ интересовъ въ средѣ самихъ союзниковъ. Въ частности, интересы Италіи и Россіи во многомъ не совпадаютъ съ интересами остальныхъ союзниковъ. Есть и нѣкоторыя «географическія препятствія» (Unzulänglichkeiten): напримѣръ, если Россія запретъ сухопутную границу съ Герма-

[1]) Ibid., pp. 320, 326.

ніей, тянущуюся въ ширину болѣе, чѣмъ на 1000 километровъ, то какіе же у нея останутся торговые пути къ союзникамъ? Кругомъ черезъ Швецію или черезъ Средиземное море?—Слѣдуетъ прибавить сюда и затрудненія чисто техническаго характера, создаваемыя необходимостью устанавливать происхожденіе товаровъ.—А въ заключеніе: развѣ нейтральныя страны будутъ спокойно относиться къ мѣропріятіямъ противогерманскаго союза, которыя для нихъ явно невыгодны и развѣ онѣ не постараются принять въ противовѣсъ имъ тѣ или иныя свои мѣры? Вотъ почему послѣдній выводъ Прі она тотъ, что несмотря на свою принципіальную осуществимость, постановленія Парижской конференціи въ конечномъ итогѣ совершенно «безнадежны» (aussichtslos) [1]).

Весьма критически былъ встрѣченъ планъ экономической изоляціи центрально-европейскихъ державъ и общественнымъ мнѣніемъ державъ согласія.—«Что бы ни рѣшили центральныя имперіи,—писалъ въ Revue de Paris М. Ошилле ръ,—не дадимъ увлечь себя страсти или ослѣпленію или вполнѣ естественнымъ чувствамъ, причина которыхъ кроется скорѣе въ желаніи укрѣпить побѣду, а не въ желаніи мести. Не давайте

[1]) Ibid., pp. 317, 324, 325.

увлечь себя настолько, чтобы принять мѣры, которыя вамъ будутъ вредить больше, чѣмъ врагу... Если члены экономическаго союза державъ четверного согласія въ состояніи производить нужные имъ и вывозимые ими продукты по болѣе дешевымъ цѣнамъ, чѣмъ нѣмцы,—тогда запретительный антигерманскій тарифъ излишенъ. Если же члены согласія не могутъ ни производить, ни получать продукты на такихъ же благопріятныхъ условіяхъ, какъ нѣмцы, то въ этомъ случаѣ запретительные тарифы удорожатъ жизнь и вызовутъ непріятныя послѣдствія для всей хозяйственной жизни въ странахъ согласія» [1]). Приблизительно въ томъ же самомъ смыслѣ высказалась и Бельгійская Торговая Палата въ Парижѣ: «Несмотря на вполнѣ законное отвращеніе къ Германіи и жестокія испытанія, которыя мы переживаемъ, мы чувствуемъ, что самымъ худшимъ было бы видѣть, что въ умахъ производителей укореняется эта экономическая аберрація, будто союзныя націи не должны вести торговли съ народами германской расы» [2]). Въ Англіи Ю з ъ Б э л л ъ, видный экономистъ и одинъ изъ крупнѣйшихъ металлургическихъ заводчиковъ, считаетъ «смѣшной» самую мысль о

[1]) Приведено у С. О. З а г о р с к а г о, op. cit., p. 109—110.

[2]) Ibid , p. 111—112.

бойкотированіи или уничтоженіи германской торговли. Въ Россіи противъ таможенныхъ соглашеній, которыя лишили бы русскую вывозную торговлю ея прежнихъ рынковъ, выступили и органъ совѣта съѣздовъ представителей промышленности и торговли, и представители министерства торговли и промышленности на сельскохозяйственномъ съѣздѣ въ февралѣ 1916 г. Рѣшительно противъ постановленій Парижской конференціи высказался и С. О. Загорскій.—«Задача экономическаго сближенія между союзниками,—говоритъ онъ,—вмѣсто разрѣшенія чрезвычайно важной назрѣвшей проблемы иной организаціи мірового рынка и вмѣсто устраненія всего того, что до сихъ поръ искусственно мѣшало развитію мірового хозяйства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и развитію отдѣльныхъ народно-хозяйственныхъ единицъ, превратилась въ задачу возстановленія прежней эпохи меркантилистической политики, эпохи экономическихъ войнъ, дифференцированія въ торговыхъ отношеніяхъ, политики, направленной къ созданію для конкурентовъ на міровомъ рынкѣ положенія наиболѣе неблагопріятствуемой державы. Современныя неомеркантилистическія стремленія получили благопріятную почву для своего дальнѣйшаго развитія, вопреки ясно выраженнымъ тенденціямъ къ

развитіюмірового хозяйства»[1]). И въ другомъ мѣстѣ: «Тѣсная экономическая связь отдѣльныхъ народныхъ хозяйствъ въ міровомъ хозяйствѣ перевѣшиваетъ преходящія политическія соображенія. Эта связь требуетъ международной торговой политики не въ томъ направленіи, которое намѣтила Парижская конференція... Международныя соглашенія о взаимномъ таможенномъ разоруженіи—единственный путь, по которому должна слѣдовать торговая политика, направленная на достиженіе высшаго экономическаго и культурнаго развитія всѣхъ народовъ» [2]).

Полная свобода международной торговли, полное устраненіе всякихъ таможенныхъ границъ, полное объединеніе всего міра въ одно неразрушимое хозяйственное цѣлое — таковъ конечный хозяйственный идеалъ, который издавна уже провозглашается экономистами и полити-

---

[1]) Ibid., p. 140.

[2]) Ibid., p. 162.—Весьма интересно освѣщаетъ вопросъ объ экономическои войнѣ Согласія съ центрально-европейскими державами, объявленной постановленіями Парижской конференціи, J Jastrow: «Völkerrecht und Wirtschaftskrieg». Zeitschrift für Völkerrecht, herausg. v. Kohler... Breslau, 1917, ss. 17, 20, 50, 68.

ками, но который пока достигнутъ еще только отчасти. Тысячи тонкихъ и толстыхъ экономическихъ нитей перекинулись съ одного конца міра на другой, опутали міръ густой сѣтью, переплелись и завязались въ узлы. Но сѣть эта еще непрочна и нити рвутся каждую минуту то тамъ, то тутъ. Нужно ли указывать причины? Не ясно ли, что одна изъ главнѣйшихъ среди нихъ заключается въ томъ, что современная жизнь народовъ столько же движется подъ знакомъ уплотненія всевозможныхъ международныхъ связей, сколько и подъ знакомъ государственнаго разграниченія и раздѣленія? Экономическіе интересы государства и націи сплошь и рядомъ оказываются въ открытомъ противорѣчіи съ интересами надгосударственнаго, интернаціональнаго хозяйственнаго объединенія. Иногда экономическіе интересы сталкиваются съ политическими: съ экономической точки зрѣнія сближеніе съ кѣмъ-либо изъ сосѣдей для даннаго государства выгодно, но невыгодно съ точки зрѣнія политической, или наоборотъ. Гдѣ противорѣчіе интересовъ, тамъ и борьба, а гдѣ борьба, тамъ и новыя обостренія противорѣчій.

Но пусть государство и нація представляютъ собой цѣнности временныя и преходящія по сравненію съ идеаломъ экономическаго и культурнаго объединенія всего человѣчества въ одно

слитное цѣлое,—несомнѣнно все же, что лишь по пути времени можно достигнуть внѣвременнаго и лишь черезъ условное притти къ безусловному. Въ этомъ, вообще, оправданіе государства,—въ этомъ же, стало-быть, и оправданіе эгоизма въ экономической политикѣ государствъ. Если присмотрѣться внимательнѣе, то окажется, что въ конечномъ счетѣ и государственный эгоизмъ служитъ надгосударственнымъ же цѣлямъ и приближаетъ къ соціальному идеалу. Напротивъ, наивныя попытки немедленно водворить вѣчный миръ и полное братство среди человѣчества приводятъ порой къ безчисленнымъ лишнимъ жертвамъ и къ болѣе долгой задержкѣ народовъ въ окопахъ взаимной вражды.

Парижская экономическая конференція 1916 г. послужившая намъ для поясненія того, насколько трудно въ настоящее время вырвать кусокъ изъ сѣти международныхъ экономическихъ отношеній, можетъ быть показательной и съ другой стороны: Франція, Бельгія, Великобританія, Италія, Японія, Португалія, Россія и Сербія увидѣли необходимость еще болѣе уплотнить свои взаимныя хозяйственныя связи,—свой временный политическій союзъ закрѣпить и дополнить постояннымъ тѣснымъ экономическимъ союзомъ. Планы, подобные парижскому, возникали и осуществлялись въ исторіи

неоднократно. Таможенное объединеніе Европы подъ главенствомъ Германіи съ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія было любимой мечтой германскихъ шовинистовъ-пангерманистовъ. Извѣстно, какую выдающуюся роль сыгралъ въ политическомъ объединеніи Германіи Таможенный Союзъ (Zollverein) 1833 г. Соглашенія по объединенію таможенной политики центрально-американскихъ государствъ, достигнутыя на мексиканской конференціи 1907 г., способствовали также взаимному политическому сближенію этихъ государствъ. Короче говоря, и стремленія отдѣльныхъ государствъ къ экономическому самоусиленію и объединеніе нѣсколькихъ государствъ для экономической борьбы съ остальными облегчаютъ торжество идеаловъ экономическаго интернаціонализма, а не препятствуютъ ему.

При этомъ съ самаго начала должно быть ясно, что экономическій интернаціонализмъ неразрывно связанъ съ культурнымъ и политическимъ и можетъ окончательно воцариться лишь одновременно съ этими послѣдними.

Отъ проблемъ экономическаго интернаціонализма непосредственный переходъ къ проблемамъ интернаціонализма политическаго.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Политическая проблема интернаціонализма.

Экономическій интернаціонализмъ тѣсно и неразрывно связанъ съ интернаціонализмомъ политическимъ. Между тѣмъ и другимъ существуетъ прямая зависимость. Зависимость эта выражается въ томъ, что какъ скоро уплотняется сѣть экономическихъ взаимоотношеній между государствами, такъ съ полной необходимостью уплотняются и взаимоотношенія политическія. И обратно: вмѣстѣ съ развитіемъ взаимной политической связанности государствъ сама собой развивается и взаимная экономическая связанность ихъ. Близость обоихъ моментовъ, хозяйственнаго и политическаго, настолько велика въ международной жизни, что сплошь и рядомъ одинъ незамѣтнымъ образомъ переходитъ въ другой. Пожалуй, съ полнымъ основаніемъ можно даже сказать, что въ каждомъ экономическомъ явленіи международной жизни имѣется

непремѣнно своя политическая сторона, а въ каждомъ политическомъ—экономическая.

Въ самомъ дѣлѣ: одно государство даетъ другому въ долгъ деньги; это взаимоотношеніе экономическаго характера. Но въ тотъ моментъ, какъ деньги переданы, одно государство становится бѣднѣе золотомъ, а другое богаче. Въ случаѣ, если бы между ними внезапно вспыхнула война, первое оказалось бы въ менѣе выгодныхъ условіяхъ, а второе въ болѣе выгодныхъ. Въ цѣляхъ морской демонстраціи противъ Франціи Германія послала въ 1911 г. къ Агадиру крейсеръ «Пантеру», чѣмъ создала на почвѣ марокканскаго вопроса новый франко-германскій конфликтъ. Въ это время правительству Германіи понадобилось 300 милліоновъ франковъ. Не будь осложненій съ богатой западной сосѣдкой, оно получило бы ихъ во Франціи изъ обычныхъ 3—4%. Но тутъ ему пришлось обратиться къ помощи американскихъ банкировъ, а тѣ потребовали отъ него 6 и 7%. Или еще примѣры: до 1905 г. управленіе подводнымъ телеграфнымъ кабелемъ, соединяющимъ Европу съ Америкой, находилось въ рукахъ англійскихъ компаній. Результатомъ этого было то, что всѣ свѣдѣнія изъ Америки Англія получала первою и непосредственно; а это создавало для нея преимущества экономическаго характера сколько же,

сколько и преимущества характера политическаго.—За періодъ времени съ 1871 г. по 1905 г. изъ Германіи выселилось за границу 2.312.634 чел. Экономически это было невыгодно для страны тѣмъ, что трудъ, знаніе и деньги громаднаго числа людей вмѣсто того, чтобы служить ей, получали возможность служить другимъ странамъ. Политически это означало относительное пониженіе численности арміи и усиленіе будущихъ враговъ весьма цѣнными элементами. Давно замѣчено, что всѣ неприморскія государства настойчиво ищутъ доступа къ морю; можно ли учесть съ точностью, какія причины и цѣли играютъ при этомъ главнѣйшую роль: экономическія или политическія?

Въ виду чрезвычайной важности экономическаго фактора въ человѣческой жизни, весьма соблазнительною является для многихъ мысль о томъ, чтобы всѣ взаимоотношенія между людьми,—соціальныя, правовыя и политическія,—выводить и объяснять именно изъ него. Сообразно съ этимъ и всѣ политическія связи между народами предлагается разсматривать лишь какъ отраженіе или слѣдствіе ихъ взаимныхъ экономическихъ связей, считать ихъ лишенными самостоятельной творческой силы. А отсюда недалеко до полнаго растворенія всякой политики въ экономикѣ, до признанія реаль-

ности за одной лишь «политикой торговли» и «политикой доллара». Однако, при этомъ неизбѣжно происходитъ одно изъ двухъ: или до чрезвычайности расширяется понятіе экономической причины, такъ что ею оказывается возможнымъ объяснить и подмѣнить все, что угодно; или же слишкомъ ужъ наивно упрощаются,— вѣрнѣе, вовсе выкидываются изъ поля зрѣнія,— многія важнѣйшія основы соціальной жизни. Совершенно очевидно, напримѣръ, что во взаимныхъ отношеніяхъ людей первостепенную роль играютъ и случай, и временныя психологическія условія, и прочно сложившіяся личныя или общественныя привычки и традиціи, и эгоизмъ, и альтруизмъ, и индивидуальное начало, и начало коллективное. Здѣсь поле борьбы и сотрудничества самыхъ противоположныхъ началъ, силъ, условій.

То же самое приходится сказать и о международныхъ отношеніяхъ. И если здѣсь можно выдѣлять въ самостоятельную крупную группу явленія и причины экономическія, то съ такимъ же правомъ слѣдуетъ выдѣлить въ самостоятельную группу и явленія—причины чисто политическія. Таковыми оказываются всѣ тѣ, которыя вытекаютъ изъ факта государственной организованности людей и которыя служатъ либо цѣлямъ самоутвержденія отдѣльныхъ государствъ,

либо цѣлямъ образованія новыхъ связей между государствами. Общая же совокупность явленій борьбы каждаго изъ государствъ за свое государственное бытіе, на ряду съ явленіями объединенія государствъ въ новую надгосударственную организацію, и есть то, что мы называемъ именемъ политическаго интернаціонализма.

Такъ же, какъ въ области экономической, и въ политической области интернаціонализмъ прежде всего означаетъ фактъ взаимной связанности и зависимости государствъ. Событія, происходящія въ разныхъ странахъ, цѣпляются другъ за друга и обусловливаютъ другъ друга, такъ что «воистину нельзя въ настоящее время писать исторію одного народа, не затрагивая параллельно исторію нѣсколькихъ другихъ народовъ» [1]). Въ 1870 г. вспыхнула война между Франціей и Германіей. Французскій корпусъ, стоявшій въ Римѣ, принужденъ былъ покинуть Италію. Итальянцы воспользовались этимъ, осадили Римъ, взяли его и положили конецъ свѣтской власти папы. Воспользовалась франко-прусской войной и Россія, заставивъ снять съ себя обязательство 1856 года, согласно которому она не въ правѣ была содержать воен-

---

[1]) Ср. Morton Fullerton, op. cit., p. 246.

ный флотъ на Черномъ морѣ.—Съ 1899 г. и до конца мая 1902 г. Англія вела войну съ бурскими республиками въ Южной Африкѣ. Все вниманіе и всѣ силы ея были сосредоточены на этой войнѣ,—вотъ почему ей пришлось согласиться на заключеніе съ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами договора, устранившаго ее отъ участія въ надзорѣ за Панамскимъ каналомъ и предоставившаго Штатамъ полное господство надъ нимъ.—Судьба Китая, судьба Босфора и Дарданеллъ, судьба Марокко или центральной Африки живѣйшимъ образомъ интересуетъ цѣлый рядъ большихъ и малыхъ, близкихъ къ нимъ географически и отдаленныхъ государствъ.

Или особенно наглядный примѣръ:—великая война 1914 г. формально началась изъ-за ультиматума, предъявленнаго Австріей Сербіи въ связи съ убійствомъ въ Сараевѣ австрійскаго престолонаслѣдника. Россія не могла оставаться безучастной зрительницей разгрома маленькаго балканскаго государства его сильной сосѣдкой, такъ какъ послѣ этого Балканы цѣликомъ оказались бы въ рукахъ центрально-европейскихъ державъ, Турція окончательно подпала бы подъ политическое и экономическое вліяніе Германіи, а Россіи пришлось бы навсегда распроститься съ мечтой о столь насущномъ для нея свобод-

номъ выходѣ въ Средиземное море. Неизбѣжность, съ которою Россія должна была вмѣшаться въ австро-сербскій конфликтъ, сама по себѣ являлась уже вполнѣ достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы поспѣшила выступить Германія: для нея побѣда русскихъ надъ австрійцами была столь же недопустима, сколько для русскихъ—побѣда австрійцевъ надъ сербами. И Германія выступила на борьбу за пангерманскіе идеалы; выступила съ полной готовностью, съ весьма плохо замаскированной торопливостью, а, главное, во всеоружіи. Если бы Россіи пришлось биться съ Германіей и Австріей безъ всякой солидной поддержки, то, разумѣется, участь кроваваго спора была бы быстро рѣшена и, разумѣется, не въ ея пользу. Но поддержка заранѣе была обезпечена Россіи—со стороны Франціи. Франція знала, что стоило бы только Германіи развязать себѣ руки на востокѣ, какъ сейчасъ же она обратилась бы на западъ, чтобы докончить тамъ то, что лишь наполовину удалось ей въ 1871 году. Вотъ почему броситься на Россію для Германіи означало броситься одновременно и на Францію.—По стратегическимъ условіямъ путь во Францію для германскихъ войскъ велъ черезъ Бельгію. Въ результатѣ—нарушеніе германцами бельгійскаго нейтралитета и разгромъ ими маленькой мирной страны. Захватъ

Бельгіи и опасность разгрома Франціи создавали непосредственную опасность для Англіи. Выступила Англія. Какъ откликъ на это новое выступленіе, прозвучало объявленіе войны Германіи со стороны далекой Японіи: интересы этой послѣдней на Дальнемъ Востокѣ рѣзко расходились съ германскими интересами, ея міровая политика могла осуществляться лишь въ согласіи съ политикой Англіи. Съ такой же необходимостью, съ какой Франція, Англія и Японія выступили на сторонѣ Россіи и Сербіи, принуждены были выступить на враждебной имъ сторонѣ Турція и, позже, Болгарія. Для Турціи побѣда Россіи была бы равносильна потерѣ проливовъ и Константинополя, для Болгаріи—возвышенію за ея счетъ Сербіи и, вообще, крушенію всѣхъ ея честолюбивыхъ мечтаній.

Намъ нѣтъ нужды прослѣживать шагъ за шагомъ вмѣшательство въ войну Португаліи, Италіи, Румыніи, и такъ вплоть до Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, Греціи, Китая. Факты говорятъ сами за себя: стоило вспыхнуть войнѣ между двумя крупными государствами, какъ постепенно въ нее пришлось вмѣшаться большинству остальныхъ. Несомнѣнно и то, что война эта могла бы разразиться раньше,—ее ожидали уже въ 1912 г.,—могла бы разразиться и нѣсколько позже. Другими оказа-

лись бы непосредственные предлоги для нея, по другому пошло бы втягиваніе въ нее разныхъ державъ, но все же она непремѣнно осталась бы міровой, а основныя политическія противорѣчія въ ней тѣми же, что и теперь. Такимъ образомъ, какъ выше мы говорили, что міръ въ хозяйственномъ отношеніи представляетъ собою одно единое цѣлое, такъ теперь намъ съ полнымъ правомъ можно сказать, что въ извѣстномъ смыслѣ единое цѣлое онъ представляетъ и съ политической точки зрѣнія.

И этому нисколько не препятствуетъ тотъ фактъ, что въ политическомъ отношеніи интернаціонализмъ одновременно устремленъ въ двѣ противоположныя стороны: въ сторону конечнаго объединенія всего человѣчества въ одинъ великій международный союзъ и въ сторону созданія отдѣльныхъ сильныхъ, эгоистичныхъ государствъ.

Напротивъ, исторически и соціологически одна изъ указанныхъ сторонъ съ полной необходимостью предполагаетъ другую. Не можетъ создаться объединенія всего человѣчества иначе, какъ въ формѣ объединенія государствъ. Такъ требуетъ постепенность самаго процесса объ-

единенія; такъ требуетъ то обстоятельство, что современныя международныя отношенія суть прежде всего отношенія между государствами. «Великая Сербія», «Великая Греція», великія Румынія и Болгарія,—вотъ лозунги даже малыхъ державъ нашихъ дней, не говоря уже о лозунгахъ пангерманистовъ, панславистовъ, панамериканцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ образованіе всякаго сильнаго государства при современныхъ условіяхъ не можетъ осуществиться иначе, какъ на почвѣ развитаго взаимопризнанія народовъ и сознанія ими взаимной связанности, впервые позволяющихъ малымъ политическимъ организмамъ прочно сочетаться въ большіе и очень большіе.

Идеалъ международной жизни заключается въ томъ, чтобы противорѣчіе устремленій интернаціонализма было преодолѣно, чтобы грани, раздѣляющія начала «международное» и «государственное» въ теперешнемъ ихъ значеніи, стерлись, чтобы создалась единая международно-государственная политическая организація человѣчества. Таковъ идеалъ. Но пока онъ не осуществленъ, устремленія интернаціонализма въ сторону усиленія государствъ и его же устремленія преодолѣть государственную исключительность сплошь и рядомъ вступаютъ другъ съ другомъ въ прямое и рѣзкое противорѣчіе.

Черезъ противорѣчія и черезъ борьбу государственнаго и надгосударственнаго началъ интернаціонализму и предстоитъ продѣлать длинный путь вплоть до того момента, когда миръ и братство окончательно воцарятся среди народовъ.

Среди указанныхъ противорѣчій, борьбы противоположныхъ началъ и въ стремленіи примирить ихъ между собою движется теорія международной политики, младшая сестра теоріи интернаціонализма. Однимъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ въ ней безспорно является вопросъ о вмѣшательствѣ и невмѣшательствѣ (интервенціи), чрезвычайно важный для насъ. Въ правѣ государство вмѣшиваться во внутреннія дѣла и во внѣшнія отношенія другихъ государствъ или же не въ правѣ? Такъ звучитъ этотъ вопросъ. Нѣкоторые ученые отвѣчаютъ на него отрицательно, другіе положительно. Большинство представителей итальянской школы международнаго права возстаютъ противъ вмѣшательства на томъ основаніи, что оно выражаетъ собой «отрицаніе національной независимости народовъ» [1]) и противорѣчитъ

---

[1]) Ср. Cimbali, E. «Il non—intervento.—Studio di diritto internazionale universale»,—Roma 1889, p. 53. Интервенція—«la negazione della independenza nazionale di qualsiasi popolo del mondo».

идеѣ независимости государства. Напротивъ, другіе считаются съ тѣмъ фактомъ, что «вопреки теоріи вмѣшательство есть необходимое явленіе общественной жизни» [1]). Въ свое время К а м п ц ъ требовалъ, чтобы государствамъ было отказано даже въ правѣ по собственному усмотрѣнію опредѣлять внутреннее свое устройство,—самое рѣзкое и крайнее отрицаніе начала невмѣшательства, какое только можно себѣ представить. Напротивъ, Т а л л е й р а н ъ писалъ, что «невмѣшательство есть не болѣе, какъ дипломатическій терминъ, обозначающій почти то же, что и вмѣшательство». И нужно признать, что подобное полушутливое замѣчаніе геніальнаго дипломата превосходно резюмируетъ не только всѣ тѣ споры о вмѣшательствѣ и невмѣшательствѣ, которые возникали въ его эпоху, но и всѣ современные споры о нихъ. Дѣйствительно, авторы, рѣшительно возстающіе въ своихъ монографіяхъ и статьяхъ противъ вмѣшательства, неизмѣнно указываютъ цѣлый рядъ весьма важныхъ случаевъ, въ которыхъ вмѣшательство «извинительно», «допустимо» или въ которыхъ оно «не есть вмѣшательство». И обратно: тѣ изъ

---

[1]) К а п у с т и н ъ, М. Н. «Международное вмѣшательство». Сборникъ госуд. знаній. СПБ. 1875 г., т. 2-й, с. 213.

авторовъ, которые признаютъ неизбѣжность вмѣшательства, обставляютъ это свое признаніе такими ограниченіями, что отъ вмѣшательства не остается почти ничего. А есть авторы [1]), о которыхъ и вовсе нельзя сказать съ увѣренностью, стоятъ ли они за вмѣшательство или же они противъ него? Разумѣется, для теоріи подобное явленіе весьма печально, но причина печали здѣсь совершенно ясна: быть за невмѣшательство значитъ отстаивать независимость государствъ въ ущербъ идеѣ ихъ солидарности, взаимодѣйствія, взаимозависимости; отстаивать обратное значитъ наносить ущербъ началу независимости государствъ. Одно начало можетъ торжествовать только за счетъ другого; но торжествовать они хотятъ и должны оба и ни одно изъ нихъ не въ силахъ хоть сколько-нибудь рѣзко перевѣсить другое. Интернаціоналисты запутываются, когда исходятъ при разрѣшеніи вопроса о вмѣшательствѣ лишь изъ одного какого-нибудь начала международной жизни, тогда какъ нужно исходить изъ двухъ; но они запутываются еще больше, когда, признавая оба начала, совершенно не знаютъ, какъ примирить ихъ между собою. Вотъ почему наиболѣе удовлетво-

[1]) Къ нимъ приходится отнести, напр., A Floeckher, «De l'intervention en droit international». Paris. 1896.

рительными до сихъ поръ остаются на нашъ взглядъ тѣ рѣшенія, которыя объявляютъ вопросъ политическимъ и отказываются давать на него общій отвѣтъ, пригодный на всѣ случаи международной практики [1]).

Совершенно въ одинаковомъ положеніи, съ вопросомъ объ интервенціи, находится другой весьма важный вопросъ международной политики, технически обозначаемый именемъ clausulae rebus sic stantibus. Сущность этого новаго вопроса сводится къ слѣдующему: въ правѣ государство односторонне расторгнуть договоръ, заключенный съ другимъ государствомъ, какъ скоро обстоятельства, при которыхъ и ради которыхъ онъ былъ заключенъ, рѣзко измѣнились,—или не въ правѣ? Существуетъ ли при заключеніи международныхъ договоровъ молчаливое предположеніе, что они дѣйствительны лишь до тѣхъ поръ, пока не измѣнились обстоятельства; или же предполагается, что они должны оставаться обязательными для государствъ при всякихъ обстоятельствахъ? И здѣсь юристами и политиками

---

[1]) Строить теорію вмѣшательства или невмѣшательства отказывались, напр., Шатобріанъ, Гагернъ, Уйтонъ; Уйтонъ же высказывался въ томъ смыслѣ, что настоящій вопросъ относится всецѣло къ области политики, а не права.

даются отвѣты совершенно противоположнаго характера.

Въ своей знаменитой рѣчи въ рейхстагѣ 25 января/6 февраля 1888 г. Бисмаркъ говорилъ: «Ни одно великое государство не можетъ слишкомъ долго придерживаться буквы какого-нибудь договора, находящагося въ противорѣчіи съ интересами его народа. Въ концѣ концовъ оно обязано совершенно открыто объявить: «времена измѣнились, я больше не могу» [1]).—Создатель современной Германіи основывался, такимъ образомъ, на положеніи, согласно которому благо государства представляетъ собой высшій законъ государственной жизни (salus civitatis suprema lex). На этомъ же положеніи основываютъ одностороннюю расторжимость международныхъ договоровъ въ случаѣ существеннаго измѣненія обстоятельствъ и многіе изъ теоретиковъ государственнаго и международнаго права [2]). Въ частности, нельзя отказать въ вы-

---

[1]) Цит. по E. Kaufmann: «Das Wesen des Völkerrechts und die clausula rebus sic stantibus». Tübingen, 1911, s. 29.

[2]) Ср. E. Kaufmann: «Das Wesen des Völkerrecht und die clausula rebus sic stantibus».—Le Fur: «Etat fédéral et confédération d'Etats».—Paris, p. 450—456.—Jellinek, G: «Die rechtliche Natur der Staatsverträge». Wien, 1880.

сокой степени убѣдительности аргументамъ Еллинека, прямо причисляющаго къ списку поводовъ, прекращающихъ дѣйствіе международныхъ договоровъ «коллизію между выполненіемъ договора и высшими государственными цѣлями, къ которымъ прежде всего принадлежитъ самосохраненіе».—«Здѣсь для государства наступаетъ состояніе крайней необходимости (Nothrecht), которое ему приказываетъ существованіе свое цѣнить выше обязательствъ, принятыхъ имъ по отношенію къ иностранцамъ... Государство есть факторъ историческаго развитія міра, находящійся въ непрестанномъ движеніи и измѣненіи. Столѣтія, часто даже десятилѣтія настолько преображаютъ его, что тотъ, кто не знаетъ исторической послѣдовательности, врядъ ли оказывается въ состояніи уловить связь между современнымъ государствомъ и государствомъ прошлаго. И прошлое должно имѣть власть надъ настоящимъ и будущимъ государства?[1]) Отвердѣніе государствъ—смерть

---

[1]) «Und der Staat der Vergangenheit sollte die Macht haben die Gegenwart und Zukunft des Staats zu beherrschen»

міровой исторіи—вотъ къ чему привело бы это»[1]).

Совершенно иначе аргументируютъ противники clausulae rebus sic stantibus. Ихъ исходный пунктъ—интересы международнаго общенія; ихъ девизъ—pacta sunt servanda, договоры должны соблюдаться. Введите положеніе, говорятъ они, что съ измѣненіемъ обстоятельствъ договоръ теряетъ свою силу, и международная жизнь тотчасъ же оборвется[2]): вѣдь обстоятельства измѣняются непрерывно, поэтому въ каждую любую минуту можно сказать: «времена измѣнились, я больше не могу исполнять договоръ». Но тогда зачѣмъ вообще заключать договоры? Гдѣ тогда хоть какая-нибудь сила у договоровъ?—Несомнѣнно, что и въ этой аргументаціи заключается много истиннаго.

Итакъ, къ какому же выводу слѣдуетъ притти: въ правѣ государства въ случаѣ нужды односторонне отказываться отъ договора, или нѣтъ? Обратимъ, однако, вниманіе вотъ на что: тѣ, кто признаетъ за государствами подобное право, вовсе не предлагаютъ пользоваться имъ въ

---

[1]) G Jellinek: «De rechtliche Natur der Staatsverträge». S. 63.

[2]) Бевстъ: «Une théorie pareille aurait pour résultat de détendre tous les liens qui, jusqu'à nos jours ont uni les nations».

каждую любую минуту. Нѣтъ; только въ очень важныхъ случаяхъ слѣдуетъ прибѣгать, по ихъ мнѣнію, къ посредству clausulae. Съ другой стороны, и противники этой послѣдней менѣе всего настаиваютъ на томъ, что государство должно скорѣе погибнуть, чѣмъ отступиться отъ своихъ обязательствъ. Они указываютъ только, что не нужно стремиться придавать clausulae правовой характеръ, что здѣсь просто область политической неизбѣжности [1]). Иными словами говоря, и здѣсь государственное начало борется съ надгосударственнымъ; но и здѣсь ни то, ни другое не могутъ одержать побѣды надъ противникомъ: въ однихъ случаяхъ естественно, чтобы верхъ брали интересы государства, въ другихъ,—чтобы въ полной мѣрѣ обезпечивалась прочность международныхъ связей. Еще разъ: интернаціонализмъ одновременно устремленъ въ двѣ противоположныя стороны,—въ сторону конечнаго объединенія человѣчества въ одно великое международное цѣлое и въ сторону созданія отдѣльныхъ сильныхъ государствъ [2]). И

---

[1]) Ср. Bruno Schmidt: «Ueber die völkerrechtliche clausula rebus sic stantibus, sowie einige verwandte Völkerrechtsnormen». 1907.

[2]) Отмѣтимъ, что въ послѣднее время вопросу о clausula rebus sic stantibus особенно посчастливилось въ русской юридической литературѣ. Ср. монографію А Л.

на теоріи международнаго права и международной политики это обстоятельство живо отражается.

Но, быть-можетъ, несмотря на наши повторенія, двусторонность интернаціонализма все-таки еще не кажется очевидной? Не проще ли въ самомъ дѣлѣ укладывать въ понятіе интернаціонализма лишь тѣ, все уплотняющіяся, связи между государствами, которыя въ будущемъ сулятъ объединеніе всего человѣчества въ одно политическое цѣлое, а, напротивъ, усиленіе отдѣльныхъ государствъ разсматривать какъ противодѣйствіе интернаціонализму? Тогда не надо никакой двусторонности: есть сила государственнаго эгоизма, есть сила общечеловѣческой солидарности; обѣ эти силы борются; вторая побѣждаетъ и потому-то развивается

Байкова, «Правовое значеніе оговорки reb sic st. въ международныхъ отношеніяхъ». М. 1916.—Ст. по поводу нея С. А. Котляревскаго въ «Изв. Мин. Иностр. Дѣлъ». 1916 г.—Подробныя рецензіи Ю. В. Ключникова въ «Юр. Вѣстникѣ» 1916 г., кн. XIV, А. М. Ладыженскаго—«Изв. Мин. Иностр. Дѣлъ», 1916 г.—А. М. Ладыженскій: «Международные договоры и оговорка относительно «rebus sic stantibus».—«Юр. Вѣстн.» 1915 г., кн. X. Ср. также С. А. Котляревскій «Власть и Право». М. 1915 г., сс. 375—379, и ст. С. А. Корфа «Власть и Право» въ «Вѣстн. Права», 1916 г. № 20.

интернаціонализмъ, какъ выраженіе постепенной солидаризаціи міра.

Дѣйствительно, послѣдняя схема значительно проще, чѣмъ первая, но отъ этого она ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признана болѣе правильною. Прежде всего, откуда слѣдуетъ, что международное начало побѣждаетъ въ настоящее время начало государственное? Пусть теперь давно уже нѣтъ «независимыхъ» государствъ; пусть, говоря словами Пилле, государственная indèpendance смѣнилась междугосударственною interdependance; отъ этого государства не только не стали слабѣе, но, напротивъ, значительно сильнѣе. Во-вторыхъ, какимъ же образомъ на почвѣ борьбы съ государствомъ и въ итогѣ побѣдъ надъ нимъ негосударственныхъ началъ исторія все-таки приведетъ ко всемірному государству? А между тѣмъ совершенно несомнѣнно, что интернаціонализмъ идетъ именно по этому пути и что только вмѣстѣ съ всемірнымъ государствомъ будетъ разрѣшена основная проблема интернаціонализма [1]).

---

[1]) Съ этой точки зрѣнія намъ трудно признать безупречною слѣдующую аргументацію С. А. Корфа: «Мы совершенно согласны, что причиной индивидуализма XIX в. въ области международнаго права является слишкомъ большое превознощеніе государственности, тотъ фетишизмъ государства, который оставилъ

Въ-третьихъ, нужно обращать вниманіе на факты, а факты краснорѣчиво указываютъ на то, что какъ разъ интересы международнаго объединенія настойчиво требуютъ усиленія государствъ, и что, слѣдовательно, борьба исторіи за государство ведется не въ подрывъ интернаціонализму, а во имя его и подъ его знаменемъ. Въ-четвертыхъ, процессъ самоусиленія государствъ не есть сосредоточеніе и развитіе только тѣхъ возможностей, которыя заложены внутри данной страны и даннаго народа; въ значительной степени здѣсь совершается превращеніе чужихъ силъ въ свои, подчиненіе чужой государственной воли своей. Усиленіе отдѣльныхъ государствъ возможно лишь на

глубокіе вредные слѣды во всѣхъ дисциплинахъ государствовѣдѣнія. Съ нимъ пора разъ навсегда покончить, и мы глубоко убѣждены, что конецъ его близокъ... Будущую международную организацію, пожалуй, можно сравнить въ методологическихъ цѣляхъ съ изстари установившейся классификаціей формъ государственнаго устройства; другими словами: разъ прежнее анархическое состояніе подлежитъ упраздненію и требуется созданіе «организаціи», то таковая можетъ быть построена на принципахъ либо монархіи, либо аристократіи, либо демократіи».—«Принципъ равенства государствъ»... «Изв. Мин. Иностр. Дѣлъ». 1914 г., кн. I, с. 142.

почвѣ и въ результатѣ взаимнаго общенія государствъ, на почвѣ тѣсной связи ихъ между собою, сліянія ихъ и включенія частей одного въ другое, такъ что и съ этой стороны силы государственнаго эгоизма непосредственно входятъ въ общую сокровищницу силъ владыки-интернаціонализма.

Есть и еще вѣскія основанія, благодаря которымъ усиленіе государственнаго начала приходится признать проявленіемъ интернаціонализма, а не отрицаніемъ его и не противодѣйствіемъ ему. Это—основанія, даваемыя анализомъ такихъ понятій международнаго права и международной политики, какъ «основныя права государствъ», «легитимизмъ», «начало равновѣсія», «національный принципъ».

По опредѣленію В. П. Даневскаго, подъ основными правами государствъ слѣдуетъ понимать «права, которыя принадлежатъ имъ въ качествѣ юридическихъ личностей, фигурирующихъ въ международныхъ отношеніяхъ; права, безъ которыхъ государство теряетъ свою индивидуальность, свою способность быть членомъ международнаго общенія. Уничтоженіе основныхъ правъ

государства есть уничтоженіе послѣдняго» [1]). Къ числу основныхъ правъ разные авторы относятъ: право на самосохраненіе,—на внутреннюю самостоятельность и независимость,—на равенство,—на уваженіе,—на публичность (право требовать отъ другихъ государствъ объясненій по поводу нѣкоторыхъ дѣйствій ихъ),—на внѣшнее общеніе,—на правовое преслѣдованіе и самопомощь,—право владѣнія и собственности,—право представительства. Положимъ, не всѣ теоретики международнаго права придерживаются ученія объ основныхъ правахъ государствъ. По мнѣнію Е л л и н е к а, напримѣръ, весь каталогъ этихъ правъ «высказываетъ лишь то, что государство имѣетъ право быть государствомъ» [2]). Здѣсь просто—«большая тавтологія». П и л л е всѣ права сводитъ къ одному

---

[1]) В. П. Д а н е в с к і й: «Пособіе къ изученію исторіи и системы международнаго права» Харьк. 1892 г., вып. I. с. 126.

[2]) G. J e l l i n e k: «System der subjektiven öffentlichen Rechte». Tübing. 1905, II Aufl., s. 318; ср. тамъ же: «всѣ наблюденія, утвержденія и дифирамбы, касающіеся «основныхъ правъ государствъ», могутъ быть юридически схвачены въ слѣдующемъ положеніи: «ни одно государство не можетъ требовать отъ другого по праву и не можетъ его ни къ чему правомѣрно принуждать иначе, какъ на основаніи правоположенія».

единственному праву самосохраненія [1]), У л л ь м а н ъ считаетъ всѣ ихъ излишними, въ виду основной нормы международнаго права, исходящей изъ факта международнаго общенія и признающей наличность субъектовъ международнаго права [2]). Однако, несмотря на всю эту весьма серьезную и основательную критику, теорію основныхъ правъ нельзя признать разрушенной: на основныя права государствъ на каждомъ шагу ссылаются государственные и политическіе дѣятели, за нихъ борются и потому считаться съ ними приходится. Что же составляетъ внутреннюю пружину и оправданіе ученія объ основныхъ правахъ государствъ? Ради чего ученіе это создалось и почему и м е н н о т е о р е т и к и м е ж д у н а р о д н а г о п р а в а разрабатываютъ его, несмотря на всю невозможность (мы охотно признаемъ это) достигнуть въ немъ мало-мальски удовлетворительныхъ теоретическихъ результатовъ?—На нашъ взглядъ, отвѣтъ здѣсь можетъ быть данъ лишь одинъ: нужно, чтобы была осознана и установлена возможность для государства чувствовать себя независимымъ отъ

---

[1]) A. P i l l e t: «Recherches sur les droits fondamentaux des Etats». Rev. gén. de dr. internat public. 1898.

[2]) E U l l m a n n: «Völkerrecht», 1908, s. 145—6.

другихъ государствъ и въ то же время находиться въ общеніи съ ними; нужно, чтобы во имя интересовъ международнаго общенія были признаны за государствомъ нѣкоторыя основныя правомочія, но вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы и во имя государства были намѣчены предѣлы воздѣйствія на него другихъ государствъ или всего международнаго цѣлаго. Слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на то, что основныя права приписываются государствамъ «въ качествѣ ю р и д и ч е с к и х ъ л и ч н о с т е й, фигурирующихъ въ международныхъ отношеніяхъ»; иначе говоря—въ качествѣ «с у б ъ е к т о в ъ международнаго права». Тѣмъ самымъ международное право, стоящее на стражѣ интернаціонализма, отражающее и закрѣпляющее его, беретъ на себя и защиту государства, какъ такового. Безъ этого международное общеніе было бы невозможно. Защита государства становится, слѣдовательно, одной изъ задачъ интернаціонализма, при чемъ другой его задачей попрежнему остается сплоченіе государствъ въ одно цѣлое. А это и есть та самая двусторонность интернаціонализма, которую мы стремимся обосновать.

То, чего въ области теоріи международнаго права хочетъ достигнуть ученіе объ основныхъ правахъ государствъ, въ области теоріи международной политики пытались и пытаются дости-

гнуть ученія о легитимной власти, о равновѣсіи, о правѣ національностей. Но здѣсь двойственность теоретическаго устремленія еще очевиднѣе: по самому существу своему внѣшняя политика представляетъ собой такую область, въ которой интересы одного государства приходится внимательнѣйшимъ образомъ примирять съ интересами другихъ государствъ. Дипломатъ обязанъ зорко слѣдить, чтобы не допускалось ничего невыгоднаго для его государства и не упускалось ничего выгоднаго. Однако, если бы онъ началъ слишкомъ усердствовать, переставъ считаться съ законными притязаніями другихъ государствъ, то очень скоро вызвалъ бы отпоръ со стороны враждебной его отечеству коалиціи державъ, которая объединилась бы во имя защиты «международнаго союза». И обратно: никакой международный союзъ не объединитъ достаточно большого количества членовъ, если цѣль его заключается въ томъ, чтобы лишить государства какихъ-либо изъ ихъ законныхъ правъ. Вотъ почему дипломаты и стремятся въ большинствѣ случаевъ обосновать свою дѣятельность, хотя бы чисто формально, съ помощью такихъ предпосылокъ, въ которыхъ находятъ отраженіе какъ требованія отдѣльнаго государства, такъ и требованія междугосударственной солидарности.

Наиболѣе временное и преходящее значеніе имѣло ученіе о легитимной власти, во спасеніе Франціи настойчиво развивавшееся въ эпоху Вѣнскаго конгресса Талейраномъ. Въ замѣчательномъ письмѣ къ Меттерниху отъ 19 декабря 1814 г. и въ инструкціяхъ, которыя онъ самъ составлялъ для себя отъ имени Людовика XVIII, Талейранъ стремился положить въ основаніе будущаго европейскаго мира «принципы, которые одни только могли обезпечить внутреннее спокойствіе державъ и воспрепятствовать въ сношеніяхъ между государствами тому, чтобы эти послѣднія находились исключительно подъ господствомъ силы». Во главу всѣхъ этихъ принциповъ онъ ставилъ тотъ, что власть въ государствѣ должна находиться въ рукахъ законныхъ представителей. «Одни законныя правительства могутъ быть прочными; незаконныя же, имѣя поддержку только въ силѣ, падаютъ сами собой, какъ скоро утрачивается эта поддержка» [1]). Но какія же правительства законны?—Тѣ, что располагаютъ народами на основаніи своихъ историческихъ правъ и въ силу божественнаго происхожденія монархиче-

---

[1]) В. П. Даневскій: «Система политическаго равновѣсія и легитимизма и начало національности въ ихъ взаимной связи». СПБ. 1882 г., с. 84.

ской власти. Отстаивая божественность власти монарховъ къ выгодѣ Людовика, Таллейранъ вмѣстѣ съ тѣмъ зналъ, что полное сочувствіе ему обезпечено со стороны автократовъ, вершившихъ судьбы Европы, и что ему тѣмъ легче будетъ заставить ихъ согласиться съ нѣкоторыми своими выводами. А только выводы изъ начала легитимизма для него и были важны. Ему прежде всего было важно внушить на Вѣнскомъ конгрессѣ мысль, что завоеваніе, само по себѣ, не даетъ никакихъ правъ завоевателю; что завоеванное государство или часть его попрежнему должны оставаться подъ властью своего наслѣдственнаго государя, пока этотъ послѣдній самъ формально не отрекся отъ нихъ; что всякій такой государь долженъ имѣть своего представителя на конгрессѣ; что, наконецъ, владѣнія его не могутъ быть оспариваемы кѣмъ-нибудь изъ другихъ государей и должны вернуться къ нему, если были незаконно отняты у него [1]). Дѣйствительно, всѣ эти положенія сами собой вытекали изъ того основного начала, согласно которому власть законна лишь въ предѣлахъ,

---

[1]) Ср. помимо указ. соч. Даневскаго, соч. А Дебидура: «Политическая исторія XIX вѣка». Т. I, с. 27.—Также—С. Соловьевъ: «Императоръ Александръ I». СПБ. 1877 г., с 278—9.

исторически предуказанныхъ ей Божественнымъ Промысломъ. Но приведенными выводами Талейранъ не ограничивался. Необходимо,— настаивалъ онъ, — помимо всего образовать международный союзъ, въ качествѣ высшей инстанціи, стоящей на стражѣ интересовъ и правъ законныхъ государей, поддерживающей ненарушимость ихъ владѣній, осуждающей всякія завоеванія, а главное, быть можетъ,— оберегающей государей отъ ихъ собственнаго народа и отъ опасностей революціи.

Такой союзъ подъ названіемъ «Священнаго» и составился, какъ извѣстно, по желанію императора Александра I, договоромъ отъ 14/26 ноября 1815 г. Внѣшній стиль единственнаго въ своемъ родѣ дипломатическаго документа характеренъ въ неменьшей степени, чѣмъ его содержаніе: «Во имя Пресвятой и Нераздѣльной Троицы,—значится въ немъ,— Ихъ Величества (монархи австрійскій, прусскій и русскій) объявляютъ торжественно, что предметъ настоящаго акта есть открыть передъ лицомъ вселенныя ихъ непоколебимую рѣшимость руководствоваться заповѣдями святыя вѣры, заповѣдями любви, правды и мира. На семъ основаніи соотвѣтственно словамъ священныхъ писаній, повелѣвающихъ всѣмъ людямъ быть братьями, договаривающіеся

монархи пребудутъ соединены узами дѣйствительнаго и неразрывнаго братства и, почитая себя какъ бы единоземцами, они во всякомъ случаѣ и во всякомъ мѣстѣ станутъ подавать другъ другу пособіе, подкрѣпленіе и помощь. Союзные государи почитаютъ себя, аки поставленными отъ Провидѣнія для управленія единаго семейства отраслями...» [1]).

Такимъ образомъ стремленіе сохранить неприкосновенными права государей на ихъ государства съ полной послѣдовательностью привело легитимистовъ къ идеѣ международнаго союза. Только съ помощью такого союза государи могли чувствовать себя застрахованными и противъ внѣшнихъ опасностей, и противъ опасностей внутреннихъ. Интересы каждой отдѣльной династіи совпали въ теоріи легитимизма съ интересами всѣхъ династій, взятыхъ вмѣстѣ. Противопоставленіе одного государства всѣмъ остальнымъ сохранилось, правда, но здѣсь уже нѣтъ больше «противорѣчія». Двѣ стороны интернаціонализма налицо и приняты во вниманіе, но каждая не только не исключаетъ другую,

[1]) Текстъ переданъ въ сокращенномъ видѣ.

а, напротивъ, дополняетъ и оправдываетъ.— Теорія легитимизма, слѣдовательно, въ качествѣ путеводной нити для практической международной политики, не только взяла на себя задачу примирить два борющіяся въ интернаціонализмѣ начала, но въ извѣстномъ смыслѣ дѣйствительно примирила ихъ.

Несравнимо болѣе широкое историческое и теоретическое значеніе имѣетъ по сравненію съ началомъ легитимизма такъ называемое начало политическаго равновѣсія. Въ основѣ его лежитъ тотъ несомнѣнный фактъ, что весь механизмъ международныхъ взаимоотношеній въ его цѣломъ представляетъ собой единую грандіозную систему, то устойчиваго или неустойчиваго, то укрѣпляющагося или нарушающагося равновѣсія. Какъ только одно государство задумываетъ усилиться за счетъ другого, такъ это другое начинаетъ оказывать ему противодѣйствіе и тѣмъ возстановляетъ поколебавшееся «равновѣсіе». Не удалось это ему, стало оно въ той или иной мѣрѣ жертвой силы и настойчивости сосѣда, подпало подъ его вліяніе, тотчасъ же возникаетъ опасность еще для нѣсколькихъ третьихъ государствъ, которыя уже общими силами берутся возстановлять привычное соотношеніе международныхъ силъ.

Способовъ возстановить равновѣсіе много. Можно ослабить то или иное государство путемъ нанесенія ему военнаго пораженія. Такъ, въ 1904—5 гг. Англія помогала Японіи ослабить Россію, дабы она не пріобрѣла слишкомъ большого вліянія на Дальнемъ Востокѣ. Такъ, теперь весь міръ борется съ угрозой, которую принесло съ собой чрезмѣрное германское усиленіе. Другой способъ возстановленія равновѣсія заключается для государствъ въ томъ, чтобы самимъ усиливаться тамъ, гдѣ усилились сосѣди. Въ 1897 г. нѣмцы укрѣпились въ Китаѣ путемъ аренды порта и крѣпости Кіао-Чао. Тотчасъ же Россія заарендовала у китайцевъ Портъ-Артуръ (Лю-кун-чу), англичане — Вей-Хай-Вей, французы — одну угольную станцію. Иногда государства заранѣе уже принимаютъ мѣры, чтобы не допустить до нежелательнаго для нихъ нарушенія международнаго равновѣсія. Россія воспротивилась въ свое время подведенію турками желѣзной дороги къ Эрзеруму, ссылаясь на то, что такая желѣзная дорога слишкомъ рѣзко измѣнила бы относительное стратегическое положеніе обѣихъ странъ. Въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія европейскія державы заставили отказаться Англію и Португалію отъ договора, касающагося распредѣленія владѣній въ Африкѣ. Пожалуй, можно ска-

зать, что главная часть работы иностранныхъ представителей при разныхъ правительствахъ заключается какъ разъ въ томъ, чтобы своевременно предотвращать нежелательныя для своей страны колебанія общаго политическаго равновѣсія.

Съ давнихъ поръ установленіе равновѣсія служило прямой и непосредственной цѣлью многихъ трактатовъ, заключавшихся между государствами. Утрехтскій мирный договоръ 1713 г. преслѣдовалъ задачу «укрѣпленія и упроченія мира и спокойствія христіанскихъ государствъ справедливымъ равновѣсіемъ силы, которое есть лучшее и наиболѣе прочное основаніе взаимной дружбы и продолжительнаго согласія». 9 сентября 1813 года Россія и Австрія заключили въ Теплицѣ договоръ объ оборонительномъ союзѣ съ тѣмъ, чтобы «положить предѣлъ страданіямъ Европы и упрочить ея будущій миръ возстановленіемъ справедливаго равновѣсія силъ». Послѣ этого о равновѣсіи неоднократно упоминалось въ рядѣ международныхъ договоровъ того же 1813 г., въ первомъ парижскомъ мирѣ 23 апрѣля 1814 г., въ секретномъ параграфѣ къ парижскому миру отъ 30 мая 1814 г. Упоминалось о немъ и при отдѣленіи Бельгіи отъ Голландіи въ 1831 г., когда понадобилось ввести въ

бельгійскія провинціи войска четырехъ великихъ державъ; упоминалось въ Лондонѣ въ 1850 г. на конференціи, торжественно провозгласившей цѣлость и нераздѣльность датской монархіи; наконецъ, упоминалось въ 1854—55 годахъ, поставившихъ западно- европейскую дипломатію передъ необходимостью «найти средства къ тому, чтобы связать существованіе Оттоманской имперіи съ европейскимъ равновѣсіемъ и положить предѣлъ перевѣсу Россіи на Черномъ морѣ» [1]). И такъ вплоть до самыхъ послѣднихъ дней.

Идеальнымъ международное равновѣсіе стало бы въ томъ случаѣ, если бъ всѣ державы міра вошли въ такія границы и пріобрѣли такое количество политической силы, что никому не понадобилось бы никакихъ дальнѣйшихъ территоріальныхъ перераспредѣленій и могъ бы водвориться одинъ вѣчный и неизмѣнный status. Но идеалъ этотъ недостижимъ, соотношеніе силъ государствъ мѣняется непрестанно и вся политика равновѣсія должна ограничиваться лишь тѣмъ сравнительно скромнымъ требованіемъ, чтобы ни одно государство не усиливалось и не разраста-

---

[1]) Ср. В. П. Даневскій, «Система политическаго равновѣсія и легитимизма и начало національности...» сс. 7—13.

лось до такихъ предѣловъ, которые угрожали бы свободѣ другихъ [1]). Пусть, вопреки утвержденію многихъ [2]), приведенное требованіе трудно представить себѣ въ качествѣ нормы международнаго права,—«неумѣстное, ложное и безсильное на правовой почвѣ, начало равновѣсія находитъ свое надлежащее мѣсто и свое реальное примѣненіе на болѣе эластичной и подвижной почвѣ политики» [3]). Оно гласитъ: всякое государство въ правѣ,—и другія государства по справедливости должны признать это за нимъ,—принимать такія мѣры, которыя ведутъ къ поддержанію его относительнаго международнаго положенія, къ сохраненію прежняго его мѣста въ общей системѣ политическаго международнаго равновѣсія. Съ другой стороны: государство, группы государствъ и всѣ государ-

---

[1]) Такъ формулируютъ принципъ равновѣсія Филлиморъ и Блюнчли; ср. Даневскій, op. cit., p. 24.

[2]) Ср. Pillet, A.: «Recherches sur les droits fondamentaux des Etats», pp. 252—3: «L'équilibre des puissances entre Etats ou entre groupes d'Etats n'est pas le droit lui-même, mais il est la meilleure garantie du droit». Donnadieu, V.: «Essai sur la théorie de l'équilibre». Paris. 1900, p. 20.

[3]) Dupuis, Ch.: «Le principe d'équilibre et le concert européen de la paix de Westphalie à l'acte d'Algésiras».—Paris, 1909, p. 104.

ства, вмѣстѣ взятыя, въ правѣ предпринимать мѣры воздѣйствія противъ того изъ членовъ международнаго цѣлаго, который за свой страхъ покушается нарушить установившееся въ мірѣ политическое равновѣсіе. Стало-быть, и здѣсь какъ въ легитимизмѣ, политическая теорія ставитъ себѣ двоякую задачу: оберечь интересы отдѣльнаго государства и оберечь интересы международнаго союза. И здѣсь вниманіе ея направлено въ двѣ различныя стороны и, въ соотвѣтствіи съ двумя сторонами въ интернаціонализмѣ, у нея два противоположныхъ исходныхъ пункта: государство и международный союзъ. А если и здѣсь поставленная задача можетъ въ извѣстной степени считаться разрѣшенной, то опять-таки потому, что противоположныя начала оказались согласованными и примиренными: самый смыслъ, самое существо равновѣсія заключается въ согласованіи и примиреніи противуположнаго.

Наконецъ, принципъ національностей. Это наименѣе политичный изъ всѣхъ политическихъ международныхъ принциповъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ — полная противоположность по своимъ предпосылкамъ и легитимизму, и теоріи равновѣсія. Легитимизмъ стремился поддерживать правителей на тронахъ противъ воли народовъ и противъ

покушеній другихъ правителей;—національный принципъ заботится прежде всего о самихъ народахъ. Сила государства, согласно легитимистамъ,—въ крѣпости правительства; сила государства по теоріи національностей—въ крѣпости заложенныхъ въ немъ національныхъ связей. Первая теорія необходимо предполагаетъ постоянное вмѣшательство однихъ государствъ въ дѣла другихъ, вторая рѣшительно возстаетъ противъ всякаго вмѣшательства. Что же касается принципа равновѣсія, то отъ него національный принципъ въ международной политикѣ рѣзко отгораживается уже тѣмъ, что по самому своему существу не допускаетъ никакого равновѣсія. Онъ требуетъ, чтобы границы государства и границы національности совпадали, чтобы уважалось желаніе національностей образовать собственное государство, чтобы частямъ націи, попавшимъ въ составъ различныхъ государствъ, не воспрещалось объединяться вмѣстѣ тамъ, гдѣ онѣ пожелаютъ. О какомъ же равновѣсіи можетъ итти здѣсь рѣчь? Мало того, самое обоснованіе обоихъ принциповъ совершенно различно: національный принципъ увѣренъ, что онъ творитъ волю высшей справедливости, что въ немъ находитъ свое выраженіе требованіе абсолютной международной нравственности. Принципъ равновѣсія ни о чемъ абсолютномъ и ни

о чемъ высшемъ не мечтаетъ: онъ знаетъ, что извѣстная доля справедливости есть въ немъ, больше ему ничего и не нужно. Основа его—механика международныхъ отношеній. Онъ хочетъ быть принципомъ потому, что давно уже представляетъ собой реальный двигатель и властный жизненный фактъ. Онъ не работы проситъ отъ теоріи, не введенія въ дѣйствіе, а только одного—формальнаго признанія. Только. Наконецъ, начало равновѣсія считается съ тѣмъ, что ему, какъ Сизифу, предстоитъ работать вѣчно и, какъ Танталу, никогда не удастся утолить своей жажды. Всякое равновѣсіе будетъ разрушаться и взывать къ новому равновѣсію. Напротивъ, національный принципъ легко включаетъ въ свой составъ предположеніе, что перераспредѣленіе націй по государствамъ произойдетъ когда-нибудь—и не очень поздно, быть-можетъ,—послѣ чего всей международной политикѣ и всей дипломатіи останется лишь почить на заслуженныхъ лаврахъ.

Таковы характерныя черты, рѣзко отличающія принципъ національностей отъ двухъ другихъ указанныхъ нами принциповъ международной политики. Но если бы мы захотѣли посмотрѣть, что имѣется между ними общаго, то тотчасъ же нашли бы, что это все то же стремленіе примирить начало государственной обособленности

съ международной солидарностью, то же объединеніе въ нѣчто неразрывное двухъ противоположныхъ устремленій интернаціонализма. Примиреніе здѣсь дается въ понятіи нація, которая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ стоитъ и внѣ государства и внѣ международнаго союза, но вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляетъ линію поведенія и того и другого. На первый взглядъ можетъ показаться, что національный принципъ всецѣло на сторонѣ отдѣльныхъ государствъ и довольно безразличенъ къ идеѣ образованія изъ нихъ единаго государства государствъ. Но это только на первый взглядъ. При ближайшемъ же разсмотрѣніи оказывается, что торжество принципа національностей невозможно безъ того, чтобы одновременно не восторжествовали самая широкая международная солидарность и самая идиллическая заботливость однихъ государствъ о другихъ. Вѣдь нѣкоторыя изъ національныхъ государствъ будутъ обширны по размѣрамъ и сильны количествомъ населенія; другія же будутъ малы, насчитывая въ составѣ своихъ гражданъ лишь тысячи. Однимъ посчастливится обладать большинствомъ нужныхъ для мощнаго современнаго государства рессурсовъ—залежами каменнаго угля, желѣзными рудниками, выходами въ открытое море, полями, пастбищами; между тѣмъ другія не будутъ имѣть

почти ничего. И все-таки сильныя державы отнюдь не въ правѣ посягать на слабыя и хотя въ чемъ-нибудь нарушать ихъ право на независимость! Во имя чего же онѣ должны такъ вести себя и когда можетъ наступить такое воистину блаженное время? Очевидно, что главнымъ образомъ во имя уваженія къ государству, *какъ къ члену международнаго союза*, и—только тогда, когда дѣйствительно образуется единый международный союзъ.

Таковъ современный политическій интернаціонализмъ, если судить о немъ, во-первыхъ, на основаніи живыхъ историческихъ фактовъ, а во-вторыхъ, на основаніи теорій, освѣщающихъ наиболѣе характерныя изъ его чертъ и свойствъ. Факты показываютъ съ полной наглядностью, что въ политическомъ отношеніи всѣ государства тѣснѣйшимъ образомъ связаны другъ съ другомъ и зависятъ другъ отъ друга. Въ значительной мѣрѣ это происходитъ потому, что область политическихъ международныхъ отношеній весьма близко соприкасается съ областью отношеній экономическихъ, также чрезвычайно широкой, также охватывающей весь міръ. Это—факты. Что же касается теорій, то онѣ съ неменьшей наглядностью и убѣдительностью обнаружили полную необходимость мыслить себѣ международную сферу одновременно и какъ сумму

отдѣльныхъ государствъ и какъ единый международный политическій организмъ. Изъ всего, что намъ дали факты и теоріи, мы сдѣлали выводъ о двусторонней устремленности — или просто о двусторонности — современнаго интернаціонализма. И мы упорно настаивали и настаиваемъ на этой двусторонности, и уясненію ея придавали и придаемъ большое значеніе. Мы указывали, что «воля къ государству» современной исторіи не только не должна считаться противорѣчащей ея же волѣ къ миру и союзу всего міра, но должна предполагаться этой послѣдней, сливаясь съ ней въ единую общую волю къ интернаціонализму.

Спрашивается, однако, зачѣмъ понадобилось намъ указывать на это и что намъ это указаніе даетъ? Отвѣтъ пусть будетъ кратокъ и опредѣленъ. Это нужно:—во-первыхъ, чтобы реабилитировать государство;—во-вторыхъ, чтобы реабилитировать (до извѣстной степени) современные методы международной политики;—въ-третьихъ, чтобы правильно понять самую сущность интернаціонализма и пути, по которымъ ему предстоитъ итти.

Не скроемъ, первыя двѣ задачи пріобрѣтаютъ для насъ особенное значеніе въ связи съ тѣми трафаретными представленіями, которыя въ

вопросахъ международныхъ отношеній въ настоящее время господствуютъ у насъ. Ихъ можно охарактеризовать общимъ образомъ, какъ представленія о реакціонности государственнаго начала въ международной жизни и о полной непригодности прежнихъ устоевъ международной политики и дипломатіи къ удовлетворенію насущнѣйшихъ требованій современнаго интернаціонализма. Торжествуютъ лозунги, согласно которымъ миръ послѣ войны долженъ привести къ совершенно новому въ исторіи типу «братства народовъ»,—на основѣ не государственнаго, а группового, классоваго объединенія ихъ,—при непремѣнномъ условіи, чтобы воля націй, какъ культурно-историческихъ образованій, властно подчинила себѣ волю государствъ,—чтобы государства (въ особенности почему-то Россія) рѣшительно и разъ навсегда отказались отъ выполненія тѣхъ своихъ жизненныхъ задачъ, которыя въ области внѣшнихъ отношеній лежатъ на нихъ, какъ на государствахъ. Главную цѣль для ближайшаго мѣждународнаго будущаго предлагается видѣть въ созданіи прочной и нерасторжимой л и г и н а р о д о в ъ, въ которой государство заняло бы подчиненное положеніе и не покушалось бы на проявленія какой-либо самостоятельности и которая сама также не была бы государствомъ.

Это ли не кризисъ государственной идеи? Это ли не желаніе, чтобы колесо исторіи свернуло съ пути, ведущаго къ созданію мощныхъ и великихъ политическихъ организмовъ, и побѣжало какими-то новыми путями, украшенными гирляндами розовыхъ надеждъ, но врядъ ли хорошо утрамбованными? Среди испытаній длинной и мучительно тяжелой войны, въ радостномъ угарѣ перваго революціоннаго опьянѣнія критика исторіи, жажда новыхъ историческихъ путей и вѣра въ нихъ психологически вполнѣ понятны и житейски вполнѣ законны. Но все-таки истина прежде всего. Истина—великая жизненная сила, которая жестоко наказываетъ, если съ ней не считаться, а тѣмъ болѣе, если ее умышленно искажать. Въ данномъ же случаѣ истина заключается въ томъ, что государство не только не врагъ интернаціонализма и не препятствіе къ сохраненію конечнаго международнаго идеала, но другъ ихъ, условіе и сподвижникъ. Съ этой точки зрѣнія указать, что усиленіе государствъ составляетъ одну изъ главнѣйшихъ задачъ интернаціонализма, — указать, что всякое государство само по себѣ непремѣнно состоитъ на службѣ у интернаціонализма, и значитъ оправдать государство передъ судомъ международной исторіи. Путь самоутвержденія государства—таковъ тотъ путь, по которому издавна уже ше-

ствуютъ навстрѣчу вѣчности хоры ангеловъ вѣчнаго мира. Чрезъ государства къ единому всемірному государству. Вслѣдъ за этимъ хоромъ ангеловъ шествуютъ хоры правителей, политиковъ и дипломатовъ. Ихъ голоса звучатъ, разумѣется, не поангельски. Но что даетъ намъ право утверждать, что рѣшительно все въ ихъ напѣвахъ и рѣчахъ сплошной диссонансъ съ гимномъ интернаціонализма, сплошная ошибка, близорукость, чуть ли не сплошное преступленіе? Не очевидно ли, что поскольку имъ удавалось осуществить задачу усиленія отдѣльныхъ государствъ, сближенія нѣкоторыхъ изъ нихъ во имя общихъ имъ реальныхъ государственныхъ интересовъ, подчиненія всѣхъ ихъ универсальнымъ нормамъ международнаго права, постольку они оставались вѣрными слугами интернаціонализма и дѣятельность ихъ должна почитаться оправданной? Легко создать ослѣпительно-яркій нравственный идеалъ и лучами его поражать всѣхъ тѣхъ, кто не отказались быть чернорабочими добра и съ запачканными лицами дѣлать свое дѣло. Гораздо труднѣе свить изъ этихъ лучей возжи, которыми однѣми можно было бы направлять по желанному пути «дикій бѣгъ коня событій». Но пусть даже такія возжи свиты:—увы, жрецамъ добра тотчасъ же пришлось бы отказаться отъ жречества,

превратиться въ суровыхъ возничихъ на тряской колесницѣ добра и, забывъ многія изъ своихъ «сакральныхъ» словъ, позаботиться о другихъ, болѣе подходящихъ къ новому дѣлу.

Иначе говоря, съ одними нравственными началами въ международной жизни, какъ и во всякой другой, не обойтись. Нужны еще и начала правовыя, не столь возвышенныя, какъ первыя, но все же довольно громоздкія, неподвижныя, разсчитанныя на долгій срокъ. Нужны, наконецъ, начала политическія, гибкія, измѣнчивыя, трудно формулируемыя, служащія лишь моменту и моментомъ живущія, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ и первыя и вторыя, отражающія велѣнія справедливости.

Противъ политики издавна и всюду существуетъ предубѣжденіе, но дѣло философіи политики когда-нибудь это предубѣжденіе разсѣять. Если этическія начала связаны съ исторіей мірозданія и входятъ въ нее, то можно, навѣрное, установить, что тремъ основнымъ выраженіямъ бытія—вѣчности, времени и моменту—въ этическомъ ряду соотвѣтствуютъ нравственность, право и политика. А если безъ политики нельзя строить международной жизни, то, сколько бы мы ни возмущались ея условностью, относительностью и самопротиворѣчіями, съ ней все равно придется

мириться. И сколько бы ни старались мы «очистить» ее и пропитать правовыми и нравственными началами, она никогда не станетъ ни правомъ, ни нравственностью, какъ никогда моментъ не переродится въ столѣтіе, а столѣтіе въ вѣчность. Политика можетъ быть плохой и хорошей, менѣе справедливой и болѣе справедливой; задача исторіи—сдѣлать ее насколько возможно справедливой. Пожалуй, есть основанія утверждать, что въ международной области она становится все справедливѣе и справедливѣе съ каждымъ десятилѣтіемъ, что здѣсь наблюдается несомнѣнный прогрессъ. Но никогда самая справедливая политика не будетъ одинакова съ правомъ, а тѣмъ болѣе съ нравственностью—просто потому, что все это совершенно разныя стихіи.

Взявшись оправдывать современное государство и современную международную политику отъ огульныхъ обвиненій въ реакціонности и безнравственности, мы должны считаться съ тѣмъ, что ео ipso мы принуждены оправдывать *имперіализмъ и политику имперіализма*. Вѣдь именно въ нихъ самоутвержденіе государства находитъ одно изъ высшихъ своихъ выраженій, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ же съ особенной яркостью обнаруживается все, что заложено злого во всякой госу-

дарственности. Не даромъ на имперіализмъ такъ нападаютъ теперь, а прозвища имперіалиста такъ боятся. Не даромъ такъ много говорятъ о необходимости бороться съ имперіализмомъ, о необходимости сокрушить его разъ навсегда дружными усиліями всѣхъ народовъ

Однако, что такое имперіализмъ?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Имперіализмъ.

I.

Что такое имперіализмъ?

Для марксистовъ это—обобщенное выраженіе «попытокъ господствующихъ классовъ устранить растущую несовмѣстимость національно-государственной отграниченности отдѣльныхъ капиталистическихъ странъ съ ихъ тѣсной экономической зависимостью другъ отъ друга и отъ всего мірового хозяйства» [1]). Нѣсколько подъ инымъ, но также марксистскимъ, угломъ зрѣнія имперіализмъ разсматривается за «выраженіе въ области внѣшней политики государства внутреннихъ тенденцій финансоваго капитала» [2]).—Когда «національное государ-

---

[1]) П. Б. Аксельродъ въ брошюрѣ «Die Krise u. die Aufgaben der internationalen Sozialdemokratie». Цит. А Потресовымъ въ предисловіи къ «Средней Европѣ» К. Каутскаго

[2]) Ю Каменевъ: «Экономическая система имперіализма». П. 1916, с 66.

ство,—пишетъ В. М. Фриче,—въ интересахъ развитія капитализма, въ интересахъ прибыли капиталистовъ, начинаетъ такъ или иначе расширять свою территорію, начинаетъ пріобрѣтать колоніи, оно превращается въ государство имперіалистическое... Имперіалистическимъ государствомъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ обычно называется такое, которое владѣетъ завоеванными заморскими колоніями и притомъ въ разныхъ мѣстахъ» [1]). Для однихъ марксистовъ имперіализмъ представляетъ собой высшую и послѣднюю ступень развитія капиталистическаго хозяйства, для другихъ—какъ, напримѣръ, для К. Каутскаго,—не исключена возможность, что на смѣну ему придетъ еще какая-нибудь новая эра капитализма [2]).

Экономическую сторону имперіализма выдвигаетъ на передній планъ и Патуйе: «въ наше время,—говоритъ онъ,—имперіализмъ выступаетъ главнымъ образомъ въ качествѣ экономическаго феномена, рожденнаго экономическими условіями и стремящагося пріобрѣсти экономиче-

---

[1]) Прив.-доц. В. М. Фриче: «Имперіализмъ», популярная брошюра, сс. 7 и 8.

[2]) К. Каутскій: «Средняя Европа». М. 1916 г., с. 66.—Ср. его же: «Національное государство, имперіалистическое государство и союзъ государствъ»—Пер. съ нѣм. М. 1917, с. 15.

скій характеръ... Имперіализмъ, экономическое явленіе по своему происхожденію, таковъ же и по своимъ цѣлямъ и по примѣняемымъ средствамъ. Дѣйствительно, современная имперіалистическая политика стремится болѣе къ экономическому завоеванію міра, чѣмъ къ завоеванію политическому, и если послѣднее имѣетъ мѣсто, то лишь въ качествѣ послѣдствія и поддержки перваго» [1]).

Напротивъ Г. Шульце-Геверницъ, характеризуя новѣйшій англійскій имперіализмъ

---

[1]) J Patouillet: «L'impérialisme américain». Paris. 1904, pp. 29, 31. Ср. прив.-доц А. Бѣликовъ «Камско-Волжская Рѣчь», 11 іюня 1917 г, ст «Имперіализмъ»:—«Имперіализмъ означаетъ стремленіе къ созданію мірового государства, т.-е. такого, которое имѣло бы въ своемъ распоряженіи все разнообразіе доступныхъ человѣчеству средствъ, имѣло бы для этого господство надъ разными областями земного шара, могло бы само своими средствами удовлетворять всѣ самыя сложныя свои потребности. «Имперія» (въ смыслѣ мірового государства) должна имѣть въ своемъ распоряженіи страны, доставляющія всевозможные продукты, и страны, потребляющія продукты всякаго производства. Поэтому имперіализмъ тѣсно связанъ съ колоніальнымъ могуществомъ. Самый терминъ этотъ появился тогда, когда государства Европы стали соперничать между собой въ расширеніи своихъ колоніальныхъ владѣній. Имперіализмъ есть слѣдствіе развившейся промышленной конкуренціи».

и противопоставляя его манчестерской политикѣ, склоненъ экономическій моментъ въ немъ подчинять моменту политическому. Манчестерство провозглашало въ первую линію хозяйственную и только уже потомъ политическую программу. Иначе имперіализмъ. Онъ опредѣленно отказывается быть «вопросомъ ножей и вилокъ». Пусть даже важныя политико-экономическія требованія останутся неудовлетворенными, во главѣ угла остается то положеніе, что въ сравненіи съ хозяйственными интересами національная организація воплощаетъ высшую культурную цѣнность; ей въ угоду хозяйственныя отношенія должны устанавливаться, а, если нужно, перестраиваться заново. Имперіализмъ есть вѣра, подвигающая на жертвы. Онъ принадлежитъ къ тѣмъ культурнымъ устремленіямъ (Kulturbestrebungen), которыя по Дизраэли «дѣлаютъ націи великими и одни только отличаютъ человѣка отъ животнаго». Въ этомъ какъ разъ его сила [1]).

Съ точки зрѣнія П. Б. Струве, имперіализмъ есть не что иное, какъ стремленіе государства къ силѣ, забота о внѣшней мощи государ-

---

[1]) G. Schulze-Gaevernitz: «Britischer Imperialismus und englischer Freihandel zu Beginn des zwanzigsten Jahrhunderts». Leipz., 1906, c. 101.

ства. «Онъ весь проникнутъ идеей мощи государства». Въ немъ проявляетъ себя «болѣе или менѣе ясное постиженіе того, что государство желаетъ быть и—поскольку государство цѣнно для личности—должно быть могущественно. Всякое живое государство всегда было и будетъ проникнуто имперіализмомъ въ этомъ смыслѣ... Беззащитный передъ судомъ «разума» и основанной на немъ нравственности, онъ торжествуетъ потому, что надъ нимъ стоитъ властвующая надъ людьми мистическая природа государства» [1]).—Приблизительно на той же точкѣ зрѣнія стоитъ и Н. В. Устрялловъ: «Въ области международной жизни,—пишетъ онъ въ статьѣ, посвященной вопросу о русскомъ имперіализмѣ,—есть глубоко знаменательное соотвѣтствіе между авторитетомъ духовнаго порядка и мощью внѣшнею, политическою. Развитіе духовной культуры государства какъ-то интимно связывается съ ростомъ его политической силы... Великая культура можетъ принадлежать лишь могущественному національно-государственному цѣлому. И отсюда передъ каждымъ государствомъ встаетъ практическій императивъ: стремись къ расширенію, будь могучимъ, если хочешь быть великимъ. Здѣсь не только голосъ біологически естествен-

---

[1]) П. Б. Струве: «Patriotica». СПБ. 1911, с. 101.

наго и цѣннаго инстинкта; здѣсь—велѣніе нравственнаго разума, завѣтъ и требованіе историческаго Духа. Сущее и должное здѣсь совпадаютъ воедино, какъ два аспекта одного и того же явленія... Этими соображеніями, мнѣ кажется, оправдывается то явленіе, которое нынѣ обычно носитъ названіе имперіализма. Имперіализмомъ объясняются многія великія событія на протяженіи всей исторіи человѣчества. Идея имперіализма лежитъ въ основѣ политики всѣхъ современныхъ государствъ. Эта идея жизненна и глубоко плодотворна» [1]).

Значительно прозаичнѣе смотритъ на дѣло Г. Тардъ: увеличиться путемъ войны и аннексій настолько, чтобы не имѣть сильныхъ сосѣдей,—начиная съ этого момента, усмирять побѣжденныхъ или цивилизовать остальныхъ, и наивно увѣровать, что охватилъ весь міръ, сталъ центромъ или окомъ міра,—такова, по мнѣнію этого соціолога, программа, сама собой возникающая у любого народа, находящагося въ процессѣ расширенія. Всегда наступаетъ моментъ когда послѣ долгаго періода войнъ—сначала изъ необходимости защиты, потомъ по привычкѣ и

---

[1]) Н. В. Устряловъ: «Къ вопросу о русскомъ имперіализмѣ». Проблемы Вел. Россіи. 1916 г. № 15, сс. 2—3.

изъ удовольствія,—народъ начинаетъ желать покойно воспользоваться своимъ богатствомъ и своей славой и уже воюетъ только для того, чтобы достичь этой благодѣтельной пристани. Тогда, если народъ принадлежитъ къ благородной расѣ, онъ убѣждаетъ себя, что получилъ отъ неба провиденціальную миссію, миссію всѣмъ управлять, чтобы все цивилизовать на свой образецъ и все умиротворить [1]). Все это и есть имперіализмъ.

Характерно, что К. Каутскій, не считая имперіализмъ послѣдней стадіей капиталистическаго развитія, не считаетъ его вмѣстѣ съ тѣмъ и существенно необходимымъ для этого послѣдняго. По его мнѣнію, имперіализмъ является только вопросомъ силы, а не экономической необходимости. Онъ не только не необходимъ для капиталистическаго способа производства, но даже его значеніе для него часто неимовѣрно переоцѣнивается. Можно доказать, во-первыхъ, что онъ не является единственнымъ стимуломъ экспансивной политики державъ; во-вторыхъ, что колоніальная политика—и притомъ въ главнѣйшихъ проявленіяхъ ея—не имперіалистическаго происхожденія; въ-третьихъ, что агрессивная

---

[1]) G Tarde: «L'impérialisme»—Renaissance latine, 15. VII. 1902, pp. 321—22. Цит. по Patouillet.

политика имперіализма, будучи далеко не необходимой для экономическаго развитія капитализма является однимъ изъ наиболѣе дорого стоящихъ и наиболѣе опасныхъ методовъ современной капиталистической политики расширенія, но далеко не наиболѣе дѣйствительнымъ: на ряду съ нимъ примѣняются другіе, играющіе значительно большую роль въ экономическомъ отношеніи [1]). Прибавимъ, что для К а у т с к а г о имперіализмъ сводится главнымъ образомъ къ стремленію промышленныхъ капиталистическихъ странъ «подчинить себѣ и включить въ свой составъ а г р а р н ы я области независимо отъ національнаго состава ихъ населенія» [2]).

Но, пожалуй, наиболѣе типическими придется признать тѣ опредѣленія существа имперіализма, которыя, опираясь на природу современныхъ экономическихъ отношеній, стремятся установить прямое соотношеніе между экономическими и политическими его основами, а затѣмъ сдѣлать, при случаѣ, переходъ къ основамъ культурно-историческимъ. Такое соотношеніе устанавливаютъ нѣкоторые изъ цитированныхъ уже нами авторовъ, въ ихъ числѣ П а т у й е. Оно

---

[1]) К. К а у т с к і й: «Національное государство, имперіалистическое государство и союзъ государствъ», с. 24.

[2]) Ibid, p. 15.

же лежитъ въ основѣ характеристики имперіализма, даваемой Альварецомъ.

Для Альвареца понятія политики имперіалистической и міровой совпадаютъ. Подобная политика присуща всякому государству, достигшему высокой стадіи развитія. Цѣль ея—расширить торговлю, открыть новые рынки и установить политическое господство во всѣхъ концахъ міра. Средства у нея самыя разнообразныя, до установленія протектората и до завоеванія включительно. Главныя характерныя черты подобной политики сводятся къ увеличенію территоріи, въ особенности территоріи колоніальной,—къ вмѣшательству во всѣ дѣла, затрогивающія международное равновѣсіе, и т. д. [1]).

Что касается Патуйе, то выдвиганіе на передній планъ экономическаго характера имперіализма не препятствуетъ ему признавать и существованіе имперіализмовъ чисто политическаго, лингвистическаго и даже религіознаго (?). Съ его точки зрѣнія, имперіализмъ не связанъ непосредственно съ какой-нибудь опредѣленной эпохой. Онъ образуется самопроизвольно и выражаетъ собой особое психологическое

---

[1]) A. Alvarez: «Le droit international américain.—Son fondement. Sa nature»—Paris, 1910, p. 175.

состояніе, заставляющее одни народы господствовать надъ другими и распространять свое вліяніе на всю вселенную съ тѣмъ, чтобы въ концѣ концовъ цѣной завоеванія экономическаго или военнаго дать ей вѣчный миръ. То, что прежде всего характеризуетъ имперіализмъ, заключается въ особомъ состояніи души, рождающемъ въ націи весьма живое и даже чрезмѣрное сознаніе своего могущества: она чувствуетъ себя предназначенной осуществить господство надъ другими народами, которые признаются ею низшими въ культурномъ отношеніи, и даже надъ цѣлымъ міромъ. Имперіализмъ является, такимъ образомъ, крайнимъ выраженіемъ патріотизма у расширяющихся народовъ, утвержденіемъ національнаго чувства, гипертрофіей начала національностей. Заключительныя слова имперіализма—«империя, это—миръ». Но вмѣстѣ съ тѣмъ культъ силы и національнаго величія приводитъ, съ одной стороны, къ нажимамъ на право и на договоры, а съ другой стороны—къ внѣдренію въ народѣ идеи работы, усилій, борьбы. Интересъ государства становится основаніемъ всякой политики; вѣра въ себя и патріотизмъ—основой національнаго характера. То вліяніе, которое имперіалистическая страна устанавливаетъ за своими предѣлами, оказывается непремѣнно

политическимъ, колоніальнымъ, а слѣдовательно, и военнымъ. За колоніальнымъ имперіализмомъ съ логической послѣдовательностью слѣдуетъ континентальный [1]).

Если всѣ приведенныя опредѣленія имперіализма и отдѣльныя точки зрѣнія на него и не совпадаютъ между собой во многихъ существенныхъ частностяхъ, препятствуя составить одно цѣльное и точное понятіе имперіализма, то общее представленіе о немъ, и притомъ достаточно правильное, они все же даютъ.

Несомнѣнно, что для характеристики интересующаго насъ явленія въ высокой степени важны какъ его экономическая сторона, такъ и сторона политическая. Несомнѣнно, что здѣсь идея государства празднуетъ одинъ изъ своихъ праздниковъ самоутвержденія и вопросъ только въ томъ, простой это праздникъ или особо торжественный. Почти всѣ авторы признаютъ, что имперіализмъ тѣсно связанъ со стремленіемъ государства къ колоніямъ и съ обладаніемъ ими; совершенно правильно и это. Наконецъ, безусловно вѣрно, что онъ вытекаетъ изъ опредѣленной національной психологіи, въ свою очередь воздѣйствуя на нее, что имъ предполагается извѣстная высота культурнаго развитія народа,

---

[1]) Fatouillet, op cit., pp 26—32.

что его привлекаетъ задача служить той или иной нравственной идеѣ до идеи вѣчнаго мира включительно, что тѣмъ не менѣе онъ постоянно выкатываетъ пушки и пулеметы противъ сильныхъ и грозно прикрикиваетъ на слабыхъ. Остается лишь установить, какое значеніе каждый изъ указанныхъ признаковъ имѣетъ для образованія болѣе точнаго и законченнаго понятія имперіализма, да сдѣлать нѣкоторыя поясненія и замѣчанія, нужныя намъ въ нашей спеціальной цѣли познанія существа интернаціонализма.

И прежде всего: отдавая должное роли экономическаго фактора во всѣхъ историческихъ явленіяхъ, не будемъ все же слишкомъ переоцѣнивать его и назойливо тыкать имъ въ глаза по всякому поводу и безъ повода. Мы уже имѣли случай отмѣтить, что подобная привычка ведетъ или къ насильственному объявленію экономическимъ того, что на самомъ дѣлѣ вовсе не экономично, или же къ исключенію изъ поля зрѣнія многаго, чего упускать никакъ нельзя. Нельзя краснымъ по красному изображать зелень полей или бѣлизну человѣческой кожи. Нельзя водой разжижать воду, огнемъ охлаждать огонь. Въ своей скучной попыткѣ вывести все изъ одного хозяйственнаго начала и все привести къ нему экономическій матеріализмъ такъ же безнадежно

неправъ, какъ и его антиподъ, идеализмъ, выводящій все изъ одного духовнаго начала. Въ мірѣ дѣйствуютъ по меньшей мѣрѣ два основныхъ принципа, какъ-то самостоятельныхъ, какъ-то соединенныхъ, какъ-то борющихся и дружащихъ. Но непремѣнно не меньше, чѣмъ д в а, и непремѣнно находящихся во взаимодѣйствіи и въ самой неразрывной связи. То же самое относится и къ области общественно-историческихъ явленій. Экономическая причина таитъ въ себѣ политическое слѣдствіе, политическое слѣдствіе рождаетъ новую экономическую причину. То, что мы въ своеобразной алгебраичности мышленія называемъ иной разъ экономическимъ, при разложеніи на части оказывается состоящимъ изъ массы политическихъ моментовъ. И обратно: мало-мальски сложный политическій моментъ непремѣнно начиненъ мелкимъ порохомъ экономическихъ причинъ, слѣдствій и сцѣпленій. Поэтому лучше всего говорить здѣсь о взаимодѣйствіи или же, какъ мы и дѣлали, то сближать и сливать обѣ точки зрѣнія на событія, то в ъ ч и с т о м е т о д о л о г и ч е с к и х ъ ц ѣ л я х ъ искусственно ихъ расчленять и противопоставлять. Искать «абсолютно точныхъ» понятій и опредѣленій такое же напрасное занятіе, какъ пытаться зашагать мыслями отъ начала всѣхъ началъ, чтобы притти съ ними къ концу всѣхъ

концовъ. Въ области соціологіи, права и политики жалѣть объ этомъ приходится не больше, чѣмъ въ другихъ областяхъ положительнаго знанія.

Однако, возвращаясь къ нашей темѣ:—если не годится весь имперіализмъ выводить изъ экономическихъ необходимостей и весь его сводить къ однимъ экономическимъ проявленіямъ (даже К а у т с к і й отказывается дѣлать это), то все же нельзя упускать изъ виду то характерное съ экономической точки зрѣнія, что въ немъ безусловно имѣется. Съ самаго начала приходится сказать, что имперіализмъ немыслимъ внѣ высшихъ формъ современной ему хозяйственной жизни. Иначе это будетъ политика завоеваній, захватовъ и опасныхъ авантюръ, но не имперіалистическая политика. Вѣдь, когда государство ставитъ себѣ великія и медленно достижимыя цѣли, оно должно обладать и великими средствами; а къ такимъ средствамъ въ первую очередь относится хорошо поставленное хозяйство.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ врядъ ли вполнѣ правильно утверждать, какъ то дѣлаютъ нѣкоторые, будто имперіализмъ весь исчерпывается стремленіемъ къ созданію крупнаго самодостаточнаго государства, у котораго все было бы подъ руками, такъ что ничего не надобилось бы искать у другихъ. Нѣтъ предѣловъ экономическому и полити-

ческому честолюбію занимающей насъ системы и нельзя въ настоящее время говорить, что у государства есть все, пока оно не владѣетъ всѣмъ міромъ. Выше мы видѣли уже тѣсную экономическую связанность между всѣми отдѣльными государственными хозяйствами; видѣли, какъ въ нѣкоторыхъ странахъ въ процессѣ роста промышленности и выдѣленія въ подвижную и мощную экономическую силу финансоваго капитала для предпринимателей становится тѣсенъ внутренній рынокъ и создается настойчивая потребность въ рынкѣ внѣшнемъ, міровомъ. Если есть прямая взаимозависимость между стремленіемъ къ безпредѣльному расширенію рынка, къ экономическому господству надъ другими народами и необходимостью прокладывать или поддерживать это господство вооруженной силой, то одной изъ главнѣйшихъ задачъ государственнаго хозяйства становится обезпеченіе себѣ всѣхъ необходимыхъ матеріальныхъ рессурсовъ для обороны и нападенія. Въ виду всего этого, грандіозныя экономическія силы оказываются одинаково нужными имперіалистическому государству и какъ самоцѣль и какъ средства для осуществленія военно-политическихъ цѣлей.

«Все мое»—таковъ конечный экономическій идеалъ въ общей системѣ имперіалистской политики. Но при современныхъ условіяхъ подобный

идеалъ не можетъ считаться даже приблизительно осуществимымъ ни для одного изъ государствъ. Имперіалистическихъ странъ нѣсколько и каждая изъ нихъ ревниво оберегаетъ свою экономическую и политическую самостоятельность. Слѣдовательно, всѣми необходимыми рессурсами, въ качествѣ своихъ собственныхъ, государства обладать не могутъ; имъ приходится въ порядкѣ дружескихъ соглашеній пользоваться средствами сосѣднихъ странъ, уступая взамѣнъ часть своихъ средствъ. Тѣмъ самымъ слишкомъ прямолинейная задача сдѣлать все «своимъ» невольно превращается въ задачу получатькакъ можно больше отъ другихъ съ тѣмъ, чтобы и давать имъ какъ можно больше. При современныхъ условіяхъ это равносильно задачѣ стать государствомъ передовымъ въ промышленномъ и финансовомъ отношеніи и быть въ состояніи конкурировать на экономическомъ поприщѣ съ любымъ изъ остальныхъ государствъ. А отсюда—первое ограниченіе, которое приходится внести въ понятіе имперіализма: нельзя говорить объ имперіализмѣ странъ, не достигшихъ высшихъ степеней промышленнаго развитія. Имперіалистъ, который на скрипучей телѣгѣ ѣздилъ бы въ сосѣднія страны продавать мучку да крупку, а на полѣ брани только дырявыми шапками и могъ бы закидать врага,—такой «имперіалистъ»—фигура воистину комическая.

Второе ограниченіе, которое слѣдуетъ внести въ содержаніе интересующаго насъ понятія, связано съ вопросомъ о колоніяхъ. Несомнѣнно, что имперіалистическая политика съ необходимостью предполагаетъ самую широкую колоніальную политику. Колоніи—наиболѣе выгодный рынокъ. Колоніи—лучшіе поставщики дешеваго сырья для метрополіи. Колоніи обогащаютъ государство человѣческимъ матеріаломъ и одновременно удобнымъ образомъ оттягиваютъ изъ центровъ избытокъ ихъ населенія. Колоніи—стратегическія позиціи и т. д., и т. д. Безъ колоній имперіи образоваться не могутъ. И тѣмъ не менѣе правъ, на нашъ взглядъ, К а у т с к і й, предостерегающій отъ отождествленія имперіалистской политики съ колоніальной. Не всякое колоніальное государство непремѣнно имперіалистично. Громадными колоніями владѣютъ и Голландія, и Португалія, и Бельгія, и все же страны эти не имѣютъ рѣшительно ничего общаго съ имперіализмомъ. Даже объ имперіализмѣ такихъ государствъ, какъ Италія и Франція, не только обладающихъ колоніями, но и способныхъ, повидимому, пріобрѣтать въ будущемъ все новыя и новыя, можно говорить лишь съ весьма сильной натяжкой. Колоніи остаются иногда, какъ наслѣдіе добраго стараго времени; часто ихъ пріобрѣтаютъ для того, чтобы поддержать

свое относительное международное положеніе; бываетъ, что онѣ даются сами собой, внѣ зависимости отъ какой-либо программы или цѣли. И во всякомъ случаѣ, далеко не всѣ колоніальныя пріобрѣтенія одной страны внушаютъ остальнымъ странамъ тѣ опасенія, которыя неизмѣнно внушаетъ каждый изъ подлинно империалистическихъ шаговъ немногихъ великихъ державъ. Такъ, послѣ 1871 г. Бисмаркъ желалъ даже, чтобы Франція вступила на путь колонизаторства и подъ лучами знойнаго южнаго солнца забыла о мрачныхъ рудникахъ и копяхъ Лотарингіи. Такъ, въ 80-хъ гг. Гладстонъ могъ еще привѣтствовать появленіе первыхъ германскихъ колоній, тогда какъ въ самой Германіи едва ли знали, что съ ними дѣлать безъ флота, безъ людей и безъ денегъ для эксплуатаціи. Въ виду всего этого и приходится признать, что обладаніе колоніями и стремленіе къ расширенію колоніальныхъ владѣній, являясь однимъ изъ характернѣйшихъ признаковъ политики имперіализма, тѣмъ не менѣе не можетъ считаться единственнымъ и рѣшающимъ ея признакомъ. Есть много другихъ признаковъ, не менѣе значительныхъ, хотя и дѣйствующихъ, какъ штрихи на рисункѣ: взятые порознь они ничто, взятые вмѣстѣ—рисунокъ.

Трудно согласиться безъ оговорокъ и съ тѣмъ положеніемъ, согласно которому всякая воля

государства къ силѣ и могуществу непремѣнно подсказана геніемъ имперіализма. Почему бы въ такомъ случаѣ не усмотрѣть диктатора во всякомъ мелкомъ чиновникѣ, мечтающемъ объ очередномъ орденѣ, а всѣхъ солдатъ, офицеровъ и генераловъ не называть одинаково ваше высокопревосходительство? Если любое изъ государствъ, стремящееся къ могуществу, считать имперіалистическимъ, то не слишкомъ ли расширится и не станетъ ли совсѣмъ безформеннымъ самое понятіе имперіализма? Какое же государство не стремится стать сильнымъ? Теорія политики, не считающая нужнымъ обращать вниманіе на разницу отдѣльныхъ политическихъ условій, столь же мало способна удовлетворить, сколько и музыка, сплошь построенная на фортиссимо, или медицина, отличающая среди людей лишь здоровыхъ и мертвыхъ. Правда, могутъ возразить, что въ области политическихъ отношеній всѣ безчисленные нюансы, измѣненія и переходы настолько постепенны и незамѣтны, что совершенно невозможно указать, гдѣ кончается одно и начинается другое,—до какого момента государство остается неимперіалистическимъ и съ какого момента, наоборотъ, для него открывается эра имперіализма. Что дѣлать: приспособленіе отвлеченныхъ политическихъ и правовыхъ понятій къ фактамъ жизни вообще

дѣло нелегкое. Но лучше ошибиться въ примѣненіи понятія, чѣмъ въ самомъ опредѣленіи его. А въ крайнемъ случаѣ, лучше создать нѣсколько новыхъ промежуточныхъ понятій, чѣмъ рѣшительно все смѣшать воедино и, слѣдуя по пути Н. В. Устрялова, говорить объ имперіализмѣ сербскомъ и румынскомъ [1]).—Къ тому же вовсе не такъ несомнѣнно, что въ политикѣ все рѣшительно спутано и смѣшано и что никакой нити въ ней нельзя ухватить за конецъ. Вѣдь, тотъ же Н. В. Устряловъ, какъ мы имѣли возможность видѣть, не ограничивается преклоненіемъ передъ одной лишь политической, внѣшней мощью государства, но считается и съ «духовной культурой» и съ «авторитетомъ духовнаго порядка», которые проявляютъ себя въ немъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей статьи онъ проводитъ знакъ равенства между имперіализмомъ и великодержавіемъ, въ другихъ мѣстахъ великодержавіе тѣсно связываетъ съ наличностью у государства высокаго національнаго призванія. Заранѣе можно сказать, что далеко не всѣ державы, осознавшія необходимость быть сильными, сразу стали или могутъ стать дѣйствительно «великими», какъ не у всѣхъ у нихъ одинаковый уровень духовной культуры и не

[1]) Цит. ст., с. 4.

у всѣхъ одинаковое историческое назначеніе. Стало-быть, есть же признаки, по которымъ одну политику можно отличить отъ другой, одинъ типъ государства отъ другого. Пусть на Балканахъ шьются знамена для великой Сербіи, великой Греціи, Болгаріи и Румыніи,—ожидаемое величіе этихъ странъ врядъ ли обѣщаетъ сравняться съ грознымъ и загадочнымъ, отталкивающимъ и манящимъ величіемъ державъ, призванныхъ управлять судьбами всего міра. Въ странѣ, съ которой считаются не болѣе, чѣмъ со всякой другой, и которая набрала «величія» ровно настолько, чтобы лишь не унижаться каждую минуту,—въ такой странѣ имперіализмъ невозможенъ. «Терминъ имперіализмъ,—говоритъ С. А. Корфъ,—не приложимъ къ политикѣ маленькихъ государствъ; нельзя, напр., говорить объ имперіализмѣ Венеціи или Карѳагенскомъ, несмотря на то, что въ миніатюрѣ тамъ имѣлись аналогичные колонизаціонные и завоевательные процессы» [1]). Мы вполнѣ согласны съ С. А. Корфомъ. Имперіализмъ предполагаетъ государство большого стиля, политику міровую. Свои заповѣди, мечъ и вѣсы онъ при-

[1]) С. А. Корфъ: «Имперіализмъ». Ст. въ Новомъ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Эфрона, т. 19, с. 269.

носить лишь тѣмъ народамъ, у которыхъ накоплены уже обширныя средства и намѣчены грандіозныя цѣли. Имперіализмъ, это—государство въ апогеѣ и въ опьянѣніи своего индивидуально-государственнаго могущества; это—государство, которому посчастливилось стать однимъ изъ самыхъ сильныхъ и которое настойчиво стремится стать еще сильнѣе. Съ этой точки зрѣнія, вопреки А. Кулиджу [1]), придется даже не всѣ изъ пяти его «міровыхъ державъ»—Англія, Россія, Франція, С.-А. Соединенные Штаты, Германія—признавать за имперіалистическія, т. к. можно оставаться міровой державой, не сдѣлавшись имперіалистической или переставъ быть ею.

Сильное государство предполагаетъ милитаризмъ, а потому имперіалистическое государство одновременно и милитаристично. Но менѣе всего количествомъ солдатъ, пушекъ и снарядовъ можно исчислить силы государства, ставшаго міровымъ. Не будь у такого государства опредѣленной идеи, не таи оно въ себѣ той или иной нравственной цѣнности и цѣли, не зачѣмъ были бы ему всѣ пушки, оно просто не смогло бы ни накопить, ни съ успѣхомъ примѣнять

---

[1]) A. Coolidge: «Die Vereinigten Staaten als Weltmacht». Berl. 1908.—Einleitung.

ихъ. Можно сказать и такъ: мощь государства— столько же мощь физическая, сколько и мощь его духовной исторической культуры. Одна предполагаетъ другую и невозможна безъ другой. Только очень близорукій человѣкъ можетъ принимать за мощное всякое большое государство. Государство сильно не только размѣрами, но и самосознаніемъ. Если оно клубокъ силъ, то нужно, чтобы клубокъ былъ плотнымъ; плотность же дается ему въ напряженіи той правовой и нравственной идеи, которую государство рѣшило осуществить. Такимъ образомъ, государство цѣликомъ превращается въ носителя нравственнаго идеала, въ «выразителя самосознанія человѣка» [1]). Отсюда раціональное оправданіе и обоснованіе государства у Гегеля и Когена, отсюда же мистика государства въ духѣ приведенной нами цитаты изъ П. Б. Струве.

То, что относится ко всякому государству, въ тѣмъ большей степени должно относиться къ государству на вершинѣ возможной силы, т.-е. имперіалистическому. Здѣсь идея государства должна быть особенно широкой и привлекательной; и, дѣйствительно, имперіализмъ послѣднимъ пунктомъ своей длинной и чрезвычайно сложной программы ставитъ священныя слова: «вѣч-

[1]) С. А. Корфъ, цит. ст., с. 269.

ный мирь».—Слѣдовательно, высокая степень культуры и высокій культурный идеалъ также являются существенными условіями и признаками въ понятіи имперіализма и имперіалистическаго государства. Однако, и здѣсь нелишне проводить отчетливую линію различія между тѣмъ, къ чему стремится имперіализмъ и тѣмъ, что онъ осуществилъ уже и можетъ осуществить. Какъ въ экономической области онъ при современныхъ условіяхъ не можетъ разсчитывать на обезпеченіе отдѣльному государству господства надъ хозяйственными силами всего міра, такъ въ области культурной и политической нѣтъ основаній опасаться, чтобы одно какое-нибудь изъ государствъ, дѣйствительно, установило свою гегемонію рѣшительно надъ всѣми остальными. И тутъ, какъ и тамъ, предѣлъ полагается аналогичными стремленіями другихъ государствъ и возможностью для нихъ съ помощью соглашеній и союзовъ осаживать и ставить на подобающее мѣсто слишкомъ зарвавшагося собрата. «Имперіализмъ не примѣнимъ къ равнымъ по культурѣ народамъ», на это настойчиво указываетъ С. А. К о р ф ъ, какъ на одно изъ основныхъ условій системы, и съ нимъ и здѣсь нельзя не согласиться. Народъ или государство, вступившіе на путь имперіализма, должны быть значительно высшей культуры, чѣмъ подчи-

няемые и ассимилируемые имъ народы. Но говорить о томъ, чтобы какая-либо изъ передовыхъ современныхъ культуръ рѣзко возвышалась надъ всѣми остальными и заключала въ себѣ нѣчто совершенно самостоятельное по сравненію съ другими и недостижимое для нихъ, не приходится. Всѣ національныя культуры лишь части и выраженія общей міровой культуры. Въ конечномъ счетѣ идеалы и задачія у всѣхъ нихъ одни и тѣ же. Поэтому горделивое стремленіе охватить своимъ духовнымъ «я» весь міръ оказывается въ неизмѣримо большей степени выраженіемъ національно-государственнаго здоровья народа, чѣмъ задачей, которая можетъ быть имъ исполнена. Имперіализмъ— одна изъ среднихъ главъ въ исторіи отдѣльнаго народа, но ни въ какомъ случаѣ не заключительная глава всеобщей исторіи.

Позволительно надѣяться, что всеобщая исторія дойдетъ когда-нибудь до созданія единаго мірового государства, но имъ навѣрное не будетъ ни одно изъ національныхъ государствъ. Между тѣмъ всякая имперіалистическая система въ основѣ своей непремѣнно національна. Именно національное самосознаніе вспѣнивается въ ней, какъ громадная политическая сила, и ставитъ себѣ громадныя политическія, экономическія и культурныя задачія.

Имперіализмъ съ этой точки зрѣнія представляетъ собой націонализмъ, доведенный до крайняго своего выраженія, до послѣднихъ своихъ выводовъ. Напротивъ, имперіализмъ, свободный отъ яркой національной идеологіи,—такая же историческая несообразность, какою былъ бы народъ-завоеватель, не знающій, что такое оружіе. И пока національная идея не изжита крупнѣйшими изъ странъ,—а на это еще рѣшительно ничто не указываетъ,—нѣтъ силъ побѣдить въ нихъ имперіалистическіе замыслы. Но зато въ національной же идеѣ послѣдніе и находятъ тотъ свой предѣлъ, о которомъ говорилось выше: націонализмъ всѣхъ не позволитъ восторжествовать въ формѣ всемірной имперіи націонализму кого-нибудь одного.

Перечисленными опредѣленіями—экономическимъ, политическимъ, культурнымъ и національнымъ—исчерпываются главные признаки, характеризующіе имперіализмъ, какъ систему международной политики, какъ одно изъ своеобразнѣйшихъ отраженій новѣйшаго интернаціонализма. Въ идеалѣ онъ стремится на основѣ той или иной національной идеи дать полное экономическое, политическое и культурное господство надъ всѣмъ міромъ какому-нибудь одному государству за счетъ всѣхъ остальныхъ. Фактически—это государства, обладающія наи-

большей по сравненію съ другими экономической мощью, играющія главныя роли на аренѣ международнаго политическаго соревнованія—первыя по культурному развитію,—государства съ обостреннымъ національнымъ самосознаніемъ. А такъ какъ политическіе идеалы очень часто грѣшатъ тѣмъ, что самые противоположные изъ нихъ неожиданно оказываются похожими другъ на друга, какъ двѣ капли воды, то судить объ имперіализмѣ слѣдуетъ, повидимому, не по нимъ, а на основаніи его фактическихъ самообнаруженій. Къ тому же, какъ сказано, идеаламъ его и не суждено осуществиться когда-либо. Если эра всемірной имперіи наступитъ, то не въ качествѣ «имперіалистической».

Слѣдовательно, самымъ краткимъ образомъ имперіалистическое государство можно опредѣлить, какъ такое индивидуальное государство, которое достигаетъ или уже достигло предѣловъ возможной для отдѣльнаго государства силы, осуществляетъ или осуществило уже наиболѣе широкія изъ доступныхъ отдѣльному государству задачъ. Еще короче: *имперіализмъ есть высшее раскрытіе индивидуально-государственныхъ возможностей въ международномъ оборотѣ.*

Въ соціалистическихъ кругахъ, столь вліятельныхъ въ настоящее время въ Россіи, имперіализмъ привыкли разсматривать, какъ причину и вмѣстилище всѣхъ самыхъ страшныхъ политическихъ и соціальныхъ золъ[1]). Борьба съ имперіализмомъ не на животъ, а на смерть представляетъ собой священную обязанность для каждаго правовѣрнаго соціалиста. «Имперіалистъ»—самая презрѣнная разновидность человѣческаго рода, которую соціалистъ можетъ только себѣ представить. Все это потому, главнымъ образомъ, что имперіализмъ выгоденъ господствующимъ классамъ, а то что имъ выгодно, предлагается считать рѣзкимъ отрицаніемъ всѣхъ самыхъ законныхъ интересовъ и притязаній всемірнаго пролетаріата. Имперіализмъ съ этой точки зрѣнія — одно изъ самыхъ страшныхъ орудій порабощенія современными господствующими классами класса рабочаго.

Отъ тѣхъ, кто рѣшительно во всемъ хочетъ обнаруживать дѣйствіе одной единственной, экономической, причины и кто всю исторію сложныхъ человѣческихъ отношеній сводитъ лишь къ борьбѣ классовъ изъ-за хозяйственныхъ интересовъ, иного отношенія къ интересующему насъ политическому явленію и нельзя было бы, пожалуй, ожидать. Но не такъ должны подходить къ

[1]) Ср. выше стр. 83.

вопросу люди, привыкшіе къ болѣе широкимъ и свѣтлымъ теоретическимъ перспективамъ. Они не могутъ не сознавать, что закономъ голой борьбы классовъ не исчерпывается перечень законовъ соціальной жизни, что на ряду съ силой матеріальныхъ интересовъ, — вызывающей, кстати сказать, не одну только «классовую» борьбу,—дѣйствуютъ и другія силы. Въ числѣ ихъ находятся силы нравственнаго и правового порядка, вносящія примиреніе, умиротвореніе и справедливость всюду, гдѣ рознь интересовъ взбудораживаетъ страсти и призываетъ людей ко взаимному уничтоженію. Стоящіе исключительно на классовой точкѣ зрѣнія, хотя и дѣйствуютъ во имя права, но едва ли понимаютъ дѣйствительное значеніе права. А не оцѣнивая надлежащимъ образомъ значенія права, они не умѣютъ понять смысла и назначенія государства. Для нихъ государство—своего рода банка съ пауками-классами, изъ которыхъ каждый паукъ стремится пожрать всѣхъ остальныхъ; право для нихъ—все то, что получается въ итогѣ подобнаго рода взаимопожиранія, или всѣ тѣ пріемы, съ помощью которыхъ сильные пауки обезпечиваютъ себѣ побѣду надъ слабыми. Почему пауки въ концѣ концовъ совсѣмъ не пережрутъ другъ друга и банка не опустѣетъ разъ и навсегда,

это и до сихъ поръ еще не выяснено представителями классовой теоріи.

Въ дѣйствительности, взаимоотношеніе между государствомъ и соціальными классами иное. Государство всегда оказывается до извѣстной степени внѣ классовой борьбы. Удовлетворяя интересы однихъ классовъ больше, другихъ—меньше, оно ведетъ и свою самостоятельную линію, подсказываемую ему его призваніемъ объединителя враждующихъ классовъ и группъ. И чѣмъ совершеннѣе внутренняя организація современнаго государства, чѣмъ д е м о к р а т и ч н ѣ е оно, тѣмъ въ большей степени въ немъ учтены, отражены и примирены интересы в с ѣ х ъ имѣющихся въ немъ классовъ. Слѣдовательно, если политика имперіализма настойчиво проводится не только въ Японіи, въ которой низшіе слои населенія все еще политически неразвиты, но и въ Германіи съ ея высококультурнымъ и превосходно организованнымъ рабочимъ классомъ, и въ Соединенныхъ Штатахъ,—одной изъ самыхъ передовыхъ демократій современнаго міра,—то это можетъ означать лишь п р і е м л е м о с т ь ея даже и для широкихъ трудовыхъ массъ. Поэтому-то, когда въ опредѣленныхъ кругахъ съ такой настойчивостью доказывается, что «захватная» имперіалистическая политика все даетъ однимъ капиталистамъ и ничего

не даетъ рабочимъ элементамъ страны, то это или странное ослѣпленіе или сознательная неправда, созданная въ опредѣленныхъ партійныхъ или политическихъ цѣляхъ.

Какъ соціальному классу, имперіализмъ выгоденъ пролетаріату уже потому, что способствуетъ могучему росту промышленности. Развитіе промышленности, со своей стороны, вызываетъ усиленный спросъ на рабочія руки и заставляетъ тысячи рабочихъ сосредоточиваться на грандіозныхъ фабрикахъ и заводахъ. А сосредоточеніе подобнаго рода составляетъ одно изъ главнѣйшихъ условій для того, чтобы пролетаріатъ сорганизовался какъ классъ, свои требованія научился противупоставлять требованіямъ своего «врага», буржуазіи, поддерживая ихъ въ случаѣ надобности силой. Далѣе, условія современнаго крупнаго производства, столь тѣсно связаннаго съ политикой имперіализма, настойчиво требуютъ, чтобы пролетаріатъ, занятый на фабрикахъ и заводахъ, обнаруживалъ качества хорошихъ работниковъ: рабочій долженъ быть здоровъ, силенъ, сообразителенъ. При слишкомъ низкой оплатѣ труда получить такого рабочаго нельзя и цѣна за трудъ сама собой поднимается въ цѣляхъ повышенія его качества. Тѣмъ самымъ условія матеріальнаго положенія рабочихъ улучшаются, параллельно съ улучшеніемъ

матеріальнаго положенія происходитъ повышеніе культурнаго уровня въ рабочей средѣ, а какъ слѣдствіе того и другого обнаруживается все большее и большее усиленіе вліянія пролетаріата на общій ходъ государственной жизни. Будущее государства въ весьма значительной степени начинаетъ зависѣть отъ низшихъ классовъ, какъ отъ экономической и чисто политической силы. Если они на сторонѣ государства, послѣднее можетъ быть спокойнымъ за свою судьбу; если они противъ него,—благополучіе страны каждую минуту можетъ быть поставлено подъ сомнѣніе. И государству приходится съ особеннымъ вниманіемъ относиться къ положенію въ немъ рабочаго класса и обезпечивать его интересы, насколько это допускаютъ условія времени. Отсюда чрезвычайно либеральное рабочее законодательство даже въ полуабсолютистскихъ Германіи и Японіи, не говоря уже о демократическихъ Соединенныхъ Штатахъ. Отсюда же заигрываніе Вильгельма II съ соціалъ-демократами и тѣ льстивые комплименты, которые онъ расточалъ имъ во время текущей войны. Отсюда, наконецъ, та активная поддержка, которую правительство Соединенныхъ Штатовъ неоднократно оказывало рабочимъ въ ихъ борьбѣ съ всесильными въ Америкѣ капиталистическими трестами и картелями, а также въ ихъ весьма харак-

терной борьбѣ противъ допущенія въ страну японскихъ рабочихъ.

Еще далѣе: если пролетаріатъ въ современныхъ имперіалистическихъ странахъ остро чувствуетъ на себѣ гнетущее воздѣйствіе т. наз. «желѣзнаго закона заработной платы», въ силу котораго заработки рабочихъ не могутъ надолго подняться достаточно высоко, то все же заработки эти и не понижаются здѣсь дальше опредѣленнаго уровня. Между тѣмъ, при отсутствіи крупной промышленности и поддержки ея политикой имперіализма условія жизни низшихъ классовъ въ странѣ неминуемо должны были бы ухудшаться съ каждымъ годомъ. Такимъ образомъ, имперіализмъ и съ этой стороны обнаруживаетъ нѣкоторыя положительныя качества въ смыслѣ удовлетворенія интересовъ низшихъ классовъ.

Нельзя упускать ивъ виду также и того обстоятельства, что безъ усиленнаго распространенія своихъ товаровъ на заграничныхъ рынкахъ и въ колоніяхъ промышленники имперіалистическихъ странъ не въ состояніи были бы давать рабочимъ той относительно высокой заработной платы, которую принуждены давать. Каждый новый шагъ современнаго пролетаріата на пути къ улучшенію своего матеріальнаго положенія съ этой точки зрѣнія неизбѣжно

представляетъ собой скрытый или явный импульсъ къ дальнѣйшему развитію имперіализма. А вмѣстѣ съ тѣмъ становится очевиднымъ не только то, что извѣстная доля «вины» за имперіализмъ лежитъ на самомъ рабочемъ классѣ, но и то, что интересы послѣдняго въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ идутъ рука объ руку съ интересами имперіалистовъ. — Наконецъ, послѣднее замѣчаніе: въ передовыхъ промышленныхъ странахъ (въ имперіалистическихъ—тѣмъ болѣе) государство обычно получаетъ возможность вводить такія системы налоговаго обложенія, при которыхъ наиболѣе состоятельные классы несутъ несравненно болѣе высокое налоговое бремя, чѣмъ несли прежде. Благодаря этому въ государственной казнѣ сосредоточиваются обширныя денежныя средства, позволяющія въ широкой мѣрѣ производить улучшенія общихъ условій жизни въ государствѣ. Украшаются города, проводятся новыя дороги, строятся грандіозные музеи, университеты, библіотеки, лѣчебницы, разнаго рода благотворительныя заведенія. Каждому изъ жителей многое необходимое или пріятное дѣлается доступнымъ безплатно или почти безплатно. Однако, не вытекаетъ ли отсюда, что система имперіализма обнаруживаетъ для низшихъ слоевъ населенія еще новыя положительныя стороны, которыхъ не въ состояніи

были бы обнаружить другія хозяйственно-политическія системы?

Пріемлемый и выгодный въ извѣстной степени для пролетаріата, имперіализмъ еще значительно выгоднѣе, разумѣется, для такъ называемыхъ «господствующихъ» классовъ. Однако, кому бы и какъ бы ни оказался онъ выгоденъ, его нельзя было бы оправдать и съ нимъ нельзя было бы мириться, если бъ онъ совершенно не отражалъ въ себѣ началъ и требованій справедливости. — Разумѣется, оправдать какую-нибудь политическую систему вовсе не означаетъ показать ея «абсолютную» нравственную цѣнность. Никакая политическая система не можетъ быть вполнѣ безупречной съ нравственной точки зрѣнія, не переставъ быть политической. Достаточно, если съ очевидностью обнаруживается ея историческая необходимость и если доза справедливости, заключающаяся въ ней, представляется наиболѣе крупной изъ всѣхъ возможныхъ въ данной конкретной обстановкѣ. Спрашивается, можетъ ли имперіализмъ найти оправданіе при этихъ послѣднихъ условіяхъ? Отвѣтъ: несомнѣнно. Онъ справедливъ, потому что служитъ государству, а государство,—говоря словами Гегеля,—«путь Божій

въ мірѣ», [1]) или — «цѣль историческаго развитія» и «высшее выраженіе этическаго самосознанія», если послушать Г. Когена [2]). Онъ справедливъ также и потому, что конечная задача его заключается въ водвореніи вѣчнаго мира на землѣ, а эта задача несомнѣнно представляется наиболѣе возвышенною изъ всѣхъ, которыя способна ставить себѣ реальная политика. Вмѣстѣ съ тѣмъ имперіализмъ исторически совершенно неизбѣженъ: въ условіяхъ современной международной жизни,—въ виду тѣхъ грандіозныхъ задачъ, которыя стоятъ предъ современными государствами, и тѣхъ колоссальныхъ духовныхъ и матеріальныхъ средствъ, которыми они призваны располагать,—наиболѣе сильныя среди государствъ не могутъ не быть имперіалистическими.

И дѣйствительно: прошло то время, когда можно было восхищаться вмѣстѣ съ Р у с с о или

---

[1]) H e g e l, F. «Rechtsphilosophie» (Leipz. 1911)—«Es ist der Gang Gottes in der Welt, dass der Staat ist»,—s. 349, Zusatz zu § 258. Ср. с 195.

[2]) H. C o h e n: «Ethik des reinen Willens», 1904: «Der Staat bildet nicht nur das Musterbeispiel für das Selbstbewusstsein der moralischen Person, sondern zugleich den Leitbegriff und den Zielbegriff des ethischen Selbstbewusstseins»,—s. 246.—Ср. с. 242: «Nur der Staat stellt das Selbstbewusstsein des Menschen dar».

Токвилемъ прелестью маленькихъ государствъ. Нѣкоторые современные пацифисты пробуютъ все же дѣлать это, но ихъ восторги и незаразительны и неубѣдительны [1]). Современные народы способны достичь еще многаго, но для этого имъ нужно быть богатыми; богатыми духомъ, людьми, деньгами, землей, нѣдрами земли. А это, въ свою очередь, значитъ, что имъ нужно объединяться въ большія и сильныя государства.

Какъ извѣстно, въ первые мѣсяцы революціи въ Россіи вдругъ начали образовываться всевозможныя Кирсановскія, Святогорскія и Харьковскія республики. Допустимъ, что имъ удалось бы надолго отстоять свою «самостоятельность», и попытаемся представить ихъ себѣ въ качествѣ настоящихъ государствъ. Оказались ли бы онѣ въ состояніи построить собственныя желѣзныя дороги, обзавестись собственными университетами съ собственными же кирсановскимии святогорскими профессорами медицины, юриспруденціи, филологіи и естествознанія? А если бы столицы этихъ республикъ, хотя бы когда-нибудь, сравнялись съ Парижемъ, Берлиномъ или Лондономъ по

---

[1]) Съ этой точки зрѣнія чрезвычайно характерны разсужденія Е. П. Семенова въ брошюрѣ «Женщина и культура будущаго». М. 1911 г., сс. 32—35.

богатству и великолѣпію, то не было ли бы это чудомъ, какого не знали еще ни исторія, ни самая пылкая фантазія поэтовъ и мечтателей? Только въ обширномъ, сильномъ и богатомъ государствѣ можетъ развиться и процвѣтать высокая культура, а вѣдь стремленіе государства стать обширнѣе, сильнѣе, богаче и находитъ свое наиболѣе яркое выраженіе въ политикѣ имперіализма.

Вполнѣ естественно, если могучее государство, создавъ себѣ отличное матеріальное благосостояніе, пользуясь хорошимъ политическимъ строемъ и уже привыкнувъ стоять во главѣ культурныхъ устремленій всего человѣчества, не желаетъ ухудшать своего относительнаго международнаго положенія, но принимаетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы другія государства не становились угрозой для него. Съ этой цѣлью оно разстраиваетъ всѣ тѣ политическія комбинаціи сосѣднихъ народовъ, которыя направлены къ его прямому вреду, а въ случаѣ явнаго усиленія опаснѣйшихъ изъ своихъ соперниковъ спѣшитъ и само усилиться въ соотвѣтствующей обстоятельствамъ мѣрѣ. Копятся и тратятся новыя грандіозныя средства, разжигается еще и еще національная гордость, захватываются новыя колонія и «сферы вліянія»,—словомъ, въ цѣляхъ поддержанія прежняго равно-

вѣсія дѣлается все, что столь характерно именно для имперіализма.

Но когда сильное самознаніемъ, людьми и матеріальными средствами государство начинаетъ наслаждаться всѣми благами жизни, доступными народамъ, удивительно ли, что и нѣкоторые другіе народы начинаютъ подражать ему и стремятся очутиться въ его положеніи. Вѣдь передъ каждымъ изъ нихъ судьбой поставлена роковая альтернатива: или самому стать имперіалистическимъ государствомъ, или попасть въ подчиненіе какому-нибудь другому имперіалистическому государству. Народы безъ національнаго и государственнаго будущаго могутъ еще примириться со вторымъ изъ этихъ рѣшеній. Но народы, въ которыхъ кипятъ и бродятъ живыя силы, на немъ не помирятся: путь борьбы они предпочтутъ медленному и безцвѣтному угасанію въ никому ненужной добродѣтели безсилія. Такимъ образомъ, имперіализмъ призванъ служить иногда непосредственнымъ выраженіемъ тѣхъ импульсовъ, съ помощью которыхъ государство отвоевываетъ себѣ среди сосѣдей мѣсто, достойное его силъ, способностей и любви къ культурѣ.

Въ ближайшей главѣ намъ предстоитъ ознакомиться съ федерализмомъ, какъ системой, представляющей собою прямое и рѣз-

кое отрицаніе политики имперіализма. Тогда-то мы получимъ возможность окончательно установить правильный взглядъ на существо имперіализма, такъ какъ для насъ вскроются и еще нѣкоторыя характерныя его черта. Тогда же опредѣлятся съ достаточной точностью тѣ предѣлы, въ которыхъ позволительно оправдывать имперіализмъ безъ риска оказаться «имперіалистомъ» въ самомъ вульгарномъ и обидномъ смыслѣ этого прозвища.

Но предварительно мы считаемъ необходимымъ подробно ознакомиться съ тремя типично-имперіалистическими современными странами—Германіей, Японіей и Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами, — дабы все, только что сказанное объ имперіализмѣ, нашло себѣ подтвержденіе въ отраженіи живой исторической дѣйствительности.

II.

Германскій имперіализмъ.

«Оглянемся вокругъ»,—говорилъ императоръ Вильгельмъ II въ 1899 г. въ Гамбургѣ,—«какъ измѣнилась вселенная за нѣсколько лѣтъ. Старыя имперіи исчезли, новыя народились. Націи, которыя вчера еще были неизвѣстны, вошли въ число великихъ странъ и съ ними приходится

серьезно считаться» [1]). Если бы слушатели краснорѣчиваго императора, дѣйствительно, оглянулись при этихъ его словахъ, они не безъ удовольствія согласились бы съ нимъ. Вокругъ были германцы. Не прошло и тридцати лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ они объединились подъ черно-бѣло-краснымъ флагомъ имперіи, а сколько уже успѣло дать имъ это объединеніе. Они не только заставили «серьезно считаться» съ собой всю Европу, но захватили въ свои руки главнѣйшія нити европейской международной политики. Германія не просто «вошла» въ число великихъ странъ, — но стала одной изъ самыхъ великихъ среди нихъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше силъ накопляла она, тѣмъ все болѣе грандіозныя задачи ставила передъ собою и осуществляла.

Воистину поразительна исторія ея экономическаго развитія за четыре послѣднія десятилѣтія передъ войной,—въ частности исторія ея промышленнаго роста.

Пусть о ней разскажутъ цифры.

Въ 1871 г. сельскіе жители составляли въ Германіи двѣ трети всего населенія, къ 1907 г. ихъ всего лишь 28,6%. Городское населеніе съ

---

[1]) См. Жюль Арренъ: «Вильгельмъ II, что онъ говоритъ, что онъ думаетъ». Пер. съ фр М. 1914 г.

36% въ началѣ 70-хъ гг. прошлаго вѣка къ 1910 г. возросло до 60%. Параллельно шло и увеличеніе числа большихъ германскихъ городовъ: въ 1871 г. ихъ восемь, въ 1910 г.—сорокъ восемь. Всѣ эти перемѣны явились результатомъ быстраго развитія въ Германіи промышленности, торговли и транспорта. Цифры и здѣсь чрезвычайно показательны: за время съ 1882 по 1907 гг. количество рабочихъ, занятыхъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ и въ горномъ дѣлѣ, съ 4,1 милліоновъ возросло до 8,6 милл., т.-е. болѣе, чѣмъ на 100%; количество работающихъ въ торговыхъ и транспортныхъ предпріятіяхъ за это же время съ 0,7 милл. возросло до 2 милл., т.-е. почти на 300%.

По количеству добываемаго каменнаго угля Германія занимала въ послѣднее время первое мѣсто послѣ Соединенныхъ Штатовъ и Англіи; однако, по р о с т у угольной промышленности она значительно обогнала Англію: за періодъ 1890—1911 гг. послѣдняя увеличила свою добычу угля на 49%, тогда какъ Германія—на 162%. За тотъ же періодъ времени производство чугуна въ Германіи увеличилось болѣе, чѣмъ въ три раза; здѣсь уже она обогнала даже и Соединенные Штаты, которые показали увеличеніе немного меньше, чѣмъ въ три раза. Если же сличать относящіяся сюда абсолютныя коли-

чества, то оказывается, что Германія одна вырабатываетъ чугуна больше, чѣмъ Англія и Франція, взятыя вмѣстѣ.

Не менѣе поразительны успѣхи Германіи и въ области производства желѣза и стали: теперь она производитъ ихъ вдвое больше, чѣмъ Англія, еще не такъ давно стоявшая здѣсь на первомъ мѣстѣ, и уступаетъ пальму первенства однимъ только Соединеннымъ Штатамъ.

Съ полнымъ основаніемъ Германія гордится своей электротехнической и химической промышленностью. Если бы нужно было и здѣсь приводить цифровыя данныя, то и здѣсь онѣ оказались бы въ высшей степени краснорѣчивыми.

Что касается германской внѣшней торговли, то ея обороты за 30 лѣтъ—1880—1910 гг.—съ 5,82 милліардовъ марокъ увеличились до 16,95 милліардовъ, а къ началу войны достигли 22 милліардовъ марокъ. По своимъ размѣрамъ эти обороты уступали лишь англійскимъ (соотношеніе, какъ 21 къ 27) и значительно превосходили обороты всѣхъ остальныхъ странъ. При этомъ ввозъ въ Германію иностранныхъ товаровъ на 1,5 милліарда марокъ превышаетъ вывозъ, что объясняется громадной потребностью Германіи въ съѣстныхъ припасахъ и въ сырьѣ для промышленныхъ цѣлей.

Пассивный торговый балансъ съ необходимостью выдвигалъ задачу развитія активнаго платежнаго баланса: отсюда стремленія Германіи, направленныя къ развитію торговаго флота, и усиленный вывозъ ею капиталовъ за границу. Уже къ 1908 г. германскій торговый флотъ занялъ по величинѣ первое мѣсто послѣ англійскаго и сталъ приносить ежегодный доходъ въ 350 милл. м. Размѣры капитала, помѣщеннаго германцами въ цѣнныхъ бумагахъ, достигаютъ колоссальной суммы въ 60 милліардовъ марокъ. Эти 60 милліардовъ предполагаютъ крупное національное богатство страны и, дѣйствительно, Германія—одно изъ самыхъ богатыхъ государствъ: общее національное достояніе ея достигаетъ приблизительно 425 милліардовъ франковъ, противъ 380 мрд., составляющихъ національное достояніе Великобританіи, и 256 мрд., имѣющихся у Франціи [1]). Съ каждымъ годомъ національное германское достояніе увеличивается на сумму отъ 6 до 12 мрд.

Всѣ наиболѣе значительныя отрасли германской промышленности въ настоящее время объединены въ могучіе тресты, синдикаты и

---

[1]) Ср. Colajani: «L'aumento della richezza italiana», Nuova Antologia, 1917 — 16. IV, p. 392.—Здѣсь приведенныя цифры выражены въ лирахъ.

картели, число которыхъ быстро растетъ. Еще въ 1906 г. ихъ было 385, теперь же ихъ насчитываютъ до 5000 съ общимъ количествомъ сосредоточенныхъ въ нихъ предпріятій не менѣе, чѣмъ въ 15.000.—«Эти могучія капиталистическія монополіи,—говоритъ Загорскій,—оказываютъ огромное вліяніе на всю народнохозяйственную жизнь страны. Подчинивъ себѣ не только производство, но и торговлю и транспортъ, онѣ господствуютъ на внутреннемъ рынкѣ, благодаря тому высокому безудержному протекціонизму, который составляетъ характерную черту германской торговой политики» [2]). Въ тѣснѣйшей связи съ подобнаго рода капиталистическими монополіями работаютъ въ Германіи огромныя банковыя учрежденія, концентрирующія въ себѣ могучіе денежные капиталы. Переставъ ограничиваться однимъ простымъ финансированіемъ промышленныхъ предпріятій, германскіе банки начинаютъ активно вмѣшиваться въ ихъ жизнь и превращаются въ главныхъ дѣятелей картеллированія и трестированія промышленности. Такъ, въ послѣдніе годы въ наблюдательныхъ совѣтахъ различныхъ германскихъ акціонерныхъ обществъ представители только шести крупнѣйшихъ банковъ распо-

[1]) С. О. Загорскій, op cit, p. 24.

лагали 751 мѣстомъ. Среди нихъ «Германскій Банкъ» располагалъ 220 мѣстами. Отдѣльные банковскіе дѣятели занимаютъ должности членовъ правленія и директоровъ въ десяткахъ акціонерныхъ обществъ. Вліяніе банковъ становится тѣмъ большимъ, что и сами они не дѣйствуютъ порознь, а объединяются въ могучіе консерны. Въ 1910 г., напримѣръ, шесть крупнѣйшихъ банковыхъ предпріятій объединяли вокругъ себя 450 болѣе мелкихъ. Это дало имъ капиталъ въ 2,5 милліарда марокъ изъ 2,8 милліардовъ, составлявшихъ тогда общій акціонерный капиталъ всѣхъ акціонерныхъ германскихъ банковъ. Дѣломъ рукъ крупныхъ банковъ было созданіе стального синдиката въ Германіи, усиленіе рейнско-вестфальскаго угольнаго синдиката, объединеніе электротехнической промышленности.

Вмѣстѣ съ развитіемъ крупной промышленности, объединеніемъ ея въ картели и тресты и отложеніемъ въ банкахъ крупнаго финансоваго капитала, жаждущаго новаго примѣненія, для Германіи открылась острая нужда во внѣшнихъ рынкахъ. И вотъ Германія становится на путь колоніальной политики.

Одинъ изъ отвѣтственныхъ руководителей колоніальнаго дѣла въ ней,—министръ колоній Б. Дернбургъ,—такъ обосновывалъ необ-

ходимость колоній для своей страны: 1. Онѣ нужны въ виду все возрастающей численности населенія Германіи [1]). Часть коренныхъ нѣмцевъ принуждены выселяться и здѣсь имъ обезпечивается приложеніе труда. Кромѣ того, заморскія области служатъ источникомъ дешевыхъ и разнообразныхъ пищевыхъ продуктовъ для населенія Германіи, позволяющимъ странѣ сбросить съ себя зависимость въ этомъ отношеніи отъ иностранныхъ рынковъ.—2. Хорошо управляемыя колоніи обезпечиваютъ германскому производству значительную часть сырья, необходимаго для потребностей самой Германіи и для обработки милліонами германскихъ рабочихъ на нужды иностраннаго потребителя.—3. Колоніи позволяютъ германскимъ фабрикантамъ и рабочимъ регулировать цѣны на сырье и противодѣйствовать другимъ странамъ монополизировать установку этихъ цѣнъ съ помощью таможенныхъ пошлинъ или какихъ-либо иныхъ средствъ. А это, въ свою очередь, чрезвычайно важно съ точки зрѣнія цѣны на рабочій трудъ.—4. Наличность колоній укрѣпляетъ положеніе національныхъ финансовъ, поскольку избавляетъ страну отъ необходимости направлять за границу

---

[1]) Ежегодный приростъ населенія въ Германіи: 800—900 тыс человѣкъ.

въ уплату за сырье избытокъ своего производства и своихъ капиталовъ, сохраняя этотъ излишекъ для нуждъ внутренней экономической жизни. Одновременно она гарантируетъ и устойчивость германскаго денежнаго курса, смягчаетъ опасность утечки золота за границу, уменьшаетъ колебанія въ цѣнахъ на серебро.— 5. Наконецъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда съ другими народами приходится заключать договоры или соглашенія экономическаго характера, колоніи представляютъ могучее стратегическое и тактическое средство для достиженія нужныхъ выгодъ [1]).

Свои колоніальныя владѣнія Германія составила въ три періода. Въ 80-хъ годахъ она укрѣпилась въ Африкѣ, въ концѣ 90-хъ годовъ—въ Китаѣ (путемъ пріобрѣтенія въ аренду Кіао-Чао) и на островахъ Тихаго Океана, въ 1911 г. выговорила себѣ у Франціи 275.000 кв. км. французскаго Конго. Всѣ вмѣстѣ ихъ можно представить въ слѣдующей таблицѣ [2]):

---

[1]) B. Dernburg: «Zielpunkte des deutschen Kolonialwesens». Приведено у Andler, Ch.—«Le Pangermanisme colonial sous Guillaume II»: 1916, Paris, pp. 36—37.

[2]) Ср. Майскій, В: «Германія и война», 1916 г., с. 73.

	Площадь кв. км.	Населеніе въ тыс.
Восточная Африка	995.000	10.000
Камерунъ	750.600	3.779
Того	87.200	1.000
Юго-Западная Африка . . .	835.100	82
Новая Гвинея (земля имп. Вильгельма и архип. Бисмарка).	240.000	530
Острова Тихаго Океана. (Каролинскіе Маріанскіе, Маршалльскіе)	2.476	55
Самоа	2.572	37
Кіао-Чао	552	169
	2.913.500	15.652

По сравненію съ площадью метрополіи, занимающей въ Европѣ всего-на-всего 549.103 кв. км., колоніальныя владѣнія Германіи, пріобрѣтенныя въ столь короткій срокъ, могутъ считаться весьма обширными. Но они ничто по сравненію съ англійскими владѣніями,—съ бельгійскими, превышающими метрополію въ 80 разъ, или съ голландскими, превышающими Голландію въ 60 разъ. Кромѣ того они очень слабо заселены: какъ видно изъ приведенной таблицы, населеніе ихъ не достигаетъ и 16 милліоновъ, тогда какъ въ англійскихъ колоніяхъ, напр.,

на пространствѣ въ 30,5 милл. кв. км. живетъ приблизительно 350 милліоновъ туземцевъ.—И потому германцы неудовлетворены и считаютъ, что въ колоніальномъ вопросѣ имъ предстоитъ еще очень много долгой и трудной работы.

Не могутъ они быть удовлетворены своими колоніями еще и съ другой точки зрѣнія: дѣло въ томъ, что экономическая эксплуатація послѣднихъ все еще не обнаруживаетъ сколько-нибудь утѣшительныхъ результатовъ. Ввозъ хлопка изъ нихъ въ Германію даетъ лишь $^1/_{350}$ часть общаго потребнаго странѣ количества, ввозъ кофе—лишь $^1/_{293}$ часть, ввозъ какао—3%, ввозъ финиковъ—2%, резины—11%. Весь ввозъ изъ колоній въ Германію въ его цѣломъ выражался въ 1911 г. въ суммѣ 43 милл. марокъ, иначе говоря составлялъ лишь ничтожные 0,4% всего германскаго ввоза. Что же касается вывоза изъ метрополіи въ колоніи, то и онъ совершенно ничтоженъ, представляя собой 0,6% его общей суммы (въ томъ же 1911 г.) и давая лишь 50,2 мил. марокъ.

Мало утѣшенія сулило колоніальной Германіи и ближайшее будущее. Надежды вытѣснить Францію на сѣверо-африканскихъ рынкахъ не увѣнчались успѣхомъ и преобладающее вліяніе здѣсь попрежнему остается у Франціи. Еще печальнѣе оказалось положеніе Германіи въ

Китаѣ: сколько милліоновъ было затрачено на оборудованіе порта въ Кіао-Чао и на постройку Шань-Дунской желѣзной дороги, сколько затрачено силъ на обезпеченіе прочнаго политическаго и экономическаго вліянія въ Небесной республикѣ! И все кончилось ничѣмъ. Господство въ ней пріобрѣли японцы и американцы, а на долю германскихъ торговцевъ пришлись лишь жалкія крохи. Вотъ нѣкоторыя данныя, касающіяся Кіао-Чао: въ 1910 г. въ его гавань было ввезено товаровъ на 69,4 милл. марокъ, а вывезено изъ нея на 60,6 милл. мк.; при этомъ размѣры германскаго ввоза ограничивались лишь 5.623.000 мк., а размѣры вывоза совсѣмъ уже скромной цифрой въ 150.000 мк. Все остальное приходилось на долю конкурентовъ.

Германія не отказалась обратить свое вниманіе и на Америку. Бразилія, Чили, Аргентина, Мексика—все это были страны, въ которыя она охотно вкладывала свои капиталы и въ которыя усиленно направляла своихъ торговцевъ. На успѣхи, достигнутые здѣсь, ей жаловаться не приходится; за двадцать лѣтъ съ 1892 по 1911 гг. она увеличила свой ввозъ въ Аргентину на 349%, въ Бразилію—на 55%, въ Чили—на 327, въ Мексику—почти въ семь разъ. Но ей нельзя не жаловаться на другое: за тотъ же періодъ времени Соединенные Штаты Сѣверной Америки развили

въ названныхъ странахъ еще болѣе значительные успѣхи и, чѣмъ дальше, тѣмъ все рѣшительнѣе и быстрѣе захватываютъ въ нихъ торговое господство. Поэтому-то, въ конечномъ итогѣ, и здѣсь достигнутые результаты не оправдали германскихъ ожиданій.

Выгоды колоній оказались журавлями въ небѣ, всѣ же наиболѣе жирныя синицы давались въ руки германцамъ у себя дома, въ Европѣ. Удивительно ли, что честолюбивыя мечты превратиться въ обширную колоніальную державу никогда не завладѣвали умами германскихъ политиковъ настолько, чтобы заставить ихъ совершенно упустить изъ виду свои европейскія дѣла? Необходимо было закрѣпить свое положеніе въ сердцѣ стараго міра, тѣмъ болѣе, что и здѣсь начали обнаруживаться опасные симптомы. Всѣ старыя традиціи прусско-германской политики связывали благо Германіи съ работой надъ ея внутреннимъ сплоченіемъ и самоукрѣпленіемъ. Издавна намѣчались уже опредѣленныя экономическія и политическія программы, которыя сулили привести страну къ самому пышному экономическому процвѣтанію.

Еще со времени Ф. Листа, автора знаменитой «Національной системы политической экономіи», возникла мысль о таможенномъ объединеніи центральной Европы. Въ 1850 г. на эту

мысль обратилъ серьезное вниманіе австрійскій министръ финансовъ Брукъ, а позже, въ 1866 г., ею заинтересовался на нѣкоторое время и Бисмаркъ. Когда воцарился Вильгельмъ II и сталъ мечтать о новомъ политическомъ курсѣ, то идея «новой европейской системы», основанной на восполненіи оборонительнаго тройственнаго союза тройственнымъ таможеннымъ союзомъ, снова выплыла и пріобрѣла многочисленныхъ сторонниковъ. Въ цѣляхъ ея осуществленія германскимъ правительствомъ было даже предпринято однажды офиціальное выступленіе. Появляются все новые и новые сторонники идеи союза и въ Австріи. Начиная съ 1890 г. ее усиленно пропагандируетъ тамъ А. Пеецъ.—Графъ Аппоньи заявляетъ: «Ахиллесовой пятой тройственнаго союза является его экономическая политика... Если зданіе тройственнаго союза должно продолжать существовать, если эта самая солидная изъ всѣхъ гарантій европейскаго мира должна сохраниться въ полной силѣ, то необходимо на ряду съ политическими устоями, которые одни пока поддерживаютъ его (миръ) и которые не могутъ выдержать долго, дать ему еще и экономическіе устои»[1]).

---

[1]) См. Ch. Andler: «Le pangermanisme continental sous Guillaume II». Paris, 1915, p. XXXIV.

Таможенныя мѣропріятія въ С.-А. Соединенныхъ Штатахъ, наносящія ущербъ германской торговлѣ, создаютъ для проектовъ центрально-европейскаго таможеннаго объединенія новую почву. А когда въ 1904 г. возникаетъ въ Германіи «Центрально-европейскій Экономическій Союзъ», онъ находитъ полное сочувствіе и въ Австро-Венгріи, и въ Швейцаріи, и среди итальянцевъ.

Параллельно съ проектами объединенія центральной Европы, выдвигающими преимущественно экономическую сторону вопроса и настаивающими только на созданіи таможеннаго союза, возникъ въ Германіи и цѣлый рядъ проектовъ значительно болѣе притязательныхъ. Одинъ изъ самыхъ старыхъ среди нихъ, принадлежавшій П. Дену и относившійся къ 80-мъ гг., требовалъ образованія полнаго союза, политическаго, экономическаго и военнаго всѣхъ центрально-европейскихъ государствъ, большихъ и малыхъ. Въ него должны были входить, между прочимъ, Швейцарія, Голландія, Бельгія и всѣ балканскія государства до Турціи включительно. Главенство въ немъ должно было принадлежать, конечно, германцамъ, какъ народу, находящемуся въ періодѣ расцвѣта всѣхъ своихъ силъ и единственно способному спасти Европу. Но отъ кого же, собственно, Европу приходилось спасать? Оказывается, отъ многихъ:

опасностью для нея грозили, по мнѣнію пангерманистовъ, и объ Америки, и раскинувшаяся на востокъ Россія, и пробудившійся Китай, и Японія [1]).

Впрочемъ, не только страхъ за отдаленное будущее пробуждалъ въ Германіи имперіалистическія наклонности и проекты—и х ъ о ч е н ь м н о г о—въ духѣ проекта Д е н а:—«Мы признаемъ,—писалъ въ 1900 г., въ бытность полковникомъ, Б е р н г а р д и,—что германская имперія, недавно образовавшаяся, не достигла еще предѣла возможнаго расширенія своего могущества... Мы признаемъ, что ею еще не выполнена ея и с т о р и ч е с к а я м и с с і я, состоящая въ томъ, чтобы образовать ядро, вокругъ котораго сгруппируются всѣ разрозненныя части германской расы, чтобы расширить сферу ея вліянія и привести ее въ соотвѣтствіе съ ея политическими границами, чтобы дать и обезпечить германизму томѣсто, которое поставитъ его надъ всѣмъ міромъ,—чтобы, наконецъ, восторжествовать надъ невѣжественными, революціонными и матеріалистическими націями, высоко неся свѣточъ свободы интеллектуальной и моральной» [2]).

---

[1]) Ib d , p XXVI ff

[2]) Приведено у M a u r i c e L a i r—«L' impérialisme allemand», Paris. 1902, p 108.

Случилось то, что должно было случиться. Какъ только создалась потребность осуществить крупную политическую задачу, какъ только понадобилось оправдать тѣ широкіе замыслы, которые должны были поставить германскій народъ превыше всѣхъ остальныхъ народовъ, такъ тотчасъ же громкимъ голосомъ заговорило національное самосознаніе. То, отъ чего предостерегалъ въ свое время нѣмцевъ великій Фихте, забылось или какъ-то перестало обращать на себя вниманіе въ Германіи. Но зато съ тѣмъ большей охотой запомнились тамъ тѣ мѣста его же сочиненій, въ которыхъ нѣмецкая нація называется «das Ich unter den Nationen»[1]), объявляется солью земли, одна среди всѣхъ націй признается обладательницей живого языка и живой философіи,—въ которыхъ утверждается, что «если нѣмецъ не спасетъ культуры человѣчества, то ее не спасетъ никакая другая нація» [2]). Главное же, Фихте утвердилъ въ позднѣй-

---

[1]) «Я среди народовъ» Знакомые съ основами философской системы Фихте должны ясно представлять себѣ, какой великій комплиментъ для нѣмецкой націи заключается съ его точки зрѣнія въ этихъ его словахъ. Напомнимъ, что и для Шеллинга нѣмецкая нація являлась «націей изъ націй».

[2]) Ср. Б. П. Вышеславцевъ: «Фихте и нѣмецкая нація»—«Юридич. Вѣст.» 1914 г., кн. VII—VIII.

шихъ поколѣніяхъ своихъ соотечественниковъ сознаніе высокаго значенія національнаго начала, философски обосновалъ для нихъ ихъ національное чувство, заставивъ ихъ повѣрить, что именно въ націи отражаются любимыя мысли Божества, подлинный его ликъ, святая его воля.—На смѣну Фихте взошелъ на каѳедру Берлинскаго университета Гегель и со всей мощью своей геніальности сталъ проповѣдывать значеніе государственнаго начала. Государство, это—«земное божество», это—«осуществленіе (Wirklichkeit) нравственной идеи». Государство—«нравственный духъ въ качествѣ обнаружившейся, самому себѣ ясной, субстанціональной воли, продумывающей себя и знающей и осуществляющей то, что знаетъ». Обязанность каждаго отдѣльнаго человѣка «быть членомъ государства».—Отъ нравственнаго обоснованія государства у Гегеля дѣлается послѣдовательный переходъ къ оправданію войны. Благодаря войнѣ нравственное здоровье поддерживается среди народовъ, такъ какъ они перестаютъ относительныя блага цѣнить превыше всего: «движеніе вѣтровъ предохраняетъ море отъ плѣсени, которой оно покрылось бы при длительномъ покоѣ, какъ покрылись бы ею народы въ случаѣ длительнаго, а тѣмъ болѣе вѣчнаго мира». «Изъ войнъ народы выходятъ не только

окрѣпшими, но тѣ, что не могутъ ужиться другъ съ другомъ, черезъ внѣшнія войны находятъ внутренній миръ. Конечно, война приводитъ къ необезпеченности собственности, но эта необезпеченность есть не что иное, какъ необходимое движеніе»[1]).—Постепенно естественная эволюція національнаго нѣмецкаго самосознанія и условія политической дѣйствительности должны были привести и къ призывамъ Ницше: «Война и храбрость произвели больше великаго, чѣмъ любовъ къ ближнему. Не жалость ваша, но храбрость до сихъ поръ спасали міръ отъ катастрофы».—«Что есть благо? спрашиваешь ты. Быть храбрымъ—вотъ благо». Такъ говорилъ Заратустра.—Въ позднѣйшую эпоху своего творческаго развитія Ницше писалъ: «Прогрессъ девятнадцатаго столѣтія: ...1) «Возвратъ къ природѣ» все рѣшительнѣе понимается въ смыслѣ прямо противоположномъ тому, который придавалъ этому термину Руссо:—прочь отъ идилліи и отъ оперы;—2) все рѣшительнѣе — антиидеализмъ, объективность, безстрашіе, трудолюбіе, чувство мѣры, недовѣріе къ внезапнымъ перемѣнамъ, антиреволюціонность;—3) все болѣе рѣшительная поста-

---

[1]) Hegel: «Rechtsphilosophie», Leipz. 1911, §§ 257, 258, 324,—Zusatz zu § 324 (s. 369)

новка на первое мѣсто вопроса о здоровьѣ тѣла, а не о здоровьѣ «души».—Наиболѣе удачными лѣкарствами для современности философу представляются: «общая воинская повинность съ настоящими войнами, при которыхъ не до шутки; національная ограниченность (упрощающая, концентрирующая); улучшенное питаніе (мясо); все болѣе чистыя и здоровыя жилища; преобладаніе физіологіи надъ теологіей, моралистикой, экономикой и политикой; воинская суровость въ требованіи и исполненіи своихъ «обязанностей».—«Меня радуетъ,—восклицаетъ онъ,—военное развитіе Европы, а также анархизмъ во внутреннихъ состояніяхъ.. Въ каждомъ изъ насъ сказано варвару «да», также и дикому звѣрю» [1]).

Какъ философъ-аморалистъ, Ницше занялъ особое мѣсто въ исторіи германской философской мысли, но какъ воспитатель націи, онъ лишь приспособилъ къ условіямъ позднѣйшаго времени политическіе идеалы Фихте и Гегеля и привелъ ихъ въ созвучіе съ мечтами и практическими программами Бисмарка, Моммзена, Трейчке, Бернгарди, Рорбаха и всѣхъ вообще раннихъ и новѣйшихъ пангерманистовъ - имперіалистовъ.

---

[1]) Фр. Ницше Полное собраніе соч., т IX. «Воля къ власти»,.§§ 117, 126, 127 (сс 73 и 79).

Глубоко національнъ, и еще болѣе современнъ, Моммзенъ, когда онъ заявляетъ, что цѣль общественной эволюціи—цивилизація, но что эта цѣль можетъ быть достигнута лишь путемъ «искорененія націй, менѣе способныхъ къ культурѣ или менѣе развитыхъ, націями, достигшими болѣе высокаго уровня» [1]). Не менѣе типиченъ и Трейчке, провозглашающій современную эпоху эпохой войны и желѣза и торжества сильнаго надъ слабымъ и объявляющій безнравственною идею вѣчнаго мира [2]).

Національнзмъ, какъ культурная идеологія, какъ политическая и соціальная сила постепенно, послѣдовательно и незамѣтно привелъ къ идеологіи милитаризма, взялъ на себя задачу его оправданія, обоснованія и дальнѣйшаго укрѣпленія.

Выраженіемъ германскаго духа стала Пруссія, а Пруссія это—Kriegsstaat, военное государ-

---

[1]) Ср. Lair, op. cit., p. 134.—Blondel: «La doctrine pangermaniste». Paris, 1915, pp. 115—116.—Patouillet, op. cit., p. 38.

[2]) Treitschke, H. «Politik».—Leipzig 1897—98 t. I, s. 72; t. II, 553: «Dass der Krieg berechtigt und sittlich, dass der Gedanke des ewigen Frieden ein unmögliches und zugleich unsittliches Ideal ist, haben wir schon erkannt».

ство,—Volk im Waffen,—нація воиновъ. Говоря словами С а р о л и, «офицерство образуетъ тамъ особую касту, первую въ государствѣ, самую достойную, самую благородную въ представленіяхъ обывателя, самую красивую въ мечтахъ германской дѣвушки... Въ Пруссіи армія не только центръ общественной жизни, она—путь къ самымъ высокимъ должностямъ, самымъ желаннымъ мѣстамъ при дворѣ и на дипломатической службѣ и даже—къ достиженію высокаго положенія на службѣ гражданской. И потому нѣтъ большаго оскорбленія для нѣмецкаго еврея, какъ то, что ему закрыть доступъ въ высшіе военные круги... Даже въ университетъ вносится военный духъ и военныя привычки: ни одинъ юноша, принадлежащій къ привилегированному классу и желающій впослѣдствіи играть роль въ обществѣ, не сочтетъ своего воспитанія законченнымъ, если онъ не дрался на дуэли, если его лицо не обезображено шрамами. Иностранцы, сколько угодно, могутъ считать обычай «Mensur» остаткомъ варварства: онъ—часть прусской военной системы, которая содѣйствуетъ внѣдренію въ сердца военнаго духа» [1]).

---

[1]) Ш. С а р о л и: «Англо-германская проблема». М. 1915 г., с. 93. Ср. T h. Z i e g l e r: «Милитаризмъ есть центръ нашего германскаго общества. Онъ служитъ об-

Созданіе могучей арміи, а также флота, который могъ бы соперничать съ англійскимъ, становится основной задачей германскихъ политиковъ и германскаго народа. Господство въ странѣ пріобрѣтаетъ сознаніе, что только съ ихъ помощью Германія сумѣетъ достичь того, чего желаетъ, и къ чему зоветъ ее, по ея мнѣнію, пророческій голосъ исторіи. Она поздно явилась на историческую арену. Всѣ лучшія мѣста подъ солнцемъ уже заняты. Никто добровольно не посторонится, чтобы уступить ей ея мѣсто,—значитъ, ясно: нужно силой прокладывать себѣ дорогу. Только сила въ состояніи разрѣшить окончательно тѣ проблемы, которыя оставались неразрѣшенными до сихъ поръ. Колоніи не приносятъ дохода, соперники вытѣсняютъ изъ нихъ германцевъ и не позволяютъ имъ захватывать новыя;—слѣдовательно, оружіе нужно, чтобы

разцомъ всего нашего существованія». Приведено у J. Marion: «Un peuple pacifuque et son évolution morale sous l'influence de son élite».—Bibliothèque universelle et revue suisse. 1917, juillet—août, №№ 259—260. Въ этой статьѣ путемъ сводки мнѣній виднѣйшихъ германскихъ философовъ, ученыхъ, писателей, поэтовъ и представителей церкви наглядно показывается, насколько глубоко вкоренился въ настоящее время въ германскомъ народѣ духъ самопревознесенія и милитаризма.

создать для имперіи колоніальное могущество, безъ котораго ей невозможно добиться желаннаго мірового могущества. Германія окружена со всѣхъ сторонъ кольцомъ враждебно настроенныхъ державъ; даже немногіе друзья ея связаны съ нею лишь нитями страха и расчета и не уходятъ отъ нея только потому, что нуждаются въ ея защитѣ. Стало быть, оружіе нужно и для простой самообороны страны, для сохраненія ея прежняго относительнаго международнаго положенія, для закрѣпленія его. Но въ серединѣ между міровыми захватными замыслами и задачами самообороны стоятъ задачи мирныхъ экономическихъ захватовъ: Германія укрѣпилась экономически въ Россіи, въ Турціи, на Балканахъ, въ Швейцаріи, въ Голландіи, она заваливаетъ своими товарами всѣ склады на рынкахъ англійскихъ и французскихъ. Ни Франціи, ни Англіи, ни Россіи это не можетъ нравиться. Германія стремится утвердиться на рынкахъ американскихъ и азіатскихъ—въ этомъ мало радости для С.-А. Соединенныхъ Штатовъ и Японіи. Всѣ эти страны издавна уже насторожились, всѣ онѣ издавна приготовились положить предѣлъ безудержной торговой предпріимчивости центрально-европейской имперіи. Слѣдовательно, дальнѣйшее торговое усиленіе возможно для нея лишь при томъ условіи, чтобы рука объ руку

шло съ нимъ военное усиленіе. Тогда пусть другія страны выбираютъ между потоками нѣмецкаго золота и потоками своей собственной крови.

Однажды (въ 1900 г.) Вильгельмъ II говорилъ: «Волны океана съ настойчивой силой стучатся во врата нашей страны, заставляя насъ занять въ мірѣ подобающее мѣсто великаго народа, словомъ, войти въ міровую политику. Для величія Германіи океанъ необходимъ. На его волнахъ и за его предѣлами ничто серьезное не должно рѣшаться безъ согласія Германіи и германскаго императора. Я не думаю, чтобы нѣмецкій народъ пролилъ свою кровь и одержалъ побѣду 30 лѣтъ назадъ для того, чтобы быть затѣмъ оставленнымъ въ сторонѣ отъ рѣшенія великихъ международныхъ вопросовъ. Если бы это случилось, то германская имперія разъ навсегда потеряла бы свое міровое положеніе и я вовсе не расположенъ допускать этого.— Мой долгъ и моя лучшая прерогатива побуждаютъ меня принять безъ всякаго колебанія необходимыя и, если понадобится, самыя энергичныя мѣры. Я убѣжденъ, что въ этомъ вопросѣ всѣ князья и весь народъ, тѣсно сомкнувшись, будутъ со мною» [1]).

---

[1]) Ж. Аррен ъ, op. cit., c. 134.

Въ приведенныхъ словахъ германскаго императора съ исключительной яркостью и характерностью отразился и вылился духъ современнаго германскаго имперіализма. И они тѣмъ болѣе цѣнны, что высказанныя въ нихъ надежды на поддержку князей и народа не остались тщетными. Вся Германія скоро сумѣла проникнуться тѣми же идеалами, которые съ молодыхъ лѣтъ вдохновляютъ ея кипучаго кайзера. Всѣ въ Германіи готовы ради нихъ на какія угодно жертвы.

Да будетъ позволено привести еще нѣкоторыя цифры:

Въ 1888 г. Германія израсходовала на военныя нужды 601. 583 тыс. марокъ, въ 1903 г. уже 872. 598 тыс., а въ 1913 г.—1.476.079 тыс. марокъ. Въ періодъ времени съ 1886 г. по 1912 г. Франція, боящаяся новаго разгрома со стороны Германіи и жаждущая реванша, увеличила свою армію мирнаго состава съ 500.000 чел. до 545.000, т.-е. всего на 45 тысячъ или на 8,1%; между тѣмъ сама Германія за этотъ же періодъ времени отъ набора въ 427.000 чел. перешла къ набору въ 800.000, что даетъ увеличеніе на 373 тысячи или на 87,35%. Этимъ ростъ германской арміи, однако, не ограничился. Въ ближайшемъ же 1913 г. рейхстагъ одобрилъ увеличеніе арміи мирнаго состава сразу еще на 136.000 человѣкъ.

По сравненію съ численностью офицерскихъ кадровъ германской арміи въ 1911 г. два новые законопроекта потребовали:

	въ 1912 г.	въ 1913 г. (сверхъ того):
Генераловъ.	25	27
Полковыхъ командировъ.	11	33
Штабъ-офицеровъ. . .	262	589
Капитановъ и ротмистровъ.	422	890
Оберъ-лейтенантовъ и лейтенантовъ. . . .	582	1935

Такимъ образомъ въ теченіе двухъ послѣднихъ пѣредъ войной лѣтъ одинъ только офицерскій составъ германской арміи обогатился 4676 новыми членами [1]).

На путь имперіалистической политики Германія вступила вслѣдъ за воцареніемъ Вильгельма II, т.-е. послѣ 1888 г. Съ этого года и по 1913 г. увеличеніе финансоваго бремени милитаризма выразилось въ слѣдующихъ цифрахъ [2]):

[1]) Ср. Б. Ишхананъ: «Развитіе милитаризма и имперіализма въ Германіи». Петроградъ, 1917 г., сс. 134, 142—3, 149—150.

[2]) Ibid., p. 237.

Увеличеніе бюджета арміи	90,65%
Увеличеніе морского бюджета.	815,52%
Увеличеніе доли каждаго жителя . . .	80,96%

Характерную картину представляетъ собой состязаніе Германіи съ Англіей въ области военнаго судостроительства: Англія строитъ «Дредноутъ» водоизмѣщеніемъ въ 17.900 тоннъ,—Германія отвѣчаетъ судами типа Нассау въ 18.200 тоннъ. Англія въ 1907 г. приступаетъ къ постройкѣ сверхъ-дредноутовъ въ 18.600 и позже въ 19.250 тоннъ,—въ Германіи появляется десять броненосцевъ типа «Гельголандъ» въ 22.000 тоннъ. И такъ водоизмѣстимость судовъ обоихъ флотовъ быстро поднимается подъ вліяніемъ соперничества до 22.500, потомъ до 27.000, до 30.000, до 32.000 тоннъ. Одновременно и параллельно увеличивается тамъ и тутъ количество пушекъ на судахъ, объемъ и вѣсъ ихъ снарядовъ, достигается все большая мѣткость стрѣльбы, создаются типы все болѣе и болѣе быстроходныхъ крейсеровъ [1]). Но въ то время какъ Англія увеличила свои морскія вооруженія за десятилѣтіе 1903—1913 гг. въ общемъ всего на 14,90%, Германія увеличила ихъ на 104,00% [2]).

---

[1]) Ср. П. Н. Милюковъ: «Вооруженный миръ и ограниченіе вооруженій», СПБ. 1911 г., сс. 38—41.

[2]) Б. Ишханянъ: цит. соч., с. 220.

Таковы нѣкоторыя изъ данныхъ, позволяющія составить, если и не полную, то все же болѣе или менѣе отчетливую характеристику современнаго германскаго милитаризма. Мы расположили эти данныя въ опредѣленномъ порядкѣ и представили въ такомъ видѣ, что однѣ изъ нихъ кажутся вытекающими изъ другихъ. Но порядокъ этотъ произвольный и его легко было бы замѣнить другимъ: взявъ, напримѣръ, за исходный пунктъ свойства національнаго германскаго духа, мы могли бы прослѣдить, какъ постепенно они привели къ усиленію политической и экономической мощи Германіи. Это потому, что главнѣйшія изъ историческихъ силъ, проявляясь одновременно, тѣснѣйшимъ образомъ связаны одна съ другою и непрестанно воздѣйствуютъ одна на другую; и, слѣдовательно, всякое выведеніе послѣдующаго явленія лишь изъ одного предыдущаго по необходимости представляетъ собой стилизацію, если не прямое искаженіе историческаго процесса. А къ тому же для насъ здѣсь порядокъ и генезисъ имѣютъ лишь самое ничтожное значеніе; главною же нашей цѣлью было показать элементарный или феноменологическій составъ германскаго имперіализма. Какъ мы старались установить въ началѣ главы, всякій имперіализмъ, по самому существу своему, предполагаетъ

непремѣнно высокое промышленное и торговое развитіе страны, широкую колоніальную программу, крупную политическую и военную мощь, обостренное національное самосознаніе. Совершенно очевидно, что всѣ указанные элементы имперіализма въ современной Германіи имѣются налицо. Именно богу имперіализма благоговѣйно служатъ ея политики-жрецы. На него возлагаетъ всѣ свои надежды германскій народъ.— «Что мы живемъ въ эпоху имперіализма, не требуетъ никакихъ доказательствъ, а теперешняя война только еще болѣе подвинетъ впередъ имперіалистическую идею среди народовъ, въ частности и у насъ. Еще сильнѣе, чѣмъ прежде, зазвучитъ повсюду призывъ стремиться къ міровому могуществу, цѣнить міровое могущество»...— Такъ говорится въ предисловіи къ одной изъ новѣйшихъ нѣмецкихъ брошюръ объ имперіализмѣ, изданной въ Берлинѣ весьма вліятельнымъ «Экономическимъ Обществомъ» [1]). Въ дальнѣйшемъ текстѣ ея—гимнъ германскому типу имперіализма, иже грядетъ на смѣну отжившему свое время англійскому.

Sapienti sat.

---

[1]) Paul Ostwald: «Englischer und deutscher imperialismus». Berlin, 1917,—herausg v. der Volkswirtschaftlichen Gesellschaft in Berlin».—Vorwort.

III.

Японскій имперіализмъ.

Основаніе японскаго имперіализма часто усматривается въ чрезмѣрной перенаселенности Японіи. Въ значительной мѣрѣ это вѣрно: на площадь въ 382.416 кв. км. (не считая Формозы) въ ней приходится по даннымъ 1910 г. около 51 милліона жителей, или 130—133 жителя на каждый километръ. Значитъ, плотность населенія въ ней выше, чѣмъ во Франціи, Италіи и Германіи, хотя и не столь высока, какъ въ Бельгіи, въ Англіи, въ Голландіи. За двадцатилѣтній періодъ съ 1890 г. по 1910 г. основное японское населеніе увеличилось на десять милліоновъ; увеличеніе населенія въ 1910 году выразилось въ цифрѣ 582.000 чел. Нужно ли удивляться, что при такихъ условіяхъ японцы давно уже почувствовали необходимость расширить свои территоріальныя владѣнія и, въ громадномъ количествѣ устремляясь въ чужія страны, горящими глазами стали поглядывать на острова ближайшіе и дальніе, на Корею и на Китай, на Америку и на Австралію?

При разрѣшеніи вопроса о своемъ территоріальномъ расширеніи для Японіи открывались двѣ теоретическія возможности, а въ связи съ

ними двѣ основныя линіи внѣшней политики: одна—въ сторону расширенія границъ государства на островахъ, пока не будетъ достигнуто полное господство въ Тихомъ океанѣ (среди главнѣйшихъ представителей этой линіи—Мацуката); другая—усматривающая будущее страны на азіатскомъ материкѣ и ставящая въ основу программы завладѣніе Кореей (Кацура) [1]).

Какъ это часто случается, на практикѣ пришлось избрать средній путь и, сообразуясь съ обстоятельствами, то завладѣвать новыми островами, то продвигаться тутъ или тамъ на континентъ.

Въ 70-хъ гг. прошлаго вѣка Японія выговорила у Россіи въ обмѣнъ на часть Сахалина Курильскій архипелагъ, а по третейскому рѣшенію С.-А. Соединенныхъ Штатовъ получила отъ Китая архипелагъ Ріу-Кіу (Лю-Цу). Въ 1895 г. послѣ побѣдоносной китайской войны Японія вошла во владѣніе Формозой и Пескадорскими островами. Портсмутскій миръ, завершившій въ 1905 г. столь эффектную для побѣдителей войну съ Россіей, вновь далъ въ руки

---

[1]) Ср. П Шкуркинъ: «Японо-китайскій конфликтъ» — Вѣстникъ Азіи», кн. II, Харбинъ, 1915 г., сс. 170—193—Ср. также—Ю. Ключниковъ· «Русско-японскій союзъ» —«Проблемы Великой Россіи», 1916 г., № 9.

Японіи половину Сахалина. На этомъ островныя пріобрѣтенія «Страны Восходящаго Солнца» пока закончились, такъ какъ съ переходомъ Филиппинъ отъ Испаніи къ Соединеннымъ Штатамъ всѣ мало-мальски значительные острова Тихаго океана сосредоточились въ надежныхъ рукахъ представителей бѣлой расы или подъ ихъ надежной защитой.

Что касается продвиженія японцевъ на азіатскій материкъ, то оно впервые отчетливо намѣтилось послѣ той же войны ихъ съ Китаемъ въ 1894—95 гг., которая закончилась переходомъ къ нимъ Пескадорскаго архипелага и Формозы. Согласно тексту мирнаго трактата, заключеннаго въ Симоносеки, Китай долженъ былъ уступить Японіи Ляодунскій полуостровъ съ его великолѣпной и чрезвычайно важной въ стратегическомъ отношеніи гаванью Лю-кун-чу (Портъ-Артуромъ). Однако, едва договоръ былъ подписанъ, какъ вмѣшалась Россія и при поддержкѣ Франціи и Германіи потребовала, чтобы Ляодунъ оставался въ его прежнемъ отношеніи къ Китаю. Скрѣпя сердце, Японія принуждена была отказаться отъ драгоцѣннѣйшаго плода своей побѣды и до поры до времени затаить противъ Россіи острую злобу.

Впрочемъ, и того, что удалось Японіи получить по Симоносекскому договору, было не мало:

къ ней, какъ сказано, перешелъ цѣлый рядъ новыхъ острововъ; «Небесная Имперія» открыла для ея торговли нѣсколько гаваней, обязалась поставить у себя японцевъ на положеніе наиболѣе благопріятствуемой націи, разрѣшила имъ судоходство по рѣкѣ Янгтсе, признала независимость Кореи, уплатила солидную денежную контрибуцію.—Слѣдующимъ важнымъ этапомъ въ дѣлѣ укрѣпленія Японіи на азіатскомъ континентѣ послужилъ Портсмутскій миръ. Въ его условія входило, между прочимъ, слѣдующее: «Россійское императорское Правительство, признавая за Японіей въ Кореѣ преобладающіе интересы политическіе, военные и экономическіе, обязуется не вступаться и не препятствовать тѣмъ мѣрамъ руководства, покровительства и надзора, кои Императорское Японское Правительство могло бы почесть необходимымъ принять въ Кореѣ» (ст. 2). «Россійское Императорское Правительство уступаетъ Японскому Императорскому Правительству, съ согласія Китайскаго Правительства, аренду Портъ-Артура, Таліена и прилегающихъ территорій и территоріальныхъ водъ, а также всѣ права, преимущества и концессіи, связанныя съ этою арендою или составляющія ея часть, и уступаетъ равнымъ образомъ Имп. Японскому Правительству всѣ общественныя сооруженія и имущества на терри-

торіи, на которую распространяется вышеупомянутая аренда» (ст. 5). «Россійское Имп. Правительство обязуется уступить Имп. Японскому Правительству, безъ вознагражденія, съ согласія Китайскаго Правительства, желѣзную дорогу между Чань-Чунь (Куан-чендзы) и Портъ-Артуромъ и всѣ ея развѣтвленія со всѣми принадлежащими ей правами, привилегіями и имуществомъ въ этой мѣстности, а также всѣ каменноугольныя копи въ названной мѣстности, принадлежащія означенной желѣзной дорогѣ или разрабатываемыя въ ея пользу» (ст. 6) [1]).

Пункты Симоносекскаго и Портсмутскаго договоровъ о независимости Кореи, о признаніи въ ней за Японіей преимущественныхъ военныхъ и политическихъ интересовъ съ обязательствомъ для Россіи закрывать на все глаза скоро сдѣлали свое дѣло. Уже черезъ два съ половиной мѣсяца послѣ заключенія Портсмутскаго договора японцы принудили Корею признать надъ собой ихъ протекторатъ, выражающійся въ правѣ «контроля и управленія ея

---

[1]) Ст. 10: «Росс. Имп. Правительство уступаетъ Имп. Японскому Правительству въ вѣчное и полное владѣніе южную часть о-ва Сахалина и всѣ прилегающіе къ послѣдней о-ва, равно и всѣ общественныя сооруженія и имущества, тамъ находящіяся...».

внѣшними отношеніями и дѣлами», въ назначеніи въ нее японскаго генералъ-резидента, въ обязательствѣ для корейскаго правительства не заключать безъ согласія Токіо никакихъ соглашеній и не совершать никакихъ актовъ, «имѣющихъ международный характеръ». Въ утѣшеніе сынамъ «Страны Тихаго Утра» за всѣ перечисленныя ограниченія ихъ государственной правоспособности послѣдняя статья трактата возлагала на японцевъ заботу о «поддержаніи благополучія и достоинства императорскаго корейскаго дома». Однако, судьбѣ было угодно, чтобы и этого утѣшенія скоро не осталось у нихъ: въ іюлѣ 1907 г. японцы заставили корейскаго императора, Ій-Хейунга, отказаться отъ престола въ пользу своего сына Ій-Сика. Что же касается этого послѣдняго, то въ награду за тронъ онъ первымъ дѣломъ долженъ былъ передать японскому генералъ-резиденту все внутреннее управленіе страной. Еще черезъ два года онъ отказывается и отъ распоряженія арміей, финансами, судомъ, а 9/22 августа 1910 г., въ свою очередь, уступаетъ престолъ... на этотъ разъ уже прямо въ пользу японскаго императора. Прекрасная Страна Тихаго Утра не выдержала, такимъ образомъ, палящихъ лучей Восходящаго Солнца Японіи: Корея превратилась отнынѣ въ японскую колонію.

Какъ только началась въ 1914 г. великая война, японцы, вѣрные своему союзному договору съ Англіей, послали Германіи ультиматумъ. Въ случаѣ удовлетворенія ультиматума они обѣщали передать крѣпость Кіао-Чао, отъ которой нѣмцы должны были бы отказаться, обратно въ распоряженіе Китая. Но въ назначенный восьмидневный срокъ отвѣта отъ Германіи не послѣдовало, и японцы, предпринявъ осаду германской твердыни на Дальнемъ Востокѣ, черезъ два мѣсяца заставили ее капитулировать. Послѣ этого они рѣшили, что теперь всѣ права нѣмцевъ на Кіао-Чао перешли къ нимъ и что они могутъ и не возвращать крѣпости Китаю, какъ то обѣщали раньше. Если бы державы согласія сочувственно отнеслись къ притязаніямъ Японіи, послѣдняя получила бы возможность весьма прочно утвердиться на китайской территоріи. Но Англія отказалась признать правильность японской аргументаціи и окончательное разрѣшеніе вопроса о судьбѣ Кіао-Чао осталось отложеннымъ до будущей мирной конференціи.

Японцы, однако, не успокоились и не отказались использовать благопріятную международную обстановку въ цѣляхъ все большаго подчиненія себѣ Китая. А эти цѣли давно уже стали для японской внѣшней политики однѣми изъ главнѣйшихъ.—«Китай идетъ подъ покровительство

Германіи и другихъ державъ, чтобы сдѣлать непріятное Японіи»,—писалось въ сентябрѣ 1914 г. въ одномъ изъ японскихъ журналовъ.—«Американцы съ жадностью обратили свои взоры на Китай и разсматриваютъ Японію, какъ большую помѣху ихъ цѣлямъ. Но Японія дѣйствительно имѣетъ право быть госпожей на Дальнемъ Востокѣ... Японія должна считать китайскія дѣла своими собственными и не можетъ разсматривать Китай въ качествѣ объекта для завладѣнія со стороны другихъ европейскихъ державъ... Если Японія сможетъ получить навсегда право руководить дипломатіей Китая (отнынѣ Китай не имѣетъ другихъ средствъ, какъ положиться на защиту Японіи), то въ такомъ случаѣ миръ на Дальнемъ Востокѣ можетъ быть навѣки сохраненъ» [1]).

Случилось такъ, что какъ разъ въ это же время начали упорно циркулировать слухи о секретномъ союзномъ договорѣ, который Китай готовился заключить, если не заключилъ уже, съ Соединенными Штатами. Подобнаго рода слухи опирались, повидимому, на нѣкоторыя

---

[1]) П. Шкуркинъ: «Японо-китайскій конфликтъ», с. 174.

основанія и сами по себѣ уже обязывали правительство Микадо къ принятію нѣкоторыхъ предупредительныхъ мѣръ.—По сообщенію газеты «Токіо-Ници-Ници-Симбунъ», американскитайскій союзный договоръ долженъ былъ включать нижеслѣдующія условія: Китай предоставляетъ въ распоряженіе С.-А. Соединенныхъ Штатовъ военный портъ. Свои военныя суда Китай строитъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Послѣдніе же берутъ на себя и обученіе офицеровъ для новаго китайскаго флота [1]). Въ противовѣсъ всѣмъ перечисленнымъ притязаніямъ (?) вашингтонскаго кабинета токійскій кабинетъ поспѣшилъ обратиться къ Небесной республикѣ съ длиннымъ рядомъ своихъ собственныхъ притязаній, идущихъ несравненно дальше, чѣмъ только что перечисленныя американскія. Болѣе трехъ мѣсяцевъ крѣпились въ Пекинѣ, стараясь оттянуть моментъ окончательнаго рѣшенія по выдвинутымъ японцами пунктамъ. Цѣлыхъ 25 совѣщаній понадобилось, чтобы японскіе и китайскіе дипломаты могли намѣтить болѣе или менѣе пріемлемыя для обѣихъ сторонъ рѣшенія; но завершенія дѣла все же не предвидѣлось. И только когда изъ Токіо въ Пекинъ пришелъ ультиматумъ съ требованіемъ окон-

[1]) Тамъ же, с. 176.

чательнаго отвѣта въ трехдневный срокъ и когда въ воздухѣ удушливо запахло новой войной, Китай счелъ себя, наконецъ, вынужденнымъ принять обременительныя для него японскія условія и въ ночь на 26 апрѣля 1915 г. новый японо-китайскій договоръ былъ заключенъ.

Въ этомъ знаменательномъ договорѣ шесть главныхъ раздѣловъ. Первый раздѣлъ трактуетъ о правахъ японцевъ въ Южной Манчжуріи: срокъ аренды японцами Портъ-Артура, Дальняго и концессій Ю.-Манчжурской и Андунъ-Мукденской желѣзныхъ дорогъ снова опредѣляется въ 99 лѣтъ; Японіи передается контроль и управленіе Гиринь-Чан-Гунской желѣзной дорогой; японцы получаютъ право не только устраивать въ Южной Манчжуріи промышленныя и торговыя предпріятія и разрабатывать рудники, но также арендовать и покупать земли. Кромѣ того Китай обязуется не приглашать провинціальныхъ совѣтниковъ изъ иностранцевъ и не уступать третьимъ державамъ желѣзнодорожныхъ концессій, иначе какъ съ разрѣшенія Японіи.— Во второмъ раздѣлѣ, касающемся восточной части внутренней Монголіи, китайское правительство соглашается: допускать японскихъ подданныхъ къ веденію здѣсь совмѣстно съ китайцами земледѣльческихъ предпріятій; не заключать безъ согласія японскаго правитель-

ства займовъ, обезпеченныхъ налогами; увеличить число открытыхъ для иностранцевъ городовъ. — Третій раздѣлъ посвященъ Ханепинскимъ предпріятіямъ. Согласно его постановленіямъ, Китай долженъ одобрить возможныя въ будущемъ соглашенія между владѣльцами предпріятія и японскими капиталистами о совмѣстномъ веденіи дѣла тѣми и другими, не конфисковать предпріятія, не націонализировать его безъ одобренія японскихъ капиталистовъ, не заключать для него займовъ, помимо японскихъ.— Слѣдующій раздѣлъ требуетъ отъ Небесной имперіи изданія декларацiи о томъ, что она не станетъ ни уступать, ни отдавать въ аренду какой-либо державѣ, кромѣ японской, части своего побережья, острова или порта.—Послѣдніе два раздѣла предоставляютъ Японіи рядъ существенныхъ правъ и преимуществъ въ китайскихъ провинціяхъ Фу-цзянъ и Шань-дунъ. На побережьи первой изъ этихъ провинцій Китай обязуется не позволять другимъ державамъ строить верфи, угольныя станціи и прочія военныя сооруженія; во второй, включающей въ себя Кіао-Чао, къ Японіи отходятъ всѣ права, которыми ранѣе обладали германцы. Ей же предоставляется право постройки желѣзной дороги отъ Чжи-Фу или Лун-Коу до одного изъ пунктовъ Шаньдунской вѣтви. Если бы послѣ войны

союзники предоставили Японіи Кіао-Чао, то она должна вернуть ее обратно Китаю подъ условіемъ: а) сдѣлать ее открытымъ коммерческимъ портомъ, б) предоставить Японіи выбрать подъ концессію какую-нибудь другую мѣстность и т. д.

Въ поясненіе къ приведенному договору слѣдуетъ сказать, что Гиринь-Чан-Гунская желѣзная дорога была выстроена пополамъ на японскія и китайскія деньги и что линія Гиринь-Куанченцы составляла черту, разграничивающую японскую и русскую сферы вліянія въ Манчжуріи. Право покупать или арендовать землю въ Китаѣ дается настоящимъ договоромъ японцамъ, въ качествѣ иностранцевъ, впервые за все существованіе страны. Что же касается Ханепинскихъ предпріятій, то они представляютъ собой неисчерпаемыя залежи желѣза и угля. Благодаря прекраснымъ воднымъ путямъ и другимъ счастливымъ условіямъ, здѣсь развились фабрики, представляющія собой Круппа Дальняго Востока. Съ Ханепинскими предпріятіями тѣснѣйшимъ образомъ связанъ величайшій въ Китаѣ Ханьянскій арсеналъ, поэтому участіе въ веденіи названныхъ предпріятій позволитъ японцамъ держать въ своихъ рукахъ матеріальную часть всей китайской арміи.—Правъ, пожалуй, г. П. Шкуркинъ, у котораго мы заимствовали

приведенныя подробности, что съ конца апрѣля 1915 г. въ Китаѣ установился фактическій японскій протекторатъ и что постепенно Японія становится полной хозяйкой въ Китаѣ [1]).

Въ прямомъ отношеніи съ описаннымъ японо-китайскимъ договоромъ стоитъ и другой исторически чрезвычайно важный договоръ, который былъ подписанъ 20 іюня 1916 г. въ Петроградѣ русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ С. Д. Сазоновымъ и японскимъ представителемъ при русскомъ дворѣ барономъ Мотоно.

Офиціально были опубликованы въ Россіи только двѣ статьи этого документа: «Ст. 1. Россія не приметъ участія ни въ какомъ соглашеніи или политическомъ сочетаніи, направленномъ противъ Японіи. Японія не приметъ участія ни въ какомъ соглашеніи или политическомъ сочетаніи, направленномъ противъ Россіи.—Ст. 2. Въ случаѣ, если бы что-либо грозило территоріальнымъ правамъ или особымъ интересамъ на Дальнемъ Востокѣ одной изъ договаривающихся сторонъ, признанныхъ другой договаривающейся стороной, Россія и Японія согласятся между собой относительно мѣръ, которыя онѣ примутъ въ видахъ оказанія другъ

---

[1]) П. Шкуркинъ: «Японо-китайскій конфликтъ», сс. 183—186, 189, 191.

другу поддержки и содѣйствія для охраны и защиты названныхъ правъ и интересовъ».— Вполнѣ позволительно, однако, предполагать, что кромѣ приведенныхъ статей въ договорѣ 20-го іюня имѣются и другія, носящія, быть-можетъ, характеръ особаго «секретнаго приложенія» и опредѣляющія взаимныя права и обязанности сторонъ болѣе подробно и точно. Косвенное подтвержденіе предположеніе подобнаго рода находитъ себѣ въ японскихъ сообщеніяхъ полуофиціальнаго характера. Согласно имъ, русско-японскій протоколъ состоитъ изъ двухъ частей,—«подлежащей опубликованію и секретной». Протоколъ не находится въ противорѣчіи ни съ условіями англо-японскаго союза, ни съ условіями союза франко-русскаго. Срокъ дѣйствія его десять лѣтъ. Если же ко дню истеченія срока одна изъ сторонъ окажется въ состояніи войны съ кѣмъ-нибудь, то договоръ сохранитъ силу впредь до заключенія мира. Значительно больше, чѣмъ русское официальное сообщеніе, освѣдомляютъ японскіе источники и по существу достигнутыхъ соглашеній. Здѣсь говорится еще и о слѣдующихъ пунктахъ первостепенной политической важности: подданные договаривающихся державъ пользуются полной свободой жительства и веденія дѣлъ и предпріятій въ Сибири и японской и русской сферахъ влія-

нія въ Монголіи и Манчжуріи. Судоходство по Сунгари, являвшееся до сихъ поръ привилегіей однихъ русскихъ, отнынѣ въ равной мѣрѣ свободно и для японцевъ. — Дополнительный пунктъ: передача Восточной Китайской желѣзной дороги между Сунгари и Куанченцзы Японіи [1]). Нужны ли комментаріи? — Какъ раньше, съ помощью Портсмутскаго мирнаго трактата, Японія обезпечила себѣ невмѣшательство Россіи въ ея «покровительство» Кореи, такъ теперь договоромъ 20 іюня 1916 г. она обезпечила себѣ невмѣшательство той же Россіи въ осуществленіе новыхъ ея правъ въ Китаѣ. Этого мало; чрезвычайно существенныя завоеванія сдѣланы японцами и въ русскихъ областяхъ на Дальнемъ Востокѣ, чѣмъ и объяснялись, повидимому, знаменательныя слова С. Д. Сазонова: «Настоящая война ставитъ передъ Россіей рядъ задачъ, разрѣшеніе которыхъ требуетъ сосредоточенія нашего вниманія на западѣ на многіе годы. Опираясь на солидарность Японіи въ дальне-восточ-

---

[1]) По телеграфному сообщенію изъ Дайрена «Русскому Слову» отъ 22 іюня 1916 г. Японскій источникъ — Офиціозъ Южно-Манчжурской желѣзной дороги, во главѣ которой стоятъ выдающіеся японскіе дѣятели и бывшіе министры.

ныхъ дѣлахъ, мы можемъ посвятить свои силы рѣшенію этихъ задачъ...» [1]).

Такъ совершается процессъ естественнаго расширенія сильной духомъ и матеріальными рессурсами Страны Восходящаго Солнца. Онъ, разумѣется, не могъ бы быть такимъ быстрымъ и внушительнымъ, если бы не опирался на первоклассную военную силу и на длительную спеціальную подготовку всей страны къ защитѣ и нападенію. Уже во время войны съ Китаемъ Японія обратила на себя вниманіе западнаго міра прекрасной постановкой военнаго дѣла. Послѣ русско-японской войны одинъ изъ видныхъ военныхъ авторитетовъ писалъ о японской арміи: «вооруженіе ея было превосходно; командовалъ ею корпусъ офицеровъ, удивительно подготовленный и заслуживающій самаго высокаго уваженія... Прибавьте къ этому абсолютное пренебреженіе къ смерти и неслыханную стремительность въ атакѣ, и вы поймете секретъ японской побѣды» [2]). Въ 1904—05 гг. Японія выставила на поля сраженій армію въ 1.200.000 солдатъ. Къ 1912 г. она уже обладала

---

[1]) Изъ бесѣды по поводу заключенія союза.—«Утро Россіи» 25 іюня 1916 г.

[2]) H. Labroue: «L'impérialisme japonais». Paris, 1912, p. 6.

одной изъ первыхъ въ мірѣ арміей, насчитывавшей 250.000 мирнаго состава при резервѣ болѣе, чѣмъ въ 800.000 чел. Флотъ ея въ этомъ же году достигалъ 230 военныхъ кораблей, миноносцевъ и подводныхъ лодокъ. Удивительно ли, что такія побѣды, какъ Пень-Ньянъ, Цзинь-Чжоу, Таліенванъ, Лю-Кун-Чу въ 1894—95 гг., смѣнились блестящими побѣдами при Ялу, Ляоянѣ, Портъ-Артурѣ, Мукденѣ, Цусимѣ—въ 1904—05 гг. и взятіемъ Кіао-Чао въ 1914 г.?

Въ непосредственной связи съ милитаризаціей Японіи стоитъ и высокое развитіе въ ней военнаго шпіонажа. Согласно многочисленнымъ свѣдѣніямъ, во Владивостокѣ, Харбинѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Китаѣ и въ Южной Америкѣ—всюду, гдѣ это можетъ быть нужнымъ,—офицеры японской службы нанимаются прислугой, ходятъ бонзами, шарманщиками и мелкими продавцами по чужимъ городамъ, крѣпостямъ и весямъ съ фотографическими и топографическими аппаратами въ карманахъ. Но не только они,—и настоящая прислуга, настоящіе шарманщики и продавцы сплошь и рядомъ оказываются дѣятельными сотрудниками токійскаго генеральнаго штаба. Извѣстно, какую роль сыграли они въ русско-японскую войну. На Явѣ, въ Калифорніи, въ Мексикѣ то и дѣло вспыхиваютъ настоящія эпидеміи страха пе-

редъ наплывомъ японскихъ шпіоновъ и страхъ этотъ далеко не всегда оказывается напраснымъ. На дѣятельность японскаго шпіонажа обращаетъ вниманіе въ своихъ «Воспоминаніяхъ» А. Н. Куропаткинъ, о ней многократно упоминаетъ въ книгѣ о японскомъ имперіализмѣ А. Ляброу, объѣхавшій съ цѣлью изученія «японскаго вопроса» весь свѣтъ и сдѣлавшій относительно японцевъ массу личныхъ наблюденій.

Параллельно съ ростомъ политическаго могущества совершался въ Японіи и быстрый экономическій ростъ. За періодъ времени съ 1874 г. по 1909 г. обороты внѣшней японской торговли увеличились со 109 милліоновъ франковъ до 2.110 милліоновъ. Японскихъ желѣзныхъ дорогъ въ 1876 г. насчитывалось всего 61 км., а въ 1909 г. ихъ уже 10.000 километровъ. Не менѣе стремителенъ ростъ парового торговаго флота Японіи: въ 1898 г. общая его водоизмѣстимость выражалась въ 477.000 тоннъ, въ 1907 г.—уже въ 2.389.000 [1]).—Бюджетъ страны, не превышавшій къ 1870 г. 55 милліоновъ франковъ, въ 1909—10 гг. достигъ внушительной цифры въ 1.380 милліоновъ [2]).

---

[1]) Иныя цифры у Л. М. Болховитинова: «Колонизаторы Дальняго Востока»—Сборникъ «Великая Россія», т. I, с. 198.

[2]) Labroue, H, op. cit., p. 5.

За время войны финансовое, торговое и промышленное положеніе Японіи улучшилось особенно замѣтнымъ образомъ. Уже 1915 годъ сыны Ниппона называли «случаемъ, который повторяется разъ въ тысячу лѣтъ»,—тѣмъ съ большимъ основаніемъ относится эта характеристика къ слѣдующему, 1916-му, году. На этотъ разъ экономическіе успѣхи положительно превзошли самыя смѣлыя ожиданія. Въ самомъ дѣлѣ: до войны Японія обладала неблагопріятнымъ торговымъ балансомъ,—ввозъ превышалъ въ ней вывозъ. Общая внутренняя и внѣшняя задолженность страны выражалась въ суммѣ 2,5 милліардовъ іенъ [1]). Золотой запасъ государственнаго банка не превышалъ 317 милліоновъ іенъ. Иную картину представляютъ цифры 1916 г.: въ этомъ году общіе торговые обороты страны дали совершенно неслыханную сумму въ 1.800 милліоновъ іенъ [2]), при чемъ в ы в о з ъ оказался больше в в о з а на 370 милліоновъ. Особенные успѣхи обнаружила торговля съ Китаемъ и съ Россіей.

---

[1]) «Японія въ 1916 г.», ст. И. А—ч ъ. «Вѣстникъ Азіи». Харбинъ, 1917 г., сс. 43—45.

[2]) Іена приблизительно равна двумъ съ половиной франкамъ.

Ввозъ изъ Россіи въ Японію·

1914 г. . .	1.065.000	іенъ
1915 г. . .	4.000.000	»
1916 г. . .	2.350.000	»

Вывозъ изъ Японіи въ Россію:

1914 г. . .	12.380.000	іенъ.
1915 г. . .	85.500.000	»
до 10 дек. 1916 г. . .	118.490.000	»

Золотой запасъ съ 317 милліоновъ въ 1913 г. поднялся къ концу 1916 г. до 717 милл. и ожидается, что въ 1917 г. онъ дойдетъ до 1.200 милл. Одновременно задолженность государства понизилась путемъ выкупа обязательствъ на 163 милл. іенъ, а путемъ помѣщенія японскихъ капиталовъ въ иностранныя бумаги еще на 626 милліоновъ (считая въ томъ числѣ и русскіе займы на сумму 124,5 іенъ). Въ новыя промышленныя и торговыя предпріятія вложено въ 1916 г. 95 милл. и на расширеніе прежнихъ—195 милл. іенъ [1]).

Территоріальное расширеніе, усиленіе политическаго давленія на нѣкоторыя страны и ростъ внѣшней торговли—все это, взятое вмѣстѣ, позволяетъ Японіи съ успѣхомъ разрѣшить и больной для нея вопросъ перенаселенія.

---

[1]) И. А—чъ., цит. ст.

За то недолгое время, что японцы владѣютъ Формозой, они успѣли переселить въ нее свыше 110 тысячъ человѣкъ. Въ Кореѣ ихъ до 1904 г. было пятнадцать тысячъ, въ 1909 г.—уже сто пятьдесятъ тысячъ [1]). Изъ общаго числа 69.852 иностранцевъ, жившихъ въ 1907 г. въ Китаѣ, японцевъ было 45.610; изъ 758 иностранныхъ предпріятій—имъ принадлежало 677 [2]). Но съ наибольшимъ вниманіемъ японцы поглядываютъ на Америку—сѣверную, центральную и южную, на Австралію, на Новую Зеландію, на Филиппины. Эти страны и земли населены весьма слабо. Въ Филиппинахъ совсѣмъ еще въ недавніе годы на одинъ квадратный километръ приходилось всего лишь 23 жителя, въ Соединенныхъ Штатахъ—9, въ Новой Зеландіи—3; въ Австраліи, Колумбіи, Чили и того меньше. Въ Чили, напримѣръ, одинъ житель приходится на цѣлыхъ 30 км. Всюду здѣсь нужны люди, нужны рабочія руки,—какъ разъ то, чего такъ много въ Японіи; всюду здѣсь можно великолѣпно заработать—10, 15, 20, 25 фр. въ день,—какъ разъ то, чего такъ жаждутъ трудолюбивые подданные микадо. И вотъ волны японской эмигра-

---

[1]) Л. М. Болховитиновъ, цит. ст.

[2]) Cp. F. Farjenel: «Le Japon en Chine».— Rev. des deux Mondes, 1915, t. XXVII, pp 622—46.

ціи стремительно бросаются во всѣ концы Америки и на острова Тихаго Океана,—всюду, куда только имъ открытъ доступъ. На Гавайскихъ (Сандвичевыхъ) островахъ ихъ въ 1892 г. 13.000 человѣкъ, а черезъ семь лѣтъ уже до 85.000; это составляетъ 46% всего населенія острововъ и 70% всей занятой на нихъ рабочей силы. Въ Соединенныхъ Штатахъ съ 55 чел. въ 1870 г. число японцевъ поднялось къ 1900 г. до 24.610 чел. и уже къ 1906 г. достигло 80.000. Великъ былъ въ первое десятилѣтіе новаго вѣка наплывъ японцевъ въ Канаду: въ 1907 г. (въ виду временнаго закрытія доступа имъ въ Калифорнію) ихъ прибывало сюда по пятьсотъ—шестьсотъ человѣкъ въ мѣсяцъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—напр., въ центральной и въ южной Америкѣ—японскимъ эмигрантамъ до поры до времени рады; однако, едва ли не всюду рано или поздно наступаетъ моментъ, когда вдругъ поднимаются разговоры о «японской опасности» и требованія прекратить японскій наплывъ. То тутъ, то тамъ для японскихъ эмигрантовъ, какъ и для китайцевъ, вводятся разнаго рода ограничительныя правила; напр., устанавливается обязательство имѣть съ собой при въѣздѣ въ страну не меньше 2.500 франковъ наличныхъ денегъ. На почвѣ стремленія ограничить въѣздъ японцевъ создались-

было серьезныя недоразумѣнія между правительствомъ Канады и токійскимъ правительствомъ. Почти одновременно подобныя же недоразумѣнія, разыгравшіяся на почвѣ школьнаго вопроса въ Калифорніи [1]), едва не привели къ войнѣ между Японіей и Соединенными Штатами. Австралія весьма рѣшительно противодѣйствуетъ просачиванію въ нее «нечистыхъ элементовъ Дальняго Востока» и заранѣе уже предвидитъ день, когда «оружіе должно будетъ рѣшить, кто получитъ управленіе Австраліей и господство надъ Тихимъ океаномъ, бѣлые или желтые» [2]). Отсюда постепенная милитаризація демократичнѣйшей австралійской демократіи и ея сближеніе не только съ метрополіей, но и съ Соединенными Штатами.

Явленія подобнаго рода опредѣленно подсказываютъ великой азіатской державѣ, что успокаиваться на достигнутомъ нельзя, что нужно стремиться все впередъ и впередъ по пути усиленія какъ своей экономической, такъ и политической мощи. Лишь съ помощью послѣдней можно продвинуть избытокъ своихъ рабочихъ

---

[1]) Изъ 80.000 японцевъ, жившихъ въ 1906 г. въ С.-А. Соединенныхъ Штатахъ, 60.000 сосредоточивалось въ одной Калифорніи.

[2]) Labroue, H., op. cit., p. 105.

рукъ и капиталовъ туда, куда ихъ не пускаютъ добровольно. Только угрозой и примѣненіемъ оружія- можно добиться перехода подъ флагъ Восходящаго Солнца тѣхъ земель, которыя сулятъ новыя неисчерпаемыя блага для страны. И развѣ с л а б а я Японія сумѣла бы такъ удачно разрѣшить для себя «школьный инцидентъ» съ Калифорніей въ 1907 г.? Развѣ сумѣла бы она подчинить себѣ Китай и быть настолько полезной русскимъ во время нынѣ длящейся войны, чтобы они спокойно согласились на это подчиненіе? Любовью къ родинѣ, оружіемъ и деньгами создавались величіе и слава Японіи и сыны ея никогда не перестанутъ любить родину, оружіе и деньги. Во имя ихъ и отъ ихъ имени японское правительство ставитъ себѣ все новыя и новыя задачи, осуществляетъ все болѣе и болѣе грандіозные планы. Теперь уже подданнымъ микадо мало быть лишь «пруссаками Дальняго Востока»,—они хотятъ быть одновременно и американцами, и англичанами, и французами Дальняго Востока. Кличъ, звучащій вдоль всей Америки—«Америка для американцевъ»—они приспособили къ своимъ мѣстнымъ условіямъ и провозгласили: «Азія для азіатовъ». А когда въ рядѣ постепенныхъ модуляцій первый кличъ превратился въ требованіе гегемоніи Соединенныхъ Штатовъ надъ всѣмъ американ-

скимъ континентомъ, то и на крайнемъ востокѣ принялись за гармоническія упражненія. Получилось: «Азія для японцевъ».

Мы уже знаемъ опасенія, вызываемыя Ниппономъ у австралійцевъ. Ихъ земли слишкомъ близко расположены отъ Японіи, слишкомъ плодородны и важны не только въ колонизаціонномъ, но и стратегическомъ отношеніи, чтобы японцы не обратили на нихъ должнаго вниманія. То же самое относится въ одинаковой мѣрѣ и къ Новой Зеландіи.

Съ нѣкоторыхъ поръ одинъ вліятельный японскій журналистъ и политикъ, Такекоши Іозабуро, другъ и ученикъ графа Окумы, повелъ энергичную кампанію въ пользу расширенія Японіи за счетъ голландскихъ владѣній въ Тихомъ океанѣ. По его мнѣнію, для Японіи невозможно удержаться на азіатскомъ материкѣ; рано или поздно она будетъ вытѣснена оттуда, какъ были вытѣснены въ свое время англичане изъ Нормандіи. Будущее Японіи на морѣ и на островахъ. Не всѣ острова за Ріу-Кіу и Формозой принадлежатъ сильнымъ державамъ бѣлой расы. Великолѣпный Зундскій архипелагъ съ его жемчужиной, островомъ Явой, находится въ рукахъ голландцевъ, «державы десятаго ранга».— «Стратегическое значеніе Зундскаго пролива, между Явой и Суматрой, огромно... Обширные

голландскіе острова слишкомъ непропорціонально велики по сравненію съ маленькой Голландіей... Исторія учитъ, что сѣверныя расы побѣждаютъ южныя... Голландія владѣетъ этими островами триста лѣтъ и тамъ всего лишь 70.000 голландцевъ, тогда какъ мы владѣемъ Формозой какой-нибудь десятокъ лѣтъ и тамъ уже 110.000 японцевъ... Успѣхи голландцевъ на Явѣ слишкомъ медленны; они обнаруживаютъ отсутствіе всякаго духа предпріимчивости... Бюджетъ нидерландской Индіи даетъ дефицитъ... Положеніе туземцевъ не улучшается... Правительство не прилагаетъ никакихъ заботъ къ развитію цивилизаціи на этихъ островахъ. Рабство, въ которое голландцы обратили нѣкогда туземцевъ, нынѣ не существуетъ юридически, но на практикѣ все еще поддерживается»[1]). Такъ вѣруетъ и учитъ Такекоши Іозабуро и, по указанію освѣдомленныхъ лицъ, онъ не одинокъ,—его программа пользуется на родинѣ сочувствіемъ многихъ политиковъ, профессіональныхъ и непрофессіональныхъ.

Чрезвычайно высокъ авторитетъ японцевъ въ британской Индіи. Послѣ ихъ побѣды надъ Россіей—на берегахъ Инда и Ганга зазвучали голоса, призывающіе признать въ японцахъ

---

[1]) Labroue, H., op. cit., pp. 111—113.

опору и руководителей въ борьбѣ Востока съ ненавистнымъ ему Западомъ. Внезапное и быстрое возрожденіе Японіи къ славѣ и могуществу разсматривается индіанами, какъ примѣръ и поученіе, и окрыляетъ въ нихъ самыя радужныя надежды.—«Предположите,—писалъ въ 1905 г. предсѣдатель индійскаго комитета въ Лондонѣ,—что современный режимъ толкнетъ индійскій народъ на возстаніе. Пошлетъ ли Японія, согласно дѣйствующему договору, свою армію въ Индію, чтобы помочь Англіи расправиться съ индіанами? Не протянетъ ли она скорѣе, въ качествѣ азіатской державы, руку помощи индіанамъ въ ихъ борьбѣ за свободу?» Въ ближайшемъ году другой индіанинъ разразился слѣдующей характерной тирадой: «Къ намъ обращенъ призывъ притти на помощь голодающимъ въ Японіи. Японцы—азіаты. Они—самая великая изъ современныхъ азіатскихъ націй. Они—наши почитаемые братья. Мы связаны съ ними религіозными связями и горячей дружбой. Когда три или четыре года тому назадъ въ Индіи былъ страшный голодъ или когда въ Гималаяхъ произошло землетрясеніе, причинившее массу разрушеній, японцы пришли намъ на помощь. Теперь поможемъ мы имъ... Азіатское юношество, обучающееся въ японскихъ школахъ, образовало Союзъ Учащихся Востока. Мы, индіане,

живемъ мечтой о всеазіатской федераціи. Мы чувствуемъ живѣйшій интересъ ко всему, что касается Японіи. Подробности относительно этой страны, разсказываемыя индіанами, живущими въ Японіи и печатаемыя здѣсь въ журналахъ, читаются съ жадностью. Мы надѣемся, что то почитаніе, какое мы оказываемъ японцамъ, благодѣтельнымъ образомъ отзовется на индійскомъ характерѣ:—истинное почитаніе приводитъ къ наполненію души качествами обожаемаго предмета».

Со своей стороны японцы дѣлаютъ все, чтобы поддержать симпатіи къ нимъ британской Индіи. Они посвящаютъ ей многочисленныя статьи въ журналахъ, охотно допускаютъ индіанъ въ свои университеты, открываютъ въ своихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ каѳедры по изученію Индостана, посылаютъ въ Индію спеціальныя миссіи для выясненія ея экономическаго положенія и всячески пропагандируютъ въ своихъ коммерческихъ кругахъ идею усиленія торговаго общенія съ ней. А иногда они произносятъ рѣчи, внезапно обнаруживающія наиболѣе темныя глубины ихъ намѣреній и вызывающія отклики вполнѣ понятнаго протеста на берегахъ Темзы. Такъ, на банкетѣ Торговой Палаты въ Кобе графъ О к у м а говорилъ въ 1907 году: «Триста милліоновъ индіанъ, притѣсняемыхъ европей-

цами, ищутъ въ лицѣ Японіи защитницу противъ Европы. Индіане сорганизовываются, чтобы бойкотировать европейскіе товары. Если бы японцы пренебрегли столь прекраснымъ случаемъ, они обманули бы ожиданія индіанъ. Если бы они отказались использовать выгоды положенія, которыя небо посылаетъ имъ, они были бы наказаны за это... Съ давнихъ поръ Индія—страна сокровищъ. Александръ Великій набралъ оттуда столько богатыхъ даровъ, что нагрузилъ ими сто верблюдовъ. Аттила и Магометъ (?) обогатились не меньше. Почему бы и японцамъ не наложить руку на страну, разъ сами жители ея ихъ призываютъ?» [1]).

Въ Сіамѣ японское вліяніе постепенно начинаетъ вытѣснять вліяніе французское и даже англійское. Японія поставляетъ ружья и прочее военное снаряженіе для сіамской арміи. Лучшія сіамскія военныя суда построены въ Кобе. Воспитательницы въ императорской сіамской фамиліи и въ семействахъ бангкокской знати—японки. Двое изъ сіамскихъ министровъ въ 1908 г.—въ томъ числѣ и военный—японцы. Сіамская молодежь обучается въ высшихъ японскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Говоря словами сіамскаго министра, г. Итагуаки, «сіамцы

---

[1]) Labroue, H, op. cit, p. 129.

поняли, что Японія представляетъ собой именно ту державу, на которую они могутъ возлагать свои надежды» [1]).

Въ Китаѣ японцы заполнили всѣ книжные рынки большихъ городовъ своими изданіями, которыя искусно, настойчиво, а нерѣдко и съ поразительной прямолинейностью, прививаютъ сынамъ Небесной республики мнѣнія и убѣжденія, желательныя для имперіи Восходящаго Солнца. Въ 1911 г. японскіе университеты насчитывали въ своихъ стѣнахъ до четырехъ тысячъ китайскихъ студентовъ. Этими студентами японское правительство пользуется иногда, чтобы произвести то или иное давленіе на китайскія власти. Въ будущемъ они должны оказаться полезными въ качествѣ проводниковъ «японизма» въ Китай и потому токійское правительство весьма любезно съ ними. Съ другой стороны, Японія посылаетъ съ нѣкоторыхъ поръ своихъ профессоровъ для укомплектованія преподавательскаго кадра въ китайской высшей школѣ и охотно снабжаетъ сосѣда разнаго рода учеными спеціалистами, учителями иностранныхъ языковъ, совѣтниками для правителей областей. Постепенно японскіе офицеры замѣнили нѣмецкихъ въ должности инструкторовъ китайской

[1]) Ibid, p. 121.

арміи. Чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше японцы вмѣшиваются въ политическія движенія въ Китаѣ, и даже—въ движенія религіозныя.

Еще недавно въ Японіи, оказывается, можно было пріобрѣсти географическія карты, на которыхъ все восточно-азіатское побережье отъ Камчатки и до Владивостока окрашено въ тотъ же цвѣтъ, что и Японія, при чемъ надпись, идущая вдоль всего побережья, гласила: «владѣнія, которыя должны быть пріобрѣтены великой Японіей». Обращали вниманіе на этихъ картахъ и другія особенности: напримѣръ, на Охотскомъ морѣ красовалась надпись: «это море должно быть пріобрѣтено силой». Противъ Владивостока—пословица: «то, что ты пріобрѣлъ, тебѣ принадлежитъ, но не плохо пріобрѣсти и еще» [1]).

Наконецъ, японцы превосходно запомнили ту фразу, которая однажды вырвалась у профессора А б е-И з о и и въ которой Калифорнія называется «второй японской имперіей».

Если ко всему сказанному о Японіи прибавить, что въ японцахъ высоко развита національная гордость, что на всѣ другія націи они въ зависимости отъ обстоятельствъ смотрятъ то съ тайнымъ, то съ явнымъ пренебреженіемъ, что въ сердцахъ ихъ горитъ вѣра въ ихъ миссію пріобщить весь

[1]) Ibid., p. 255.

міръ къ плодамъ многовѣковой японской культуры, весь востокъ объединить подъ скипетромъ микадо и восторжествовать надъ «бѣлыми»,— если прибавить все это, то передъ нами предстанетъ законченная картина имперіализма яркаго и стремительнаго, типичнаго и вмѣстѣ своеобразнаго.

Въ отличіе отъ германскаго въ японскомъ имперіализмѣ меньше рефлексіи, книжнаго запаха и методы. Онъ подражателенъ. Но пусть это покажется парадоксомъ,—самое своеобразіе японскаго имперіализма, о которомъ только что упоминалось, какъ разъ заключается въ высокой степени его подражательности. Эта же подражательность обусловливаетъ и его типичность. Типичность и своеобразіе сочетались здѣсь, слѣдовательно, столь же оригинальнымъ, сколько и тѣснымъ образомъ.

Прослѣживая новѣйшую исторію страны столь быстро Восходящаго Солнца, нельзя не поражаться тому, съ какой энергіей, послѣдовательностью и съ какимъ искусствомъ японскіе государственные дѣятели проводятъ въ жизнь свои широкіе планы государственнаго строительства и съ какой охотой общественное японское мнѣніе поддерживаетъ ихъ въ ихъ начинаніяхъ.

Несомнѣнно, что въ своемъ развитіи япон-

скій имперіализмъ не успѣлъ еще дойти до той стадіи, до которой дошла ко дню великой войны Германія съ ея откровеннымъ стремленіемъ къ міровому владычеству, но кто можетъ предсказать будущее? Мы въ правѣ надѣяться, что горькій опытъ центрально-европейской имперіи чему-нибудь да научитъ имперію тихо-океанскую. Однако, чему именно? Вдругъ онъ вовсе не покажется ей горькимъ? Вдругъ только тотъ выводъ и сдѣлаютъ въ Японіи изъ современной міровой катастрофы, что при извѣстныхъ условіяхъ одно государство можетъ съ успѣхомъ воевать со всѣмъ міромъ?—И развѣ выводъ этотъ былъ бы совсѣмъ неправильнымъ и развѣ на основѣ его не позволительно было бы строить ту или иную реальную политическую программу?

IV.

Имперіализмъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

2 декабря н. с. 1823 г. пятый президентъ Соединенныхъ Штатовъ, Джемсъ Монро, писалъ въ своемъ очередномъ посланіи къ конгрессу:

— Американскія земли, въ силу пріобрѣтенной и поддерживаемой ими свободы и незави-

симости, не должны служить въ будущемъ колоніями для какой-либо изъ европейскихъ державъ.—Въ войны между европейскими государствами,—по крайней мѣрѣ, въ тѣ, которыя касаются ихъ однихъ,—Соединенные Штаты не вмѣшивались и не станутъ вмѣшиваться. Къ самозащитѣ они приготовились бы только въ томъ случаѣ, если бы оказались затронутыми и подверглись серьезной угрозѣ ихъ права или если бы имъ было нанесено оскорбленіе. Въ дѣлахъ своего полушарія Соединенные Штаты заинтересованы наиболѣе непосредственнымъ образомъ; политическій режимъ, господствующій въ Европѣ, совершенно отличенъ отъ американскаго политическаго режима, созданнаго цѣною великихъ жертвъ. Поэтому всякую попытку союзныхъ [1]) европейскихъ державъ распространить принципы своей политической системы на какую бы то ни было часть западнаго полушарія Соединенные Штаты стали бы разсматривать, какъ опасную для ихъ мира и благополучія (peace and safety).

Они не касались и не будутъ касаться европейскихъ колоній въ Америкѣ или тѣхъ американскихъ территорій, которыя уже находятся въ зависимости отъ европейскихъ державъ. Но

[1]) Т.-е. державъ, образовавшихъ Священный Союзъ.

они не могли бы не видѣть проявленія недружелюбнаго къ нимъ отношенія въ стремленіи какого-нибудь изъ европейскихъ государствъ подчинить себѣ или контролировать (американскія) правительства, объявившія свою независимость, поддерживающія ее и признанныя правительствомъ СоединенныхъШтатовъ.—«Мы не будемъ—заканчиваетъ М о н р о,—вмѣшиваться во внутреннія дѣла ни одного изъ европейскихъ государствъ. Всякое фактическое правительство мы будемъ разсматривать какъ законное; будемъ стремиться къ установленію дружественныхъ отношеній со всѣми державами; будемъ поддерживать эти отношенія съ помощью политики открытой, твердой и мужественной, считаясь прежде всего и при всѣхъ обстоятельствахъ со справедливыми притязаніями каждаго изъ государствъ, но и не терпя никакой несправедливости. Что же касается американскихъ земель, то здѣсь, очевидно, обстоятельства складываются совершенно иначе. Распространить свою политическую систему на какую бы то ни было часть этого континента для союзныхъ державъ невозможно, не нанося ущерба нашему миру и нашему благополучію; въ особенности, поскольку нельзя предполагать, чтобы наши южные братья, предоставленные самимъ себѣ, по доброй волѣ приняли вмѣшательство какой-нибудь державы. Слѣдо-

вательно, невозможно и то, чтобы мы могли съ безразличіемъ относиться къ вмѣшательству подобнаго рода, въ какой бы формѣ оно ни проявлялось» [1]).

Это и есть знаменитая «доктрина Монро», которая вотъ уже почти сто лѣтъ признается за офиціальную основу внѣшней политики величайшей изъ заатлантическихъ республикъ. Но было бы ошибкой думать, что въ названной доктринѣ было высказано нѣчто новое для американскихъ политиковъ и американскаго народа:— всѣ утвержденные въ ней принципы неоднократно провозглашались въ Соединенныхъ Штатахъ и раньше. Такъ, еще В а ш и н г т о н ъ въ своемъ прощальномъ посланіи къ конгрессу въ 1796 г. настаивалъ на опасности для Америки политическаго сближенія со Старымъ Міромъ. «Основное правило нашего поведенія по отношенію къ чужимъ (европейскимъ) націямъ,—писалъ онъ,— должно заключаться въ томъ, чтобы при расширеніи торговыхъ сношеній имѣть съ ними какъ можно меньше политическихъ связей» [2]). Въ ближайшемъ 1797 г. преемникъ Вашингтона,

---

[1]) H i r a m B i n g h a m: «The Monroe Doctrine. An obsolete chibboleth». 1913, p. 119—121.

[2]) J u n g e, F. E. «Amerikanische Wirtschafts politik». Berlin, 1910, s. 264.

Джефферсонъ, мечталъ уже объ «огненномъ океанѣ между Америкой и Старымъ Свѣтомъ». А еще четверть столѣтія спустя онъ же предсказывалъ: «Недалекъ день, когда мы формально проведемъ по океану пограничный меридіанъ, раздѣляющій оба полушарія; по эту сторону меридіана никогда не будутъ слышны европейскіе выстрѣлы, а по ту сторону не услышатъ американскихъ». Когда на зарѣ девятнадцатаго вѣка заговорили о переходѣ Луизіаны отъ Испаніи къ Франціи, правительство Соединенныхъ Штатовъ приложило всѣ усилія, чтобы разстроить намѣтившуюся комбинацію. Совершенно въ духѣ позднѣйшаго монроизма представитель республики въ Англіи заявлялъ тогда: «Мы не протестуемъ противъ того, чтобы обѣ Флориды остались у Испаніи. Но мы не желаемъ, чтобы онѣ перешли къ кому-нибудь, кромѣ насъ». Какъ извѣстно, дѣло кончилось тѣмъ, что въ 1803 г. Наполеонъ за 15 милліоновъ долларовъ уступилъ Луизіану Соединеннымъ Штатамъ. Приблизительно то же повторилось въ 1811 г. въ связи съ вопросомъ о продажѣ Восточной Флориды Испаніей Англіи. Президентъ Мадисонъ предложилъ тогда конгрессу заявить, что «Соединенные Штаты не могли бы видѣть безъ серьезнаго безпокойства перехода какой-нибудь части сосѣдней территоріи, въ ко-

торой они съ разныхъ точекъ зрѣнія глубоко и по справедливости заинтересованы, изъ рукъ Испаніи во владѣніе другой державы».

Вполнѣ позволительно поэтому усматривать въ доктринѣ Монро исконную основу внѣшней политики Соединенныхъ Штатовъ, коренящуюся въ самомъ характерѣ американской націи и въ глубочайшемъ существѣ ея правовыхъ и политическихъ идеаловъ. За все послѣдующее время лишь въ немногихъ случаяхъ вашингтонское правительство отступало отъ началъ національной доктрины, точнѣе—обходилось безъ ссылки на нихъ; обычно же духъ пятаго президента самъ собой, безъ всякаго вызова, появлялся вмѣстѣ съ каждой крупной тучей на политическомъ горизонтѣ республики и успѣшно дѣлалъ свое привычное дѣло. Каждый изъ позднѣйшихъ президентовъ считалъ и считаетъ своимъ долгомъ расписаться въ своей горячей приверженности «священнымъ традиціямъ», связаннымъ съ именемъ Монро, а Рузвельтъ даже заявилъ однажды, что преданъ имъ «душой и тѣломъ» [1]).

[1]) Въ рѣчи, произнесенной въ 1903 г. въ Чикаго, въ Auditorium Theatre. См. Sa-Vianna: «De la non-existence d'un droit international américain».—Rio de Janeiro. 1912, p. 264. Ср. В. Н. Александренко: «Внѣшняя политика С.-А Штатовъ и ученіе Монроэ»—Журн. Мин. Юст. 1903 г. № 4, с. 145.

Если во время парламентскихъ выборовъ борющіяся политическія партіи въ Соединенныхъ Штатахъ вполнѣ сходятся на чемъ-нибудь, то это именно на пунктѣ о внѣшней политикѣ. Такъ, во время кампаніи 1900 г. республиканская партія настойчиво подчеркивала свою «приверженность доктринѣ Монро во всемъ ея объемѣ», между тѣмъ какъ воззванія демократовъ гласили: «Доктрина Монро въ ея первоначальномъ видѣ, вмѣстѣ со всѣми разъясненіями и дополненіями всѣхъ послѣдующихъ президентовъ, представляетъ собой давнюю путеводную нить для внѣшней политики Соединенныхъ Штатовъ и должна всегда поддерживаться»[1]).

Въ чемъ секретъ подобнаго успѣха монроизма у себя на родинѣ понять нетрудно: вѣдь очень легко можетъ показаться, что если въ условіяхъ современной жизни осуществима подлинно демократическая внѣшняя политика, то она осуществима лишь согласно рецептамъ, сведеннымъ въ одно цѣлое президентомъ Монро. Только съ ихъ помощью для страны сохраняется возможность дальнѣйшаго свободнаго развитія безъ покушенія на свободу другихъ странъ. Только они способны уничтожить въ корнѣ всякій импе-

---

[1]) Arch. Cary Coolidge: «Die Vereingten Staaten als Weltmacht», p. 102.

ріализмъ, не допускать до захватныхъ войнъ, подготовить воцареніе вѣчнаго мира. Вполнѣ естественно, что одна изъ самыхъ передовыхъ демократій міра—американская—въ своемъ неизмѣнномъ стремленіи высоко держать знамя демократизма причислила выдвинутую ею же доктрину Монро къ главнѣйшимъ членамъ символа демократической вѣры и отстаиваетъ ее со всей прямолинейностью и со всѣмъ жаромъ, какіе только возможны въ условіяхъ практической дѣйствительности [1]).

И тѣмъ не менѣе объ имперіализмѣ Соединенныхъ Штатовъ приходится говорить съ такимъ же основаніемъ, съ какимъ говорится о германскомъ или японскомъ имперіализмѣ. Слѣдовательно, и доктрина Монро и весь американскій демократизмъ оказались безсильными бороться съ тѣмъ, на чьей сторонѣ «геній времени». Геній времени требуетъ уплотненія междуна-

---

[1]) Ср. Hiram Bingham, оцѣнку и характеристику интересующей насъ доктрины, сдѣланную видн ымъ государственнымъ дѣятелемъ Соед Штатовъ статсъ-секретаремъ Mr. Root: «it crystallized the sentiment for human liberty and human rights which has saved American idealism from the demoralization of narrow selfishness, and has given to American democracy its true world power in the virile petency of a great example» Op cit., pp. 4—5.

родныхъ связей, безразлично культурныхъ ли, экономическихъ ли, или же политическихъ; между тѣмъ доктрина Монро несомнѣнно вела къ изоляціи Соединенныхъ Штатовъ и всей Америки отъ государствъ Стараго Міра. Геній времени покровительствуетъ только сильнымъ государствамъ; между тѣмъ доктрина Монро хотѣла, чтобы Соединенные Штаты управляли судьбами всего американскаго континента, не становясь сильными. Что же касается американскаго демократизма, то какъ ни чистъ и ни возвышенъ онъ, онъ менѣе всего пригоденъ для борьбы съ требованіями времени. Сами американцы открыто признаютъ, что для нихъ главное практика, а не теорія. Принципы принципами, а интересъ интересомъ. Не будь доктрина Монро выгодна для нихъ, они, конечно, отказались бы отъ нея. Но доктрина Монро американцамъ выгодна. Вѣдь запрещая европейскимъ государствамъ усиливаться на американскомъ континентѣ, она именно на Соединенные Штаты возлагаетъ обязанность слѣдить за всѣмъ, что дѣлается въ Америкѣ. Во имя свободы малыхъ американскихъ государствъ она предоставляетъ Соединеннымъ Штатамъ разрѣшать въ Америкѣ одно и запрещать другое, по своему усмотрѣнію. Тѣмъ самымъ открываются пути для водворенія гегемоніи Соединенныхъ Штатовъ надъ всей Амери-

кой, для растворенія интересовъ Америки въ интересахъ Соединенныхъ Штатовъ. Характерно и то, что американская демократія поклоняется доктринѣ Монро «вмѣстѣ съ разъясненіями и дополненіями всѣхъ послѣдующихъ президентовъ». Стоитъ прослѣдить, что это за разъясненія и дополненія, какъ тотчасъ же станетъ очевидною постепенная «имперіализація» американской демократіи, ея національно-государственный эгоизмъ, ея внѣшне-политическіе аппетиты. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ ряда волшебныхъ измѣненій, связанныхъ съ именами Полька, Дэвиса, Гранта, Ольнея и др., первоначальное ученіе Монро пришло къ тому, что стало оправдывать рѣшительно все, ведущее къ усиленію Штатовъ, до широкихъ колоніальныхъ пріобрѣтеній М. Кинлея и до милитаризма Рузвельта включительно.

Однажды, въ связи съ конфликтомъ, возникшимъ въ 1895 г. между Англіей и Венецуэлой, во время котораго заатлантическая республика вдругъ энергично забряцала плоховатымъ еще оружіемъ, государственный секретарь Соединенныхъ Штатовъ, Ольней, заявилъ: «Врядъ ли можетъ существовать сомнѣніе въ томъ, что длительная политическая связь между европейскимъ и амери-

канскимъ государствами, раздѣленными тремя тысячами миль океана, неестественна и нецѣлесообразна»[1]). Напротивъ, всѣ американскія государства, и сѣверныя и южныя, «въ силу ихъ географической близости, ихъ естественной симпатіи, сходства ихъ политическихъ режимовъ, являются въ коммерческомъ и политическомъ отношеніи друзьями и союзниками Соединенныхъ Штатовъ. Позволить какому-нибудь европейскому государству наложить руку на одно изъ нихъ значило бы разстроить это положеніе вещей и пожертвовать всѣми преимуществами, вытекающими для насъ изъ этихъ естественныхъ отношеній». И дальше: «Въ настоящее время Соединенные Штаты поистинѣ представляютъ собой суверена американскаго континента и воля ихъ обладаетъ силой закона тамъ, гдѣ они считаютъ нужнымъ свое вмѣшательство. Почему? Не потому, что ихъ одушевляетъ безкорыстная дружба; не потому также, что они достигли весьма высокой ступени цивилизаціи или что дѣйствія ихъ неизмѣнно

[1]) Въ виду имѣлась Англія и ея колоніальныя владѣнія въ Америкѣ.

преисполнены мудрости, права и справедливости. Помимо всѣхъ другихъ мотивовъ причина здѣсь та, что грандіозность ихъ рессурсовъ вмѣстѣ съ изолированностью дѣлаютъ ихъ господами положенія, практически позволяя имъ быть неуязвимыми ни для какого другого государства, ни даже для всѣхъ другихъ государствъ, объединившихся вмѣстѣ» [1]).

Врядъ ли можно поставить надъ і точки болѣе жирныя и характерныя, чѣмъ то сдѣлалъ въ только что приведенной интерпретаціи монроизма статсъ-секретарь О л ь н е й. Тайное въ старомъ ученіи стало явнымъ, а то, что прежде настойчиво выдвигалось на передній планъ—черты высокаго международнаго идеализма,—какъ-то само собой стушевалось и перестало быть сколько-нибудь убѣдительнымъ. И если опредѣленіе доктрины Монро, какъ impertinence internationale, сдѣланное Б и с м а р к о м ъ, попрежнему остается слишкомъ рѣзкимъ, то все же вполнѣ понятными становятся тѣ многочисленныя нападки на нее, которыя раздаются время отъ времени даже въ самихъ Соединенныхъ Штатахъ и которыя стремятся отнять у нея всякій ореолъ святости и

---

[1]) P a t o u i l l e t, op. cit., pp. 260—61. Ср. Hiram Bingham, p. 24.

возвышенности. Изъ врага имперіализма она превратилась въ его покорнѣйшаго слугу. Изъ защитницы свободы американскихъ народовъ—въ орудіе подчиненія ихъ Соединеннымъ Штатамъ.

Быть гибкой и эластичной—обязанность всякой политической доктрины. Но монроизмъ, умудренный долголѣтнимъ житейскимъ опытомъ, пріобрѣлъ исключительную приспособляемость къ любымъ политическимъ условіямъ, умѣнье покрывать своимъ авторитетомъ рѣшительно все, что угодно. И въ концѣ концовъ это относится не только къ позднѣйшимъ видоизмѣненіямъ доктрины, не только къ «псевдо-монроизму», но и къ монроизму первоначальному, ортодоксальному. При внимательномъ анализѣ въ самомъ существѣ доктрины вскрывается какая-то раздвоенность, расщепленность, чтобы не сказать двуличность. Она хочетъ утвердить новое правовое сознаніе. Какое? Такое, съ помощью котораго американскій континентъ былъ бы поставленъ въ совершенно особое положеніе по сравненію съ остальнымъ міромъ: съ этой точки зрѣнія интересующая насъ доктрина хочетъ быть основой спеціальнаго американскаго международнаго права. Но международное право, которое не охватывало бы всего міра, есть несомнѣнная юридическая и логическая нелѣпость.

Правда, въ связи со все усиливающимся панамериканскимъ движеніемъ и рядомъ панамериканскихъ конференцій въ Америкѣ много говорится объ американскомъ международномъ правѣ, основанномъ на доктринѣ Монро. Особенно горячо заинтересованы въ этомъ вопросѣ южно-американскія государства, для которыхъ онъ самымъ непосредственнымъ образомъ связанъ съ вопросомъ объ ихъ подчиненіи или неподчиненіи великой сѣверной республикѣ. Но если одни изъ представителей южно-американской правовой и политической мысли, какъ чилійскій профессоръ А. Альварецъ, привѣтствуютъ въ монроизмѣ «выраженіе воли всего континента къ тому, чтобы Европа не примѣняла на немъ принциповъ Стараго Міра» [1]), то другіе, вмѣстѣ съ бразиліанскимъ ученымъ Са-Віанна, усматриваютъ въ немъ «единственное непреодолимое препятствіе къ вполнѣ искреннему и прочному сближенію между латинскими республиками (Америки) и республикой англосаксонской» [2]). Стало быть, даже и въ качествѣ основы особаго американскаго международнаго

---

[1]) A. Alvarez: «Le droit international américain.— Son fondement. Sa nature». Paris, 1910, pp. 138, 139

[2]) Sa-Vianna, op. cit., p. 265.

права монроизмъ вызываетъ противъ себя возраженія. Замѣтимъ, что только что приведеннымъ замѣчаніемъ, направленнымъ противъ ученія Монро, Са-Віанна не ограничивается, а подробно доказываетъ, почему, съ его точки зрѣнія, самая идея международнаго американскаго права «ошибочна», «несостоятельна», «смѣшна», «ретроградна» и «безсодержательна» [1]). На 4-ой международной американской конференціи съ полнымъ основаніемъ возражалъ противъ идеи такого права и аргентинскій министръ иностранныхъ дѣлъ Родригесъ Ларрета.— «Я не думаю,—говорилъ онъ въ заключительномъ засѣданіи,—чтобы существовало американское международное право. Я полагаю, что существуетъ лишь одно право между цивилизованными народами и что съ тѣхъ поръ, какъ американскія республики были приглашены на Гаагскія конференціи, мы должны обсуждать всѣ вопросы совмѣстно со всѣми народами земного шара» [2]).

Однако, главный недостатокъ доктрины Монро, пожалуй, не въ томъ, что она приводитъ къ несостоятельной идеѣ сепаратнаго международнаго права. Значительно хуже то, что, стремясь

---

[1]) Ibid., pp. 82—83.
[2]) Ibid., pp. 282—3.

стать правомъ, она не находитъ для своего обоснованія никакихъ солидныхъ правовыхъ аргументовъ и ограничивается одними политическими. Можетъ даже показаться, что правовая сторона вопросовъ вовсе не интересуетъ автора посланія; иначе почему самое названіе международнаго права ни разу не употребляется имъ? Даже и то, что всего естественнѣе было бы брать въ правовомъ разрѣзѣ, Монро беретъ въ разрѣзѣ чисто политическомъ, а термины «политика», «политика Соединенныхъ Штатовъ», «политическая система» мелькаютъ чуть ли не на каждой строчкѣ посланія. Это, конечно, не случайность.

Исключивъ изъ своей аргументаціи всѣ правовые мотивы, Монро вполнѣ послѣдовательно сталъ опираться въ первую очередь на такой аргументъ, который въ области политики всегда долженъ признаваться однимъ изъ сильнѣйшихъ: на аргументъ интересовъ своей страны. Если Соединенные Штаты берутся говорить отъ имени всѣхъ американскихъ государствъ, то потому, что во всемъ, касающемся Америки, они «съ необходимостью являются наиболѣе непосредственно заинтересованными». Если они считаютъ нужнымъ протестовать противъ примѣненія принциповъ европейской политики на американскомъ континентѣ, то опять-таки постоль-

ку, поскольку это представлялось бы «опаснымъ для ихъ мира и благополучія». Если бы европейскія государства не обратили должнаго вниманія на предупрежденія изъ Вашингтона и попробовали бы оказать давленіе на какую-нибудь изъ центральныхъ или южно-американскихъ республикъ, то здѣсь сказалось бы «враждебное настроеніе» по отношенію къ Соединеннымъ Штатамъ (а не нарушеніе международнаго права). Въ дальнѣйшемъ ходѣ посланія еще и еще говорится о безопасности, мирѣ и благополучіи Соединенныхъ Штатовъ, какъ о той высшей и предѣльной цѣли, ради которой, повидимому, возникла доктрина.

Не случайность, наконецъ, и то, что національная американская доктрина избрала для своего воплощенія форму годичнаго посланія президента къ конгрессу, а не какую-либо болѣе торжественную и болѣе подходящую для провозглашенія международныхъ принциповъ. Какъ извѣстно, фактическій авторъ посланія, статсъ-секретарь Адамсъ, усердно настаивалъ на томъ, чтобы сдѣлать изъ составленной имъ записки манифестъ и въ этомъ видѣ направить ее къ представителямъ европейскихъ державъ. Извѣстно также, почему президентъ Монро не согласился на предложенія своего министра и будущаго преемника: онъ побоялся, чтобы по-

добное выступленіе не подняло въ Европѣ слишкомъ большого шума и не вызвало съ ея стороны рѣшительнаго отпора. Узко-политическое существо доктрины потребовало, такимъ образомъ, и особой политичности при ея провозглашеніи.

Въ Европѣ такъ и отнеслись къ заокеанской «доктринѣ», какъ къ обычному политическому ходу, и забыли о ней тотчасъ же, едва измѣнилась международная обстановка, послужившая поводомъ для ея провозглашенія [1]). Только въ самомъ концѣ прошлаго столѣтія о ней вспомнили тамъ опять и съ этихъ-то только поръ она и стала «знаменитой» [2]).

Итакъ, доктрина Монро хотѣла быть основой подлинно демократической внѣшней политики, но ни къ чему особенно демократическому не привела. Хотѣла создать новое право, но никакого права не создала. Взялась защищать

[1]) Конкретными поводами для провозглашенія въ концѣ 1823 г. ученія Монро были: а) боязнь стремленій Священнаго Союза не только возстановить въ угоду легитимистскимъ принципамъ Фердинада на испанскомъ престолѣ, но и вернуть Испаніи отложившіяся отъ нея американскія колоніи; б)конфликтъ съ Россіей изъ-за указа имп. Александра I (1821 г.), опредѣлявшаго южную границу русскихъ владѣній въ Америкѣ 51° сѣверной широты, а не 55-мъ, какъ хотѣлось бы американцамъ.

[2]) Ср. A. C o o l i d g e, op. cit., p. 96.

всѣ американскіе народы, но очень скоро обнаружила, что ее интересуютъ лишь сорокъ восемь звѣздочекъ на флагѣ Соединенныхъ Штатовъ. Наконецъ, мечтала уберечь родную страну отъ соблазновъ имперіализма и не уберегла.—Причины подобныхъ результатовъ мы уже указали: во-первыхъ, въ самой доктринѣ ясно просвѣчивала двойственность намѣреній; во-вторыхъ, лучшіе ея идеалы оказались въ открытомъ противорѣчіи съ требованіями міровой исторіи; въ-третьихъ, по необходимости была бита ставка на демократичность. Если подразумѣвать подъ демократической политикой политику безусловно справедливую и альтруистичную, то таковая—дѣло еще очень и очень отдаленнаго будущаго, и американская демократія, безусловно передовая и просвѣщенная, искренно преданная миру и довольная тѣмъ, что имѣетъ, меньше всего виновата въ неудачномъ исходѣ добровольнаго испытанія. Да и самая идея безусловно справедливой политики, по существу своему, внутренно противорѣчива и наталкивается на серьезныя возраженія: гдѣ рѣчь идетъ о б е з у с л о в н о й справедливости, тамъ не только политика, но даже и п р а в о должно чувствовать себя весьма неловко.

Слѣдовательно, гораздо болѣе удивительнымъ оказалось бы, если бъ вдругъ подъ вліяніемъ

традиціонной политической доктрины народъ Соединенныхъ Штатовъ осуществилъ невозможное и теперь же водворилъ бы на громадномъ кускѣ земли царство политической справедливости, чѣмъ то, что онъ пошелъ дорогою всѣхъ другихъ большихъ и великихъ народовъ.

Вотъ нѣкоторые изъ этаповъ этой дороги:

Съ первыхъ лѣтъ девятнадцатаго вѣка и вплоть до войны съ Испаніей въ 1898 г., помимо добровольнаго присоединенія къ союзу нѣкоторыхъ новыхъ членовъ, Соединенные Штаты увеличили свой территоріальный составъ съ помощью слѣдующихъ земель: Луизіаны, купленной, какъ уже указывалось, у Франціи въ 1803 г.,—Флориды, купленной у Испаніи въ 1819 г.,—Сѣв. Мэна, уступленнаго Англіей въ 1842 г.,—Техаса, присоединеннаго въ 1845 г.,—Орегона, уступленнаго Англіей же въ 1846 г.,—Новой Мексики и Калифорніи, перешедшихъ отъ Мексики въ 1848 г.,—Месильи, купленной также у Мексики въ 1853 г.,—Аляски, купленной у русскихъ за гроши въ 1867 г. съ надеждой, что не всегда путь къ ней изъ Штатовъ будетъ вестіі черезъ чужія (англійскія), а не свои владѣнія,—наконецъ, архипелага Санъ-Хуанъ, уступленнаго Англіей въ 1872 г. Вмѣстѣ съ основными землями Штатовъ это составляетъ площадь въ 3.026.789 англійскихъ кв. миль или 6.896.950 кв. верстъ.

Въ противоположность Японіи и Германіи населеніе въ Соединенныхъ Штатахъ не только не густое, но до сихъ поръ еще легко принимаетъ въ себя громадное количество эмигрантовъ. Въ послѣдній періодъ передъ войной ихъ прибывало въ Штаты свыше 800.000 ежегодно, а въ 1905, 1906, 1907 и 1910 гг.—свыше милліона. И хотя такимъ образомъ населеніе великой сѣверо-американской республики уплотняется весьма быстро, все же ни о какомъ перенаселеніи ея не можетъ быть здѣсь рѣчи и не оно составляетъ причину сѣверо-американскаго имперіализма. Краткія цифровыя справки устанавливаютъ это обстоятельство съ полнѣйшей несомнѣнностью.

Общее количество населенія въ Соединенныхъ Штатахъ [1]):

въ 1800 г.	5.308.483	чел.
» 1860 »	31.443.321	»
» 1890 »	62.947.714	»
» 1900 »	75.994.575	»
» 1910 »	91.972.266	»
» 1912 »	105.293.970	»

Если сопоставить количество населенія Соединенныхъ Штатовъ съ величиною ихъ земельной

---

[1]) Въ позднѣйшіе годы—вмѣстѣ съ населеніемъ колоній.

площади, то для 1910 г. получится, что на одной кв. милѣ въ среднемъ живетъ въ нихъ всего-на-всего 30,9 человѣкъ, тогда какъ въ Бельгіи—661, въ Англіи—615 [2]), въ Японіи—374, въ Германіи—311. Изъ крупныхъ государствъ только Турція, да Россія населены еще рѣже, чѣмъ Соединенные Штаты. Въ Турціи на 1 кв. милю приходится 21 чел., а въ Россіи—19 чел.

На путь округленія государственной территоріи толкали великую американскую республику прежде всего интересы государственной безопасности и государственнаго процвѣтанія, а также, въ виду неразрывной связи одного съ другимъ, и экономическіе интересы. Необходимо было: исключить возможность усиленія въ западномъ полушаріи другихъ государствъ,—до предѣльнаго минимума сократить вліяніе въ Америкѣ европейскихъ державъ,—создать для Штатовъ удобныя естественныя границы. Что же касается экономическихъ преимуществъ расширенія государства, то они не могли не быть очевидными, во всемъ совпадая съ общегосударственными интересами.

Тѣсное взаимодѣйствіе политическихъ и экономическихъ интересовъ привело въ концѣ кон-

---

[2]) Для Англіи, какъ Соединеннаго Королевства, плотность населенія—374 чел. на 1 кв. милю.

цовъ Соединенные Штаты къ пріобрѣтенію Гавайскихъ острововъ, Порто-Рико, Филиппинъ, Самоанскихъ и Вестъ-Индскихъ острововъ, къ установленію протектората надъ Кубой и суверенитета въ области Панамскаго канала.

Уже Джефферсонъ мечталъ о Кубѣ и разсматривалъ ее какъ «самое интересное присоединеніе», которое Соединенные Штаты могли бы когда-либо сдѣлать. — «Контроль, — разсуждалъ великій американскій дѣятель,—который этотъ островъ вмѣстѣ съ Флоридой давалъ бы намъ надъ Мексиканскимъ заливомъ и прилегающими областями и перешейкомъ, а также надъ землями, рѣки которыхъ впадаютъ въ заливъ, вполнѣ обезпечилъ бы наше колоніальное процвѣтаніе» [1]). Въ 20-хъ годахъ Адамсъ доказывалъ уже, что Куба должна подпасть подъ власть Соединенныхъ Штатовъ въ силу того же естественнаго закона тяготѣнія, въ силу котораго яблоко, оторвавшись отъ вѣтки, падаетъ подъ яблоню [2]). Въ 1854 г. на конференціи въ Остенде уполномоченные Соединенныхъ Штатовъ заявляли, что «Куба такъ же необходима Сѣверо-Американской республикѣ, какъ и любой изъ ея членовъ, и естественно принадлежитъ къ вели-

---

[1]) Patouillet, op. cit, p. 72.

[2]) Ibid., p. 73.

кой семьѣ государствъ, составляющихъ Союзъ»[1]). Много разъ Соединенные Штаты предлагали Испаніи продать имъ «перлъ большого Антильскаго архипелага», изъ котораго они сдѣлали бы «самый богатый и самый плодородный островъ во всемъ мірѣ». Съ предложеніями о продажѣ они обращались, напр., въ 1851, 1859, 1868 гг. Однако, Испанія неизмѣнно отвѣчала отказомъ. Постепенно между Кубою и Соединенными Штатами установились обширныя торговыя сношенія, она начала въ большомъ количествѣ поставлять имъ сахаръ, кофе и табакъ, которыхъ они не имѣли у себя и въ которыхъ весьма нуждались.—Чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше стало выясняться для американцевъ стратегическое значеніе крупнѣйшаго изъ Антильскихъ острововъ, которымъ Испанія не умѣла разумно управлять и который рано или поздно все равно долженъ былъ выскользнуть изъ ея рукъ. Возстаніе, вспыхнувшее на Кубѣ въ 1895 г. и затянувшееся на долгіе мѣсяцы, окончательно выяснило безсиліе испанцевъ удержать островъ въ своемъ подчинсніи. Къ тому же испанцы съ давнихъ поръ проявляли въ обращеніи съ туземнымъ населеніемъ такую жестокость, которая не могла не вызвать возмущенія въ Сое-

[1]) Ibid, p. 74.

диненныхъ Штатахъ. Всѣ нужныя условія оказались налицо и вотъ, послѣ короткой войны съ Испаніей въ 1898 г., великая Сѣверо-Американская республика устаназливаетъ надъ Кубой свой протекторатъ.

Весьма отчетливо сознавало вашингтонское правительство значеніе для своей страны Филиппинъ. Помимо громадныхъ естественныхъ богатствъ—лѣсныхъ, минеральныхъ, и чрезвычайнаго плодородія почвы,—Филиппины представляютъ собой исключительно важную по своему мѣстоположенію морскую базу, одновременно стратегическую и торговую. Упустить ихъ для Соединенныхъ Штатовъ значило бы навсегда потерять точку опоры въ восточной части Тихаго океана. Напротивъ, обладаніе ими давало американцамъ возможность укрѣпиться вблизи отъ южнаго Китая и Индокитая, на томъ оживленномъ морскомъ пути, по которому совершается плаваніе кораблей между Кобе, Шанхаемъ, Гонконгомъ, Сингапуромъ и Австраліей.— Согласно постановленію Парижскаго мирнаго трактата, подведшаго итоги испано-американской войны, американцы получили и Филиппины.

Если для Соединенныхъ Штатовъ существенно было обладать Кубой и Филиппинами, то тѣмъ болѣе существеннымъ должно было явиться для

нихъ обладаніе Панамскимъ каналомъ. Съ прорытіемъ и съ переходомъ его подъ ихъ власть Соединенные Штаты сразу пріобрѣтали громадное вліяніе въ Тихомъ океанѣ и во много разъ усиливали значеніе своего военнаго флота, открывая совершенно новыя перспективы и для флота торговаго. Клейтонъ-Бульверовскимъ договоромъ 1850 г. надзоръ за будущимъ каналомъ передавался Соединеннымъ Штатамъ совмѣстно съ Англіей. Новые договоры 1901 и 1903 гг. (Гэ-Понсфотъ и Гэ-Варилья), заключенные съ Англіей и съ отторгнувшеюся отъ Колумбіи Панамской республикой, дали, наконецъ, Соединеннымъ Штатамъ то, чего они такъ добивались: право безконтрольнаго распоряженія и территоріальное верховенство надъ самымъ каналомъ, надъ обоими его берегами въ предѣлахъ пяти англійскихъ миль въ ширину и надъ конечными пунктами его на Великомъ и Атлантическомъ океанахъ.

Намъ нѣтъ необходимости останавливаться на значеніи для Соединенныхъ Штатовъ Гавайскихъ острововъ, перешедшихъ къ нимъ еще во время войны съ Испаніей,—Порто-Рико,—Тутуилы, полученной вмѣстѣ съ нѣсколькими мелкими Самоанскими островами въ 1899 г. на основаніи соглашенія съ Германіей и Англіей,—Вестъ-Индскихъ острововъ, покупка

которыхъ у Даніи была одобрена американскимъ сенатомъ въ февралѣ 1917 года. Намъ нужно было показать только то, что въ силу разнообразныхъ политическихъ, стратегическихъ и экономическихъ основаній Соединенные Штаты оказались вынужденными вступить на путь широкихъ колоніальныхъ пріобрѣтеній и постепенно все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе порывать съ первоначальнымъ смысломъ своей излюбленной внѣшне-политической доктрины.

Но не только въ пріобрѣтеніи колоній сказалось расхожденіе новѣйшей политики Соединенныхъ Штатовъ съ монроистскими традиціями и тяготеніе ихъ къ соблазнамъ имперіализма. Оно сказалось еще и въ другомъ отношеніи: вмѣсто того, чтобы отгородиться отъ Европы огненнымъ океаномъ, какъ о томъ мечтали Джефферсонъ и Монро, позднѣйшія поколѣнія американцевъ вступили съ ней въ самое тѣсное общеніе, стали предпринимать совмѣстно съ европейцами общія политическія выступленія, а иногда и просто вмѣшиваться въ европейскія дѣла. Не говоря уже о томъ, что представители Соединенныхъ Штатовъ присутствовали на первой мирной конференціи въ Гаагѣ [1]) и были

[1]) На ней представители Соед. Штатовъ принимали участіе лишь въ обсужденіи вопроса о вооруженіяхъ.

иниціаторами второй, приходится вспомнить ихъ участіе въ Берлинской конференціи 1885 г., посвященной вопросу о Конго, и авторитетное содѣйствіе улаженію остраго марокканскаго вопроса на Алхезирасской конференціи 1906 г. [1]). Вмѣстѣ съ европейскими державами и Японіей американцы принимаютъ участіе въ подавленіи боксерскаго движенія въ Китаѣ 1900 г., въ 1905 г. они выступаютъ посредниками при заключеніи мира между Россіей и Японіей. Въ 1909 г. ими предлагается проектъ нейтрализаціи Манчжурской желѣзной дороги. Хотя Соединенные Штаты не имѣли рѣшительно никакого отношенія къ Берлинскому конгрессу 1878 г., тѣмъ не менѣе именно они, ссылаясь на постановленія этого конгресса, заявили протестъ противъ притѣсненія евресвъ въ Румыніи. Точно такъ же они протестовали противъ еврейскаго погрома 1903 г. въ Кишиневѣ и противъ вырѣзыванія армянъ курдами въ Турціи.

Нынѣ длящаяся война съ особенною наглядностью показала заинтересованность сѣверс-

---

Къ конвенціи объ арбитражѣ они присоединились съ оговоркой, что будутъ примѣнять ее лишь постольку, поскольку съ этимъ не связанъ отказъ ихъ отъ «традиціонной политики».

[1]) Ср «La Vie politique dans les deux Mondes», publ. sous la dire t, de A. Viallate. Paris, 1908, t. I, p. 521.

американской республики въ международныхъ отношеніяхъ европейскаго міра. Всѣмъ еще памятна, навѣрное, нота президента В. Вильсона отъ 5/18 декабря 1916 г., обращенная къ воюющимъ странамъ.—Народъ Соединенныхъ Штатовъ въ ней прямо выставляется такимъ, «интересы котораго въ высшей степени серьезно затронуты войной» и который сознаетъ «явную необходимость установить мѣры для обезпеченія этихъ интересовъ на случай продолженія войны». Черезъ мѣсяцъ послѣ первой ноты всѣмъ воюющимъ и нейтральнымъ государствамъ была разослана вашингтонскимъ правительствомъ вторая, а при ней текстъ заявленія, сдѣланнаго Вильсономъ въ сенатѣ 9/22 января 1917 г. Въ этомъ знаменательномъ заявленіи значилось, между прочимъ: «Я пользуюсь настоящимъ случаемъ, гг. сенаторы, чтобы открыть передъ вами свои мысли и намѣренія относительно долга, который возлагаютъ на наше правительство грядущіе дни, когда придется проектировать и создавать совершенно новыя основанія для международнаго мира. Нельзя допустить мысли, чтобы Соединенные Штаты не приняли участія въ этомъ великомъ дѣлѣ. Мы считаемъ себя нарочито подготовленными для нашей роли въ этомъ дѣлѣ. Насъ готовили къ этому какъ общіе принципы

и цѣли всей нашей политики, такъ и установившіеся у нашего правительства методы дѣйствій съ тѣхъ поръ, какъ мы основали новую націю во имя возвышенной и благородной надежды служить человѣчеству свѣточемъ на пути къ свободѣ. Нынѣ безъ ущерба для нашей чести мы не можемъ отказаться отъ исполненія требуемаго отъ насъ долга... Наша задача заключается ни болѣе, ни менѣе, какъ въ томъ, чтобы придать нашъ престижъ и наше могущество къ престижу и могуществу другихъ націй въ обезпеченіе мира и справедливости всему міру... Я предлагаю, чтобы всѣ націи, по общему соглашенію, приняли доктрину президента Монро въ качествѣ міровой нормы, а именно,—чтобы ни одна нація не стремилась къ распространенію своего господства надъ другой, но чтобы каждому народу было предоставлено право свободнаго самоопредѣленія, а также право слѣдованія по избранному имъ пути развитія безъ препятствій и безъ угрозъ слабымъ такъ же, какъ и сильнымъ».

Стоитъ сличить смыслъ первоначальнаго текста посланія Монро съ тѣмъ, какой придаетъ

ему въ своемъ заявленіи президентъ Вильсонъ, чтобы убѣдиться въ едва ли не полномъ отсутствіи между ними чего-либо общаго. А если къ этому прибавить, что черезъ два съ половиною мѣсяца послѣ приведеннаго заявленія своего президента Соединенные Штаты оказались въ состояніи войны съ Германіей, то разница между тѣмъ, чѣмъ была монроистская доктрина и во что она превратилась, дѣлается особенно разительной.

Есть старинныя иконы, которыя столько разъ реставрировались за свою долгую жизнь, что на молящихся смотритъ ликъ уже только похожій на прежній, но не имѣющій ни одной подлинной черты прежняго. Есть и другой типъ старинныхъ иконъ: первоначальное письмо на нихъ замазано совсѣмъ, а сверху изображена новая икона съ иными святителями, иной манеры письма. Если современные американцы полагаютъ, что ихъ новѣйшій монроизмъ—икона перваго рода, они жестоко ошибаются: все, рѣшительно все въ немъ стало новымъ, а манера письма въ особенности. Мечты о монроизмѣ въ качествѣ «міровой нормы» могли родиться лишь много спустя послѣ того, какъ толстый слой событій и перемѣнъ навсегда замазалъ первоначальный ликъ національно-американскаго политическаго вѣроученія: «Америка для американ-

цевъ», «Америка для Соединенныхъ Штатовъ», но зато и ничего, кромѣ Америки. Теперь совсѣмъ иначе. Не споримъ,—здѣсь, быть можетъ, случилось то, что столь рѣдко случается съ записанными церковными иконами: здѣсь новое изображеніе оказалось не только не хуже, но какъ-будто даже лучше прежняго. Пусть лучше. А все-таки совершенно иное по сравненію съ прежнимъ.

Наиболѣе рѣзкій переломъ въ политическомъ самосознаніи американцевъ связанъ все съ тѣмъ же 1898 годомъ и все съ той же испано-американской войной. Быстрая и легкая побѣда надъ непріятелемъ, блестящія дѣйствія совершенно еще молодого военнаго флота, великолѣпные результаты мирнаго трактата, масса вновь открывшихся радужныхъ перспективъ впереди,—все это опьянило народъ Соединенныхъ Штатовъ и опьяненнымъ толкнуло къ дверямъ совершенно новой жизни.

Одинъ иностранный посолъ въ Вашингтонѣ отмѣчалъ въ 1900 г., что за свое весьма недолгое пребываніе въ Сѣверо-Американской республикѣ онъ встрѣтилъ въ ней два совершенно различныхъ народа: одинъ—наканунѣ войны, другой—тотчасъ же послѣ войны. И дѣйствительно: въ 1867 г. сенатъ Соединенныхъ Штатовъ отклонилъ предложенный ему на утвержденіе договоръ объ аннексіи о-ва Св. Ѳомы, черезъ три года такая же

участь постигла и проектъ присоединенія республики Санъ-Доминго, а въ 1893 г. президентъ Клевлендъ самъ вынужденъ былъ взять обратно проектъ о присоединеніи Гавайскихъ острововъ. Что касается послѣднихъ передъ испано-американской войной президентскихъ выборовъ, то они проходили всецѣло подъ лозунгами внутренней политики, лишь въ весьма слабой степени затрогивая вопросы политики внѣшней. Выборъ палъ на В. Макъ-Кинлея, работавшаго по преимуществу надъ развитіемъ американской промышленности и являвшагося авторомъ новаго покровительственнаго тарифнаго закона. Иностранной политикой новый кандидатъ интересовался такъ же мало, какъ и любой другой изъ американскихъ гражданъ, и освѣдомленностью въ ней врядъ ли могъ гордиться хотя бы со сколько-нибудь достаточнымъ основаніемъ. И этому отнюдь не приходится удивляться, если знать, что даже среди представителей Соединенныхъ Штатовъ при иностранныхъ державахъ сплошь и рядомъ бывали лица, весьма мало искушенныя въ тайнахъ дипломатіи и столь же мало обладающія необходимыми для дипломата свѣдѣніями[1]). Также и консульская

[1]) Только въ Англію неизмѣнно назначались люди, дѣйствительно опытные и знающіе.

часть была поставлена настолько неудовлетворительно, что въ 1906 г. потребовалась самая рѣшительная ея реорганизація. Что же касается иностраннаго отдѣла въ американскихъ газетахъ, то до послѣдняго времени онъ питался почти исключительно англійскими источниками, изъ нихъ же заимствуя заодно и всѣ тѣ выводы, которые приходилось дѣлать по международнымъ вопросамъ на основаніи разнаго рода фактовъ.

Послѣ войны все это сразу рѣшительнымъ образомъ измѣнилось. «Вся нація,—говоритъ К у л и д ж ъ,—пробудилась къ новой жизни. Возникло убѣжденіе, что прежнюю обособленную жизнь вести далѣе уже нельзя, что и Соединенные Штаты должны принять участіе во всемірной жизни, даже если бы для этого пришлось пожертвовать старыми идеалами. При невозможности вернуться къ прошлому приходилось итти впередъ, и американцы съ радостью обратились къ новымъ интересамъ и къ новымъ обязанностямъ. Въ полномъ самосознаніи приготовились они встрѣтиться съ новыми трудностями и сдѣлаться во всѣхъ отношеніяхъ пригодными къ своему новому положенію въ качествѣ міровой державы» [1]).

---

[1]) C o o l i d g e, op. cit., p. 129.

Уже въ посланіи отъ 2 декабря н. с. 1902 г. президентъ Рузвельтъ съ полной ясностью констатируетъ рѣшительную перемѣну въ международномъ положеніи своей страны: «Вопреки нашему желанію,—пишетъ онъ,—ходъ событій привелъ насъ въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ къ участію въ міровомъ равновѣсіи. Хотимъ мы того или нѣтъ, но мы пришли къ такому пункту нашего развитія, когда намъ приходится играть существенную роль въ общемъ концертѣ» [1]).

Для новой роли потребовался новый идейный реквизитъ и онъ не замедлилъ явиться. Знакомые уже съ имперіализмомъ Германіи и Японіи, мы невольно можемъ склониться къ предположенію, что реквизитъ этотъ прибылъ въ Америку изъ названныхъ странъ,—настолько много общаго въ современныхъ американскихъ настроеніяхъ съ настроеніями германскими и японскими. Но несомнѣнно, что американскія имперіалистическія настроенія глубоко національны и чужды иноземныхъ вліяній. Просто, —одинаковыя, въ общемъ, причины порождаютъ и одинаковыя слѣдствія.

«Надъ законнымъ патріотизмомъ гражданъ свободной націи,—сообщаетъ А. Озеръ,—воз-

---

[1]) Patouillet, op. cit, p. 198.

высился шовинизмъ неудержный, вызывающій, дерзкій. Спеціальная пресса,—газеты съ огромнымъ тиражемъ, — называемая желтой прессой, стремится укрѣпить эти чувства. Она прославляетъ поборниковъ политики «орла съ развернутыми крыльями». По всякому поводу и безъ всякаго повода она заставляетъ звучать національный гимнъ: «Флагъ, усѣянный звѣздами». Она требуетъ, чтобы этотъ флагъ появлялся всюду, чтобы всюду ему принадлежало первое мѣсто. Въ томъ убѣжденіи, что Америка есть величайшая изъ націй, что американскіе законы лучшіе изъ всѣхъ законовъ, «желтый» начинаетъ вѣрить, что земной шаръ не будетъ счастливъ впредь до того дня, когда «звѣзды и полосы» [1]) зарѣютъ, наконецъ, надъ всѣми пространствами. Его мечты не ограничиваются «янкизаціей» Новаго континента, но требуютъ «американизаціи» всего міра» [2]).

Америка,—восклицаетъ католическій американскій епископъ Айрлендъ—будетъ «царицей, побѣдительницей, госпожей и учительницей грядущихъ вѣковъ» [3]).

«Всюду, гдѣ развѣвается нашъ флагъ,—го-

[1]) Флагъ Соединенныхъ Штатовъ.

[2]) Henri Hauser: «L'impérialisme américain». Paris, 1905, p. 94.

[3]) Ibid.

ворилъ въ свое время одинъ изъ сенаторовъ Соединенныхъ Штатовъ, настаивая на аннексіи Гавайскихъ острововъ,—по праву ли завоеванія или же на основаніи согласія народа, позволившаго водрузить его, флагъ нашъ долженъ оставаться. А та партія или тѣ люди, что предлагаютъ убрать его, должны будутъ считаться съ подавляющей массой американской націи, сознающей, что это лучшій флагъ лучшаго изъ существующихъ правительствъ, что онъ способенъ принести странѣ, надъ которой развѣвается, больше мира и процвѣтанія, чѣмъ любой другой флагъ любого другого правительства»[1]).

Патріотизмъ американцевъ,—точь-въ-точь такой же, какъ патріотизмъ любого другого сильнаго народа,—совершенно несомнѣненъ. То обстоятельство, что около половины населенія Соединенныхъ Штатовъ люди пришлые или родились отъ пришельцевъ-родителей, нисколько не препятствуетъ развитію и укрѣпленію этого патріотизма. Америка умѣетъ давать людямъ то, чего имъ хотѣлось отъ нея,—свободу, деньги, трудъ и удобства,—и вполнѣ естественно, что они платятъ ей не только преданностью, но и любовью. Въ очень многихъ книгахъ объ Америкѣ и американцахъ приводится выдержка

[1]) Ibid., p. 95.

изъ рѣчи Р. Гюнтера, гражданина штата Висконсинъ, по происхожденію нѣмца, который отъ имени нѣмецкихъ иммигрантовъ въ Америкѣ говорилъ въ періодъ обострения вопроса о Самоа: «Нашъ долгъ мы сознаемъ такъ же хорошо, какъ и любой другой классъ американскихъ гражданъ. Мы будемъ работать для нашего отечества въ мирное время и будемъ сражаться за него во время войны, если такое время когда-нибудь наступитъ. Когда я говорю: наше отечество, я подразумѣваю наше новое отечество. Я подразумѣваю Американскіе Соединенные Штаты. Послѣ того, какъ мы прошли черезъ горнило натурализаціи, мы уже больше не нѣмцы: мы—американцы. Привязанность наша къ Америкѣ не должна измѣряться длительностью нашего пребыванія въ ней. Мы сдѣлались американцами съ того самаго момента, когда впервые коснулись американской почвы, и останемся ими, пока не ляжемъ въ американскія могилы. Мы будемъ сражаться за Америку столько разъ, сколько это понадобится. Америка всюду и всегда. Америка противъ Германіи, Америка противъ всего міра; Америка правая или неправая... Мы—американцы»[1]).

---

[1]) Ср. Th. Roosevelt «American Ideals» —Ch. «True Americanisme», p. 74, фр. пер. «L'idéal améri-

Громадную роль въ созданіи американскаго патріотизма играетъ американская общественная школа. Представители любой расы, любого происхожденія и общественнаго положенія посылаютъ въ нее своихъ дѣтей, и они, обучаясь тамъ всѣ вмѣстѣ, проникаются американскимъ духомъ и становятся истыми американцами. Во время занятій надъ зданіемъ школы вывѣшивается національный американскій флагъ, который школьники каждое утро обязаны привѣтствовать.

Малѣйшимъ фактамъ изъ исторіи Соединенныхъ Штатовъ, такой короткой и несложной, въ американской школѣ придается чрезвычайное значеніе. Учениковъ обучаютъ пѣнію національнаго американскаго гимна.

Но не только патріотизмъ характеренъ для Соединенныхъ Штатовъ новѣйшей имперіалистической современности, для нихъ характерно и ярко выраженное тяготѣніе къ націонализму. Созданіе крѣпкаго національнаго (а не только политическаго) единства ощущается въ Америкѣ, какъ очередная и насущная задача, надъ разрѣшеніемъ которой приходится работать съ

---

cain». Paris, 1904, pp. 34—5.—P a t o u i l l e t, op. cit., p. 89. Здѣсь приведенныя слова ошибочно приписачы Рузвельту.—H a u s e r, op. cit., p. 42.

тѣмъ большей энергіей, что въ конечномъ счетѣ она не слишкомъ трудна. Рузвельтъ, одинъ изъ наиболѣе яркихъ выразителей чаяній и устремленій новѣйшаго американскаго имперіализма, понялъ эту задачу съ особенной отчетливостью и неустанно говоритъ и пишетъ о ней.

Въ главѣ объ «истинномъ американизмѣ» своей книги, посвященной «Американскимъ Идеаламъ», Рузвельтъ высказываетъ несокрушимую увѣренность, что «среди всѣхъ націй земли американская нація представляетъ собой такую, которая держитъ въ своихъ рукахъ судьбу будущихъ лѣтъ». Но для этого ей необходимо сдѣлаться «единой великой націей, исключающей патріотизмъ мѣстный и частный» [1]). Въ былыя эпохи провинціальный патріотизмъ,—«патріотизмъ деревни или колокольни»,—погубилъ античныя греческія республики, итальянскія республики среднихъ вѣковъ. Въ позднѣйшее время онъ же погубилъ маленькія нѣмецкія государства и привелъ къ постыднымъ междуусобицамъ въ тѣхъ испанскихъ колоніяхъ, которымъ удалось сбросить съ себя испанское иго. Но если «патріотизмъ деревни или коло-

---

[1]) Roosevelt, Th.: «L'Idéalaméricain», pp. 19, 20.

кольни плохъ, то отсутствіе всякаго патріотизма еще хуже». Съ этой точки зрѣнія Рузвельтъ рѣшительно возстаетъ противъ склонности нѣкоторыхъ коренныхъ американцевъ къ европеизаціи. «Совершенно очевидный фактъ,— говоритъ онъ,— что тѣ изъ нашихъ соотечественниковъ, которые считаютъ все американское за нѣчто низшее, обладаютъ органической слабостью своихъ моральныхъ или мыслительныхъ свойствъ, какъ бы высока ни была ступень ихъ интеллектуальной культуры. Широкая народная масса, въ которой патріотизмъ силенъ, духъ которой здоровъ и крѣпокъ, имѣетъ право взирать на этихъ слабыхъ ренегатовъ съ презрѣніемъ на половину гнѣвнымъ, на половину насмѣшливымъ» [2]). Нѣсколько ниже авторъ прибавляетъ: «Не забудемъ, что эти существа никогда не сдѣлаются настоящими европейцами; переставъ быть американцами, они становятся ничѣмъ». Что же касается иммигрантовъ, то ихъ необходимо «американизировать всѣми способами и въ отношеніи языка, и принциповъ, и политическихъ идей, и взглядовъ на взаимоотношеніе между церковью и государствомъ». «Мы охотно принимаемъ нѣмца или ирландца, которые становятся американцами.

---

[2]) Ibid., p. 23.

Но намъ нѣтъ дѣла до нѣмца или ирландца, которые остаются, чѣмъ были». «Громадный притокъ иммигрантовъ принесъ намъ много хорошаго и много плохого, и торжество хорошаго или плохого зависитъ отъ того, отдадутся ли новые пришельцы душой и тѣломъ нашей національной жизни и перестанутъ ли быть европейцами, чтобы сдѣлаться американцами, какъ мы» [1]).

Наблюдатели современной американской жизни единогласно констатируютъ, что процессъ американизаціи европейцевъ происходитъ въ Соединенныхъ Штатахъ чрезвычайно быстро: Общій укладъ американской жизни требуетъ немедленнаго приспособленія къ себѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ настолько своеобразенъ, что приспособиться къ нему значитъ почти то же, что переродиться. Измѣняется не только моральная физіономія иммигранта, но даже какъ-будто и физическая структура, выраженіе лица, манера держаться. У англичанъ въ Америкѣ быстро измѣняется произношеніе. А когда иммигрантъ-американецъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пребыва́нія въ Штатахъ, рѣшаетъ посмотрѣть мѣста, въ которыхъ онъ родился и выросъ, прежніе соотечественники съ трудомъ узнаютъ

[1]) Ibid., pp. 26—28.

его. Во второмъ поколѣніи американизація уже оказывается полною [1]).

Если ненависть къ людямъ другой расы—къ «цвѣтнымъ»—въ Америкѣ не уменьшается, а временами даже и увеличивáется, то въ извѣстной степени причиной здѣсь является, повидимому, то, что съ ними невозможно общенаціональное объединеніе, что они служатъ препятствіемъ къ нему.

Американцы превосходно сознаютъ перемѣны, происшедшія за послѣдніе годы въ ихъ національномъ самосознаніи и характерѣ. Они не скрываютъ отъ себя и того, что, превратившись въ народъ имперіалистовъ, они, какъ всякіе имперіалисты, перестали быть столь же симпатичными для своихъ близкихъ и дальнихъ сосѣдей, что и прежде. Однако, американцы находятъ для себя цѣлый рядъ оправданій и утѣшеній: ихъ имперіализмъ, такъ утверждаютъ они, неагрессивенъ и немилитаристиченъ. Шансы на какое бы то ни было военное осложненіе съ иностранными державами, такъ думали они еще совсѣмъ недавно, чрезвычайно малы [2]). Американскій имперіализмъ носитъ исключительно

---

[1]) Ср. H. Hauser, op. cit., p. 36.

[2]) Th. Roosevelt: «La Vie intense». Paris (Trad.), p. 239.

экономическій характеръ и сводится лишь къ широкому экономическому проникновенію въ чужія страны. Онъ насквозь проникнутъ идеей мира, а идеалъ вѣчнаго мира для него одинъ изъ самыхъ священныхъ. Идею мира всегда лелѣялъ американскій народъ, теперь же она еще болѣе дорога для него [1]). Не онъ ли заключилъ въ 1913—15 гг. до 30 договоровъ объ арбитражѣ («мирные договоры») съ разными странами, изъ которыхъ въ настоящее время уже свыше 15 ратифицированы и вошли въ дѣйствіе и которые допускаютъ обращеніе къ оружію между договаривающимися сторонами лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ [2])?

Когда въ Вашингтонѣ и Нью-Іоркѣ зашевелились первыя мысли о необходимости для Америки вмѣшаться въ великую войну, нынѣ длящуюся, едва ли не во всѣхъ сорока восьми штатахъ запѣли:

I did not rise my boy to be a soldier
I did not rise my dog to be a sausage [3]).

---

[1]) Ibid., pp. 27, 31—2, 192, 214.

[2]) Ср. Chr. Lange: «Les traités de paix américains — Textes complets des traités avec une introduction et un commentaire».—Kristiania, 1916.

[3]) «Я не для того ростилъ моего мальчика, чтобы сдѣлать изъ него солдата
«Я не для того ростилъ мою собаку, чтобы она пошла на сосиски».

И если, наконецъ, американцы вмѣшались все же въ войну, то лишь послѣ долгой и серьезной душевной борьбы [1]).

Но одно дѣло миролюбивыя настроенія, а совершенно иное необходимость вооружиться. Въ той самой рѣчи въ Чикаго, въ которой Рузвельтъ признавался въ своей преданности «душой и тѣломъ» ученію Монро, президентъ Соединенныхъ Штатовъ говорилъ также: «Я предпочелъ бы видѣть, что мои соотечественники безповоротно отреклись отъ доктрины Монро, чѣмъ то, что они ее провозглашаютъ, защищаютъ и тѣмъ не менѣе не хотятъ создать достаточной военной силы, которая въ конечномъ счетѣ одна только въ состояніи заставить уважать ее тѣ изъ сильныхъ иностранныхъ государствъ, интересъ которыхъ заключался бы въ нарушеніи ея... Если американская нація будетъ говорить мягко, но въ то же время будетъ строить и поддерживать на уровнѣ

---

[1]) Объ американскихъ настроеніяхъ передъ выступленіемъ см. I. Guess: «L'Amérique réaliste et la Guerre» («La grande Revue», 1916, Nov., pp. 90—123).—M. Herrick: «Les Etats Unis et la Guerre» (Rev. bleue 1916, № 3).—Will Irwin:, «L'Attitude des Etats-Unis et la Guerre» (ibid., №№ 10, 11).—P. Louis: «Le plus Grand des Neutres» (ibid., № 10).

самой высокой дисциплины флотъ, вполнѣ готовый встрѣтиться лицомъ къ лицу со всякими событіями, то доктрина Монро пойдетъ далеко» [1]).

Не правда ли характерно? Но еще характернѣе, безъ сомнѣнія, то, что приведенныя слова не случайно вырвались изъ устъ пылкаго американскаго политика-имперіалиста: въ этомъ же самомъ смыслѣ онъ неоднократно высказывался и раньше и послѣ. Мысль, что «флотъ представляется самой вѣрной гарантіей мира, которою только обладаютъ Соединенные Штаты» [2]), что имъ «необходимо безостановочно строить и поддерживать могучій военный флотъ», [3])—вообще одна изъ любимыхъ и постоянныхъ мыслей Рузвельта.

Пока еще рано говорить о Соединенныхъ Штатахъ, какъ о милитаристическомъ государствѣ, но что они весьма быстро милитаризируются—совершенно очевидно изъ сопоставленія нѣкоторыхъ статистическихъ данныхъ. До 1898 г. военные кредиты въ Соединенныхъ Штатахъ не

---

[1]) «La Vie politique dans les deux Mondes» t. I, p. 519.

[2]) Sa-Vianna: «De la non-existence d'un droit international américain», p. 264

[3]) Ibid. Ср. Roosevelt: «La Vie intense», p. 15: Докладъ въ Чикаго въ 1899 г.

превышали 20—24 милліоновъ долларовъ, въ 1900 г. они достигаютъ уже 80.430.204 долл., а въ 1902 переходятъ за 115 милліоновъ [1]). Одновременно принимается рядъ законодательныхъ мѣръ къ качественному улучшенію сухопутныхъ воѣнныхъ силъ страны, т-е. той милиціи, которая въ войнѣ со слабой Испаніей зарекомендовала себя далеко не съ выгодной стороны и которая на будущее время внушала весьма серьезныя опасенія. Предпринимаются шаги къ созданію кадровъ офицеровъ, достаточно обученныхъ и пригодныхъ къ руководительству арміей. Поднимается вопросъ о введеніи постоянной арміи. Закономъ 14 февраля 1903 года учреждается генеральный штабъ. Впрочемъ, съ 1903 по 1913 гг. бюджетъ арміи опять нѣсколько понижается, но зато неукоснительно продолжаетъ расти бюджетъ флота, главнаго защитника страны отъ внѣшнихъ враговъ.

Личный составъ флота Соединенныхъ Штатовъ за десятилѣтіе 1903—1913 гг. увеличился съ 41.043 чел. до 72.500 человѣкъ. Это увеличеніе стоитъ въ одномъ ряду съ цифрами одновременнаго увеличенія личнаго флотскаго состава въ двухъ другихъ типично имперіалистическихъ странахъ, въ Германіи и Японіи, и

[1]) Patouillet, op. cit., p. 151.

рѣзко отличается отъ цифръ, показываемыхъ Россіей, Англіей, Франціей.

	Англія.	Франція.	Россія.
1903 г.	127 468	53 500	**64.050**
1913 г.	146 414	64.500	**53.500**[1])
Увеличеніе въ 1913 г. по сравненію съ 1903 г.	14,90%	20,56%	—19,71%[2])

	Германія.	Сѣв. Штат.	Японія.
1913 г.	35 854	**41.043**	30 200
1903 г.	73 115	**72.500**	50.000
Увеличеніе въ 1913 г. по сравненію съ 1903 г.	104,00%	76,64%[3])	65,56%

Приступая къ войнѣ съ Германіей, Соединенные Штаты поспѣшили ввести у себя, какъ извѣстно, обязательную воинскую повинность и дѣятельно принялись за увеличеніе своей мощи, сухопутной, морской и воздушной. Согласно газетнымъ свѣдѣніямъ, черезъ нѣкоторое время заатлантическая республика окажется въ состояніи выставить противъ врага сухопутную армію до 10.000.000 человѣкъ, выпустить противъ

---

[1]) Пониженіе стоитъ въ непосредственной связи съ разгромомъ нашего флота во время войны 1904—05 гг.

[2]) Обращаемъ вниманіе на знакъ минуса, стоящій передъ цифрой 19,71%.

[3]) Б. Ишханянъ, цит. соч., сс. 219, 220.

него подъ облака десятки тысячъ аэроплановъ[1]), въ противовѣсъ его подводнымъ лодкамъ погрузить въ морскія волны сотни своихъ подводныхъ лодокъ.

Создается, такимъ образомъ, весьма солидная военная сила, которая врядъ ли позволитъ національной американской психологіи остаться такою же, какой она была раньше. Всякая сила обязываетъ и вліяетъ. Всякая крупная военная сила немыслима безъ подходящей психологической атмосферы. Но если уже и раньше въ основѣ американскихъ вооруженій лежалъ старинный, но до сихъ поръ реальный лозунгъ: «хочешь мира—готовься къ войнѣ»;—если именно ради скорѣйшаго водворенія международнаго мира выступили Соединенные Штаты на сторонѣ противогерманской коалиціи;—если несомнѣнно, что ихъ военное усиленіе автоматически поведетъ за собой усиленіе вооруженій по другую сторону Тихаго океана,—то спрашивается: развѣ въ будущемъ великая американская республика перестанетъ хотѣть мира? Яснѣе говоря, развѣ она перестанетъ и впредь готовиться къ войнѣ?

---

[1]) Въ концѣ сентября, с. 1917 г., согласно сообщенію министра финансовъ Беккера, въ постройкѣ уже находилось 20.000 аэроплановъ. «Рус. Сл.», отъ 27 сент. 1917 г. № 220.

Въ первые полтора года развитія безпримѣрной міровой катастрофы въ Америкѣ доминировали голоса, указывавшіе на невыгодность для Соединенныхъ Штатовъ вмѣшательства въ войну. Постепенно, однако, въ общемъ сознаніи сталъ утверждаться другой мотивъ: «мы стали слишкомъ богаты, насъ начнутъ презирать». Бывшій американскій посолъ въ Парижѣ, М. Т. Г е р р и к ъ, пишетъ: «Нужно подняться выше матеріальныхъ интересовъ, выше политическихъ партій, нужно вдохновиться идеалами, вдохновлявшими основателей нашей націи» [2]). Вотъ тѣ идеалистическія настроенія, которыя въ значительной степени подготовили американское выступленіе противъ Германіи. Это парадоксъ исторіи, но парадоксъ частый: «крестъ и мечъ—одно». Духовные запросы націи, ясное или неясное ощущеніе ею нѣкой, лежащей на ней исторической миссіи (какъ любитъ говорить Р у з в е л ь т ъ), приводятъ къ войнамъ съ такой же необходимостью, какъ и экономическія требованія народовъ, требованія суровой борьбы за существованіе. Впрочемъ, мы уже имѣли случай говорить объ этомъ, какъ о чертѣ, характерной для всякаго имперіализма.

Въ заключеніе нѣсколько самыхъ общихъ и

---

[2]) M T Herrick, op. cit Ср Guess, op. cit.

самыхъ краткихъ свѣдѣній о хозяйственномъ положеніи Соединенныхъ Штатовъ, поскольку оно характерно для ихъ международнаго положенія.

По даннымъ Гельферихa, національное достояніе интересующей насъ страны въ концѣ перваго десятилѣтія нынѣшняго вѣка достигало 500 милліардовъ марокъ противъ 290-320 мрд. національнаго достоянія Германіи, 230-260 — Великобританіи, 232-5 — Франціи [1]). По даннымъ, приводимымъ Н. А. Бородинымъ, въ 1912 г. оно составляло 107.104.212.000 долларовъ [2]), а согласно Н. Колайани, уже въ 1900 г. выражалось въ суммѣ до 555 милліардовъ франковъ (лиръ) [3]). Такимъ образомъ, абсолютно Соединенные Штаты представляютъ собой самую богатую изъ всѣхъ странъ. Если разложить общее ихъ богатство на каждую душу населенія, то въ такомъ случаѣ первенство ей придется уступить, повидимому, Англіи и Франціи. Однако, здѣсь статистическія выкладки спеціалистовъ расходятся довольно рѣзко:

---

[1]) Ишханянъ, цит. соч., с 317.

[2]) Н. А. Бородинъ, «Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты и Россія». Петрогр. 1915 г. сс. 212—13.

[3]) Colajani, op. cit, p. 392.

	По Гельферіху на одного жителя въ маркахъ.	По Колайани то же въ лирахъ.	
Франція	5924	6525	(въ 1908 г.)
Великобританія.	5100—5800	8625	(въ 1909 г.)
Соед. Штаты. . .	**5500**	**6790**	(въ 1900 г.)
Германія	4500—4900	6700	(въ 1908 г.)

Чрезвычайно высоко стоитъ въ Соединенныхъ Штатахъ промышленность. Для выясненія высоты ея развитія по сравненію съ другими странами въ достаточной мѣрѣ показательна слѣдующая таблица [1]):

Добыто:	Россія.	Австро-В.	Герман.	Франція.	Великобрит.	С Штаты.
Камен.-уголя мил. пуд	1.510,6.	2.094,0	13.552,2.	2.354,7	16.148,0	26.812,5 [2]).
На 1 душу нас.	8,1.	4,6.	209.	59,4.	359.	290.
Стали мил. пуд	202,7	151,1.	916,9.	224,0.	400,8	14 68,5.
На 1 душу нас.	1,2.	2,6	12,9	5,4.	8,9	17,6.
Чугуна милл. п.	219,1.	127,9.	932,9.	269,3.	602,9.	1.466,9.
На 1 душу нас.	1,3.	2,4.	14,0.	6,3.	14,1.	18,3.

Приведенныя цифры относятся къ 1911 г. Согласно новѣйшимъ даннымъ, 1916 годъ далъ въ Соединенныхъ Штатахъ рекордъ добычи желѣзной руды. Добыча ея достигла 75.000.000 тоннъ брутто, оцѣниваемыхъ приблизительно въ 180.000.000 долларовъ, что превосходитъ до-

---

[1]) Н. А. Бородинъ, цит. соч., с. 197.

[2]) Увеличеніе добычи угля въ трехъ главнѣйшихъ въ этой области странахъ за время съ 1886 г. по 1911 г. таково. Великобританія и Ирландія на 72,6%; Германія на 218,1%, Соед. Штаты на 336,6%%.

бычу предыдущаго года по вѣсу на 20 милл. тоннъ, а по стоимости на 40% [1]).

Если взять цифры, спеціально относящіяся къ обрабатывающей промышленности въ Америкѣ, то станетъ очевиднымъ, что она развивается тамъ съ чрезвычайной стремительностью. Въ 1870 г. предметовъ фабрично-заводской промышленности было изготовлено въ Соединенныхъ Штатахъ на 4.232.000.000 долларовъ, въ 1910 г.—на 20.672.000.000 долл., при чемъ за послѣднее десятилѣтіе (1900—1910) увеличеніе выразилось въ суммѣ 7.633.000.000 долл.

Соединенные Штаты страна трестовъ и картелей:

Годы	Число промышл. соединеній.	Капиталъ и задолженность ихъ.	Чистый доходъ ихъ.
1909	262,490	83,705 579 448 долл.	3.125 481.101
1910	270.202	88.601.766.527	3 360.250.000
1911	288.352	92 230 675 886	3 213.707 247 [2])

Что касается американской торговли, то и она развивается весьма быстро, при чемъ балансъ ея неизмѣнно остается въ высшей степени благопріятнымъ для государства:

---

[1]) Телегр. изъ Нью-Іорка (П.А.), «Русское Слово» отъ 11 авг. 1917 г. (№ 183).

[2]) Возможно, что цифры двухъ послѣднихъ рубрикъ %% на 25 превышаютъ дѣйствительныя Ср. Н. А. Бородинъ, цит. соч., сс. 237–238.

Въ милл. дол	1910 г	1911 г.	1912 г.	1913 г.	1914 г.	1915 г.
Ввозъ	849.	1.556	1 653.	1.793	1.789.	1.779
Вывозъ	1 370.	1 710	2.170	2 384	2 113.	3 547[1]).

Соединенные Штаты обычно не считаются страной, особенно стремящейся къ накопленію денежныхъ капиталовъ. Въ смыслѣ откладыванія сбереженій, по общему мнѣнію, эта страна значительно уступаетъ Великобританіи. Однако, въ 1912 г. количество выпущенныхъ здѣсь цѣнныхъ бумагъ достигло 2.253.000.000 долл. противъ 1.050.000.000 долл. въ Великобританіи. Самая высокая цифра вложенныхъ когда-либо въ предпріятія капиталовъ въ Великобританіи падаетъ на 1910 годъ; а именно: 1.335.000.000 долл., т.-е. на 900.000.000 долл. меньше наиболѣе высокой цифры Соед. Штатовъ.—«Соединенные Штаты,—говоритъ Н. А. Бородинъ,—въ отношеніи сбереженій превосходятъ всѣ другія страны, потому что богатство возрастаетъ у нихъ всѣхъ быстрѣе. Вполнѣ справедливо, что американскій народъ не въ состояніи истратить своихъ доходовъ. При убыткахъ въ національныхъ финансахъ, исчисленныхъ въ 300.000.000 долл., и такихъ же убыткахъ въ финансахъ штатовъ и мѣстныхъ правительствъ, при стоимости въ 7 билл. долларовъ

---

[1]) Интересныя цифровыя данныя, относящіяся сюда, даетъ F E Junge, op. cit., pp. 275—278.

перевозки и распредѣленія среди населенія сельскохозяйственныхъ продуктовъ, за которые фермеры выручаютъ 6 билл. долларовъ, при убыткахъ въ торговлѣ напитками, убыткахъ, причиняемыхъ пороками и преступленіями,—несмотря на такое расточительное растрачиваніе государственныхъ доходовъ, богатство Америки продолжаетъ расти. Американцы не тратятъ своего оборотнаго капитала. Несмотря на всѣ усилія разориться, они продолжаютъ богатѣть»[2]).

Таковъ современный американскій имперіализмъ. Таковы тѣ условія, при которыхъ будетъ совершаться его дальнѣйшее развитіе.

---

[2]) Н. А. Бородинъ, цит. соч, сс. 221—224.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Федерализмъ.

I.

Какія бы связи между людьми мы ни взялись разсматривать, всѣ ихъ можно было бы свести къ двумъ основнымъ группамъ: это или связи сочетанія, согласованія, координаціи,—или же связи подчиненія, субординаціи. Къ связямъ личнаго характера сказанное относится въ такой же мѣрѣ, что и къ связямъ политическимъ, правовымъ,—къ внутригосударственнымъ такъ же, какъ и къ международнымъ. Существуютъ, слѣдовательно, опредѣленные соціологическіе законы взаимоотношенія между людьми, дѣйствующіе во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. А отсюда—два чрезвычайно существенныхъ вывода для правильнаго освѣщенія той проблемы, которая насъ занимаетъ по

преимуществу, — проблемы интернаціонализма. Во-первыхъ, приходится признать, что многое могло быть намъ извѣстно объ интернаціонализмѣ прежде еще, чѣмъ мы обратились къ его непосредственному изученію. Въ самомъ дѣлѣ, если кто-нибудь занялся теоріей договора въ качествѣ цивилиста, онъ можетъ быть увѣренъ, что многіе изъ заинтересовавшихъ его вопросовъ живо интересуютъ и представителей науки международнаго права. Если кто-нибудь внимательно прослѣдилъ исторію развитія судебнаго процесса въ какой-нибудь одной странѣ, то послѣ тѣ же самые историческіе этапы онъ смогъ бы увидѣть не только во многихъ другихъ странахъ, но и въ исторіи суда международнаго. Вездѣ—въ семейной, государственной, международной жизни — одинаковы преимущества твердой организаціи. Вездѣ одинаково печальны результаты анархіи и несорганизованности. Вездѣ дѣйствуютъ одни и тѣ же причины и слѣдствія, какъ въ процессахъ принудительнаго подчиненія, такъ и въ процессахъ добровольнаго соглашенія. Вотъ почему со многихъ точекъ зрѣнія интернаціонализмъ представляетъ собой воспроизведеніе въ расширенномъ масштабѣ отношеній внутри семьи, товарищества или государства. И наоборотъ: семья, товарищество и государство многими своими сторонами

предвосхищаютъ и предуказываютъ будущую организацію всемірнаго международнаго союза.

Второй изъ тѣхъ выводовъ, которые имѣются здѣсь въ виду, въ свою очередь покоится на извѣстнаго рода выводѣ. Мы должны разсуждать слѣдующимъ образомъ: законы, общіе для разнороднаго и разновременнаго, не могутъ являться законами одного только сходства; они призваны также взаимно связывать разнородное и разновременное, т.-е. служить законами единства и постепенности. Одно совершенно немыслимо безъ другого. Сплошное во всемъ сходство частей и моментовъ съ необходимостью предполагаетъ единство плана и цѣли мірозданія, какъ это послѣднее, со своей стороны, предполагаетъ сходство и однородность среди пестраго разнообразія индивидуальнаго. То, что далось путемъ вывода, на каждомъ шагу подтверждается безконечною массою фактовъ. Политическія связи то и дѣло перерождаются въ правовыя, чтобы затѣмъ уступить постепенно мѣсто новымъ политическимъ связямъ. Государственныя связи распадаются на международныя, международныя уплотняются въ государственныя. Изъ семьи и рода вырастали грандіозныя деспотіи старыхъ эпохъ. Изъ любви къ «своему» какъ-то сами собой выкристаллизовывались волшебныя грезы о всемірномъ подчиненіи рѣшительно всѣхъ.

Для проблемы интернаціонализма послѣдній выводъ весьма существенъ въ томъ отношеніи, что самое понятіе интернаціонализма раздвигается благодаря нему до чрезвычайно широкихъ предѣловъ, включая въ себя вереницу совершенно новыхъ проблемъ. Становится яснымъ, что недостаточно изучать лишь событія и основанія одной только международной жизни. Необходимо также включать въ кругъ своего разсмотрѣнія вопросы, связанные съ переходомъ разнаго рода отношеній изъ международной области во внутригосударственную, или наоборотъ; необходимо всѣ немеждународныя правовыя и политическія отношенія разсматривать подъ угломъ зрѣнія возможнаго отраженія и проявленія ихъ въ международной сферѣ.

Поясникъ нашу мысль примѣромъ: ученіе о націи имѣетъ много сторонъ, корней и развѣтвленій. Одни изслѣдователи разсматриваютъ націю въ свѣтѣ философско-этическихъ анализовъ, больше всего интересуясь заложенными въ ней нравственными цѣнностями и всемірно-историческимъ, провиденціальнымъ, назначеніемъ ея. Для другихъ главнѣйшій интересъ представляетъ выясненіе біологическихъ признаковъ, по которымъ членовъ одной націи съ полной безошибочностью можно было бы отличать отъ членовъ другой. Третьи ограничиваются наблюденіемъ

одного лишь внутригосударственнаго положенія отдѣльныхъ націй въ многонаціональныхъ государствахъ. Четвертые пламенно вопіютъ о «самоопредѣленіи націй», какъ объ основномъ и непререкаемомъ исходномъ пунктѣ всякой корректной международной политики. Допустимъ, что мы рѣшили встать въ положеніе наблюдателей послѣдняго порядка. Можемъ ли мы утвердить абсолютное достоинство принципа національнаго самоопредѣленія раньше, чѣмъ намъ удалось отчетливо уяснить себѣ предѣлы этическаго оправданія націи? Въ правѣ ли мы принять этотъ принципъ за основу для реальной международной политики, пока не убѣдились, что налицо имѣются отчетливые конкретные признаки различныхъ націй и что всюду постановка вопроса о національномъ самоопредѣленіи совершенно одинакова? Какъ возможно по достоинству оцѣнить политику различныхъ государствъ въ отношеніи входящихъ въ ихъ составъ національностей, если упускать изъ виду, что сегодня данная національность подчиняется, правительству, а на-завтра уже вышла изъ подчиненія ему и создала себѣ самостоятельную верховную власть, что съ другой стороны передъ правительствами сплошь и рядомъ возникаетъ задача искусственнаго притягиванія къ себѣ новыхъ, чуждыхъ національностей?

Все только что сказанное наиболѣе непосредственнымъ образомъ касается одной изъ важнѣйшихъ спеціальныхъ проблемъ интернаціонализма, проблемы федерализма. Спрашивается:—къ какому порядку принадлежатъ проявленія федерализма, къ международному или къ государственному? Несомѣнно, что и къ тому и къ другому. Разныя ли конечныя задачи стоятъ передъ международнымъ и государственнымъ федерализмомъ или же одинаковыя? Повидимому, совершенно одинаковыя, но это необходимо отчетливо выяснить. Возможенъ ли переходъ изъ одного въ другой? Не только возможенъ, но и случается весьма часто. Какой типъ соціальныхъ связей отображаетъ въ себѣ федерализмъ? Отвѣтить на послѣдній вопросъ означаетъ вплотную подойти къ вопросу о самомъ существѣ федерализма.

Итакъ, какія бы связи между людьми мы ни стали разсматривать, всѣ онѣ непремѣнно сводятся къ двумъ основнымъ группамъ: это—или связи сочетанія, согласованія, координаціи,—или же связи подчиненія, субординаціи. По внутренней сущности своей сочетаніе представляется преимущественно проявленіемъ свободной и добровольной дѣятельности, тогда какъ подчиненіе въ подавляющемъ большинствѣ

случаевъ возникаетъ въ итогѣ принужденія. Все это въ полной мѣрѣ относится, конечно, и къ тѣмъ политическимъ или правовымъ связямъ, которыя устанавливаются между государственными организмами, ранѣе бывшими обособленными и независимыми другъ отъ друга. А отсюда слѣдуетъ, что всякая международная или государственная политика всегда представляетъ собой, либо политику принудительнаго подчиненія, либо политику добровольнаго—или хотя бы только кажущагося добровольнымъ—соглашенія. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ передъ собой то, что лучше всего было бы, пожалуй, назвать государственнымъ индивидуализмомъ, во второмъ случаѣ передъ нами федерализмъ. Всякое принужденіе, сопровождаемое подчиненіемъ, покоится на неравенствѣ и закрѣпляетъ его. Напротивъ, сочетаніе и согласованіе, достигнутыя съ помощью добровольнаго соглашенія, даже дѣйствительно неравное превращаютъ въ равное. Съ этой точки зрѣнія, въ государственномъ индивидуализмѣ приходится усматривать силу самоутвержденія неравенства въ политическихъ отношеніяхъ, а въ противоположномъ ему по своимъ устремленіямъ федерализ-

мѣ—силу, позволяющую утверждаться въ нихъ началамъ равенства. Сотрудничество и непрестанная взаимная борьба того и другого началъ въ широкихъ сферахъ политики и права, наполняютъ собой всю международную исторію и исторію каждаго отдѣльнаго народа, пріобрѣтая тѣмъ самымъ смыслъ и характеръ чего-то исконнаго, изначальнаго.

Несмотря на многочисленныя изслѣдованія, посвященныя вопросамъ федерализма, понятіе его и до сего дня не можетъ похвалиться особенной оформленностью или отчетливостью. Согласно обычному представленію, за самообнаруженія федерализма принимаются всякія вообще стремленія исторіи къ соединенію малыхъ и слабыхъ политическихъ тѣлъ въ болѣе крупныя и болѣе плотныя, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ—просто всякое уплотненіе правовыхъ связей между государствами. Но, что особенно характерно, — если централизованное унитарное государство почему-либо «распадается» и въ результатѣ этого распаденія превращается въ государство сложное или въ союзъ нѣсколькихъ независимыхъ государствъ, то для нѣкоторыхъ авторовъ и здѣсь, въ распаденіи, также обнаруживаетъ себя все тотъ же федерализмъ. Что же получалось? Получался прежде

всего цѣлый рядъ неясностей, ошибокъ и разительныхъ противорѣчій. Въ частности, оставалось неизвѣстнымъ, протекаютъ ли процессы федерализма и федерализаціи подъ знаменемъ интернаціонализма, или же они, напротивъ, служатъ прямымъ отрицаніемъ этого послѣдняго, выражая собой борьбу противъ него государственнаго начала. Съ другой стороны, нельзя не усматривать явнаго противорѣчія въ томъ, что за проявленія федерализма принимаются одновременно и результаты у п л о т н е н і я правовыхъ и политическихъ связей, и результаты ихъ р а с п а д е н і я; а благодаря этому не оказывается-ли федерализмъ въ положеніи политической причины, способной одновременно производить другъ друга исключающія слѣдствія? Наконецъ, сплошь и рядомъ въ одномъ только федерализмѣ и усматривается осуществленіе предѣльныхъ стремленій всякаго интернаціонализма. Но взглядъ подобнаго рода также нельзя не признать совершенно ошибочнымъ: даже имперіализмъ—это высшее проявленіе государственнаго индивидуализма—въ правѣ считать себя вѣрнымъ слугой интернаціонализма совершенно въ той же степени, что и самый чистый федерализмъ. Однако, всего этого еще недостаточно: нельзя не отмѣтить, что согласно укоренившейся въ научной

литературѣ традиціи федерализмъ неизмѣнно выступалъ лишь въ качествѣ готовыхъ правовыхъ образованій, фактовъ и достиженій, но никогда не въ качествѣ силы, тенденціи. А между тѣмъ единственно чѣмъ и долженъ характеризоваться федерализмъ, какъ это именно своимъ значеніемъ опредѣленной политической силы, отчетливо проявляющейся исторической тенденціи. Федерализмъ, какъ мы уже говорили, представляется силой, ведущей къ объединенію самостоятельныхъ политическихъ единицъ и укрѣпляющей связи между несамостоятельными на основахъ сочетанія и равенства. Противоположный по своему устремленію и смыслу силѣ государственнаго индивидуализма, проявляющагося въ неравенствѣ и принудительномъ подчиненіи, онъ вмѣстѣ съ этой послѣдней составной частью входитъ въ самое общее изъ понятій международно-политической теоріи—въ понятіе интернаціонализма. А отсюда слѣдующая схема международнаго процесса:

ИНТЕРНАЦІОНАЛИЗМЪ

(Общая совокупность силъ, средствъ и устремленій ко взаимному объединенію или къ расширенію отдѣльныхъ государствъ, а тѣмъ самымъ, черезъ всемірное государство, къ разрѣшенію международной проблемы).

Одна вѣтвь интернаціонализма: —

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНДИВИДУАЛИЗМЪ

(Объединеніе или самораширеніе государствъ на основѣ подчиненія и неравенства)

Другая вѣтвь интернаціонализма: —

ФЕДЕРАЛИЗМЪ

(Объединеніе или самораширеніе государствъ на основѣ сочетанія и равенства).

Въ старинныхъ романахъ и повѣстяхъ авторы любили выводить рядомъ двухъ дѣйствующихъ лицъ, по внѣшности и по характеру совершенно непохожихъ другъ на друга. Одинъ—длинный, тонкій, хмурый и внушающій всѣмъ страхъ: другой—коротенькій, толстенькій, добродушный и всѣми любимый. И тѣмъ не менѣе они друзья, всегда вмѣстѣ, заняты однимъ общимъ дѣломъ. Если позволительно персонифицировать отвлеченныя понятія и если откинуть тотъ комическій налетъ, который обычно преслѣдуется рѣзкимъ противопоставленіемъ двухъ такихъ фигуръ, то въ государственномъ индивидуализмѣ и федерализмѣ можно было бы усмотрѣть: въ одномъ—хмураго, а въ другомъ—всѣми любимаго героевъ старыхъ повѣстей.

Дѣйствительно, ни одной общей внѣшней черты не сближаетъ между собой, повидимому, политическія отношенія, построенныя на началахъ подчиненія со всѣми тѣми, въ основѣ которыхъ лежатъ добровольный договоръ и согла-

шеніе. Государство, во что бы то ни стало стремящееся къ своему собственному индивидуальному усиленію, большею частью являетъ образъ суровый, мрачный, а иногда и трагическій. Оно всегда при оружіи и отъ него пахнетъ порохомъ долгихъ битвъ. Оно знаетъ, что кругомъ него враги, но не боится враговъ. Единственно, когда въ немъ обнаруживаются черты внутренней мягкости и возвышенной красоты, когда имъ можно любоваться и многое прощать ему, это при мысляхъ его о той прекрасной идеѣ, которой оно служитъ явно или втайнѣ. Что это за идея? Это — civitas maxima, всесвѣтное государство, иначе говоря идея вѣчнаго мира. Но вѣдь ей же служитъ и милый, часто наивный, заго всѣмъ почти всегда пріятный идеалистъ-федерализмъ. Плоть отъ плоти и кровь отъ крови общаго международнаго процесса, имя которому интернаціонализмъ, федерализмъ также носитъ въ себѣ черты двойственности и одновременной устремленности въ двѣ противоположныя стороны (въ сторону созданія отдѣльныхъ мощныхъ государствъ и въ сторону созданія единаго универсальнаго государства),—и также сможетъ успокоиться лишь тогда, когда противорѣчіе государственнаго и международнаго началъ окажется устраненнымъ разъ и навсегда. Слѣдовательно, вѣчный миръ среди народовъ въ силу

тѣснаго объединенія всѣхъ ихъ на основѣ равенства и добровольнаго согласованія взаимныхъ правъ и обязанностей—таковъ высшій идеалъ федерализма. Однако, врядъ ли имѣются основанія считать идеалъ этотъ осуществимымъ. Повидимому, всемірная федерація, построенная исключительно на началахъ равенства, представляетъ собой такую же историческую и теоретическую несообразность, какъ и всемірная имперія, построенная исключительно на почвѣ неравенства, принужденія и подчиненія.

Что касается историческихъ проявленій того федерализма, который мы считаемъ единственно подлиннымъ и единственно правильнымъ съ точки зрѣнія теоретическаго опредѣленія, то они многочисленны и многообразны. Легче всего ихъ можно обнаружить во всѣхъ тѣхъ «формахъ государственныхъ соединеній», о которыхъ, безотносительно къ вопросу о равенствѣ и неравенствѣ, такъ подробно трактуется въ различныхъ курсахъ по государственному и по международному праву, въ длинномъ рядѣ спеціальныхъ монографій и въ еще болѣе длинномъ рядѣ статей. Въ радугѣ красочныхъ политико-правовыхъ образованій, раскинувшейся отъ отдѣльныхъ соглашеній нѣсколькихъ самостоятельныхъ го-

сударствъ и вплоть до централизованнаго унитарнаго государства, различаются обычно:—«альліансы» или союзы въ родѣ тройственнаго союза Германіи, Италіи и Австріи (1882 г.), франко-русскаго союза (1891 г.), союза русско-японскаго (1916 г.); различаются «конфедераціи» или «союзы государствъ»,—«личныя уніи»,—«реальныя уніи»,—«федераціи» или «союзныя государства»,—«государства государствъ». Отъ каждой изъ перечисленныхъ формъ государственныхъ соединеній безчисленные неуловимые переходы ведутъ къ любой другой. Признаки, характерные для какой-нибудь одной изъ нихъ, прихотливѣйшимъ образомъ переплетаются съ признаками всѣхъ остальныхъ. Вотъ почему много энергіи и остроумія потребовалось отъ ученыхъ, да и впредь еще потребуется, чтобы внести здѣсь болѣе или менѣе отчетливый порядокъ, укрѣпить примѣтныя теоретическія вѣхи.

Указывать отличительные признаки или послѣдовательно вскрывать элементы равенства во всѣхъ извѣстныхъ формахъ политическаго и правового объединенія государствъ для насъ не представляется необходимымъ. Вполнѣ достаточно будетъ остановиться лишь на двухъ основныхъ и наиболѣе общихъ среди нихъ, чтобы путемъ ихъ наблюденія уяснить себѣ основныя черты современнаго федерализма, его на-

правленія и намѣчающіяся для него въ будущемъ перспективы. Такими основными и наиболѣе общими формами государственныхъ соединеній намъ представляются союзъ государствъ (конфедерація)—съ одной стороны, и союзное государство (федерація)—съ другой. Однако, чтобы не оказаться превратно понятыми, мы должны съ самаго начала подчеркнуть наиболѣе настойчивымъ образомъ, что проявленіями федерализма конфедераціи и федераціи служатъ только въ той мѣрѣ, въ какой въ нихъ сказывается дѣйствіе началъ равенства и координаціи. Исторія знаетъ немало примѣровъ образованія конфедерацій и федерацій на началахъ прямо противоположныхъ федералистическому—на индивидуальныхъ или «имперіалистическихъ» и намъ менѣе всего хотѣлось бы повторять ошибки всѣхъ тѣхъ, кто не усматривалъ въ федерализмѣ особаго политическаго начала, но превращалъ его въ ничего не говорящій общій терминъ для всякихъ вообще государственныхъ объединеній.

II.

Союзы государствъ.

Въ спеціальной литературѣ ведется длинный, но не всегда плодотворный споръ о томъ, какова

юридическая природа конфедераціи или союза государствъ. По мнѣнію цѣлаго ряда авторовъ, во всякомъ союзѣ государствъ непремѣнно имѣется налицо «самостоятельная правовая сфера», «отношеніе господства и подчиненія», такъ что всѣ отдѣльныя государства, являющіяся членами его, «ограничены въ своемъ суверенитетѣ въ пользу союза не только благодаря договору, но и въ силу подчиненности союзному цѣлому» [1]). Все это считается вполнѣ достаточнымъ для того, чтобы признать союзъ государствъ за самостоятельную юридическую личность [2]). Однако, господствующая точка зрѣнія, опирающаяся на авторитеты Моля, Лабанда, Еллинека, признаетъ конфедерацію не за юридическую личность, а за юридическое отношеніе, т.-е. за правовую связь значительно менѣе тѣснаго характера [3]).

---

[1]) Ср. М. Горенбергъ. «Теорія союзнаго государства въ трудахъ современныхъ публицистовъ Германіи». СПБ. 1891 г., сс. 134—135.

[2]) Ср. Le-Fur: «Etat fédéral et confédération d'Etats». Paris, 1896, pp. 512, 745—747.

[3]) А. С. Ященко, проникнутый идеями примирительнаго синтетизма, находитъ возможнымъ признать союзъ государствъ одновременно и за отношеніе, и за лицо. Въ этомъ же смыслѣ высказывается и Brie въ своей «Theorie der Staatenverbindungen».

Подобнаго рода чисто теоретическій споръ имѣетъ для насъ то значеніе, что показываетъ возможность въ однѣ и тѣ же рамки союза государствъ включать какъ весьма слабо спаянные союзы—нѣкоторые относятъ сюда даже все международное общеніе въ его цѣломъ,—такъ и союзы, спаянные чрезвычайно крѣпко. Съ другой стороны, онъ же обнаруживаетъ, что тотъ историческій матеріалъ, съ которымъ приходится оперировать изслѣдователямъ вопроса, не представляетъ собой массы, хотя бы сколько-нибудь устойчивой, и поддается самой разнообразной теоретической обработкѣ.

Но какъ бы ни были широки расхожденія въ характерѣ и свойствахъ различныхъ союзовъ государствъ, каждый изъ этихъ союзовъ обладаетъ все же нѣкоторыми чертами, общими для всѣхъ нихъ.

Такъ, вполнѣ подходящимъ пробнымъ камнемъ для выявленія правовой и политической природы союза государствъ является понятіе государственнаго верховенства или суверенитета. Гдѣ покоятся въ конфедераціяхъ скипетръ и порфира верховной власти? Кто въ нихъ долженъ быть признанъ за суверена, самъ ли союзъ или же входящіе въ составъ его государства-члены? Лишь очень немногіе авторы разрѣшаютъ этотъ вопросъ—вслѣдъ за

Г. Мейеромъ—въ пользу союзнаго цѣлаго или (къ вящшему научному соблазну) признаютъ вмѣстѣ съ А. С. Ященко, что въ конфедераціяхъ «сосуществуютъ рядомъ и суверенитетъ всего союза и суверенитетъ отдѣльныхъ конфедерированныхъ частей» [1]). Напротивъ, для подавляющаго большинства изслѣдователей самостоятельность и независимость государствъ-членовъ представляются однимъ изъ главнѣйшихъ моментовъ въ понятіи конфедераціи и, стало-быть, именно за ними сохраняется полнота верховной государственной власти. А Ле-Фюръ не боится даже утверждать, что въ каждой изъ конфедерацій «союзный договоръ опредѣленно провозглашаетъ сохраненіе за объединившимися государствами ихъ суверенитета» [2]).

Господствующая точка зрѣнія представляется въ данномъ случаѣ единственно правильной. И это въ силу вотъ какого соображенія: едва ли не всѣ авторы сходятся на томъ, что въ основѣ всякой конфедераціи лежитъ непремѣнно договоръ и что всякая конфедерація непре-

[1]) А. С. Ященко: «Теорія федерализма», 1912 г., Юрьевъ, с. 301.

[2]) Le-Fur, op. cit., p. 499: «le pacte fédéral déclare expressément que les Etats confédérés conservent leur souveraineté».

мѣнно представляетъ собой образованіе международно-правового, а не государственно-правового характера. Но тамъ, гдѣ продолжаетъ дѣйствовать международное право, не можетъ быть мѣста новому суверенитету, новой общей верховной власти, потому что всякій суверенитетъ знаменуетъ собой переходъ изъ области международныхъ отношеній въ область отношеній государственныхъ,—отъ договора къ закону.

Въ связи съ только что сказаннымъ находится то положеніе, что въ конфедераціяхъ представлены и связываютъ свою волю лишь правительства объединившихся государствъ, но не ихъ населеніе въ качествѣ какого-либо новаго общаго цѣлаго, новаго и единаго союзнаго народа. Такого новаго народа конфедерація не создаетъ. Граждане всѣхъ входящихъ въ нее государствъ остаются подданными только этихъ государствъ и никакого новаго подданства не пріобрѣтаютъ. Для нихъ, какъ была, такъ и осталась одна только, своя, верховная власть и обращаться къ органамъ союза по своимъ собственнымъ дѣламъ или чувствовать на себѣ ихъ непосредственное воздѣйствіе имъ не приходится [1]).

---

[1]) Нѣсколько иначе думаетъ, однако, Le-Fur. Изстари господствующую въ данномъ вопросѣ точку зрѣнія

Вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ, изъ договорной основы и международноправовой природы союза государствъ не вытекаетъ, будто всѣ рѣшенія въ союзѣ должны приниматься правительствами непремѣнно единогласно. Вполнѣ допустимо вынесеніе постановленій по очереднымъ дѣламъ на основаніи простого большинства голосовъ. Но зато измѣненіе самого союзнаго договора здѣсь немыслимо иначе, какъ въ силу единогласнаго рѣшенія всѣхъ представительствъ входящихъ въ союзъ государствъ, и въ договорномъ же порядкѣ. Нетрудно понять, почему это такъ: вѣдь стоило бы только вообразить себѣ междугосударственный союзъ, представительный органъ котораго могъ бы большинствомъ голосовъ измѣнять союзный уставъ, а всѣ государства обязаны были бы безпрекословно подчиняться этимъ измѣненіямъ, какъ вмѣсто союза государствъ мы увидѣли бы предъ собою единое союзное государство съ единой верховной принудительной властью. Именно въ этомъ требованіи единогласія при постановленіяхъ объ измѣненіи союзнаго договора В е-

---

онъ считаетъ за «pure théorie», которой вовсе не можетъ противорѣчить, если государства въ договорномъ же порядкѣ согласятся на прямое отношеніе своихъ подданныхъ къ конфедеративной власти. Все дѣло здѣсь въ pacte fédéral.—Op. cit., pp. 506—507.

стеркампъ усматриваетъ тотъ «главнѣйшій» признакъ, который отчетливо отграничиваетъ конфедераціи отъ федерацій и который такъ любятъ искать всѣ, пишущіе объ этихъ двухъ формахъ государственныхъ соединеній [1]). При этомъ вовсе не нужно какой-нибудь исключительной проницательности, чтобы замѣтить, какъ пробный камень суверенитета продолжаетъ дѣйствовать и здѣсь. Дѣйствительно, сохранить принципъ единогласія при измѣненіяхъ союзнаго договора значитъ сохранить за государствами въ союзѣ ихъ первоначальный суверенитетъ; напротивъ, отказаться отъ него равносильно тому, чтобы лишить ихъ этого суверенитета въ угоду союзному цѣлому.

Изъ признанія суверенитета въ конфедераціяхъ за государствами-членами непосредственно вытекаетъ признаніе за ними такъ называемыхъ правъ сецессіи и нуллификаціи, т.-е. права выхода изъ союза въ случаѣ, если дальнѣйшее пребываніе въ немъ угрожаетъ ихъ наиболѣе существеннымъ интересамъ, и права лишать силы тѣ постановленія союзнаго органа, которыя сдѣланы послѣднимъ съ нарушеніемъ своей компетенціи.

[1]) Ср. Laband, P.: «Le droit public de l'Empire allemand» (Trad. fr) T. I, 1900, pp 146—147. Le-Fur, op. cit., p. 733.

Непосредственной цѣлью образованія конфедераціи является совмѣстная защита государствами общихъ имъ всѣмъ международныхъ интересовъ. Какъ и вездѣ, интересы политическіе идутъ здѣсь рука объ руку съ экономическими интересами, и чѣмъ больше тѣхъ и другихъ обнаруживается въ данной группѣ государствъ, тѣмъ обширнѣе и плотнѣе обѣщаетъ стать въ ней клубокъ конфедеративныхъ нитей. Образованіе конфедераціи предполагаетъ созданіе того или иного союзнаго органа,—совѣта, сейма, конгресса,—въ кругъ правъ и обязанностей котораго входитъ веденіе всѣхъ, вообще, международныхъ дѣлъ союза, объявленіе войны и заключеніе договоровъ отъ имени союза, посредничество въ случаѣ претензій иностранныхъ державъ къ кому-нибудь изъ членовъ союза, международное представительство. Въ связи съ этимъ отдѣльныя конфедерировавшіяся государства становятся ко всѣмъ постороннимъ конфедераціи государствамъ въ отношеніи такого порядка, при которомъ право самостоятельнаго объявленія и веденія войны, какъ общее правило, отнято у нихъ (хотя исторія и знаетъ рядъ исключеній), право самостоятельнаго представительства сохраняется съ ограниченіями, не слишкомъ существенными, а право свободнаго заключенія договоровъ урѣзывается постольку, поскольку имъ

могутъ оказаться нарушенными существенные интересы самой конфедераціи. Что же касается взаимныхъ отношеній членовъ конфедераціи другъ къ другу, то вмѣстѣ съ Л е - Ф ю р о м ъ можно сказать, что право вести между собою войны отнято у нихъ «абсолютнымъ образомъ»;—право посольства мало ограничивается въ принципѣ, но на практикѣ слабо примѣняется, въ виду непрестаннаго взаимнаго общенія ихъ представителей въ центральномъ союзномъ органѣ;—свобода заключенія договоровъ во всѣхъ болѣе или менѣе существенныхъ случаяхъ урѣзывается весьма ощутительнымъ образомъ [1]).

Какъ на историческіе образчики отчетливо оформившихся союзовъ государствъ можно указать на Соединенныя Нидерландскія провинціи (1579—1795 гг.), на Швейцарскую конфедерацію до 1848 г., на Сѣверо-Американскій Союзъ (1778—1787 гг.), на Рейнскій и Германскій Союзы (1806—1813 и 1815—1866 гг.), на англійскія колоніи въ Австраліи по акту 10 августа 1885 года. Не во всѣхъ этихъ союзахъ и не во всѣ моменты ихъ существованія федералистическія начала проявлялись въ одинаково полной мѣрѣ. Однако, нужно ли подробно прослѣживать

---

[1]) L e-F u r, op. cit., pp. 751—761.

отдѣльныя проявленія этихъ началъ въ каждомъ изъ нихъ порознь? Нужно ли доказывать, что въ конфедеративныхъ образованіяхъ—съ ихъ международно-правовой, договорной основой, съ сохраненіемъ въ нихъ за государствами-членами всей полноты суверенитета, съ предоставленіемъ имъ права выхода изъ союза и опредѣленія въ спорныхъ случаяхъ предѣловъ союзной компетенціи, при органахъ, безсильныхъ узурпировать власть—для осуществленія сочетанія, соглашенія, равенства и мира раскрывается самый широкій просторъ?

Совершенно несомнѣнно, что именно въ цѣляхъ упроченія международнаго мира, въ сознаніи принудительной необходимости взаимнаго сближенія и на почвѣ достаточно широко проведеннаго равенства сложился и развивался вплоть до 1798 года союзъ швейцарскихъ кантоновъ. Общіе для всѣхъ кантоновъ вопросы разрѣшались въ немъ на сеймахъ (Tagsatzungen), на которыхъ каждая земля одинаково пользовалась лишь однимъ голосомъ. Такъ какъ взаимныя отношенія между союзными землями оставались добровольными и совершенно свободными и такъ какъ у большинства въ сеймѣ не имѣлось юридическихъ способовъ подчинить себѣ меньшинство, то рѣшенія почти всегда принимались

единогласно. Тѣ же самыя черты обнаруживаетъ и конфедерація американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, проектъ которой былъ выработанъ въ 1778 году и которая съ 1781 года начала существовать фактически. Главнѣйшими цѣлями союза признавалось совмѣстное веденіе штатами своихъ внѣшне-политическихъ дѣлъ, учрежденіе верховнаго третейскаго суда для разбирательства взаимныхъ споровъ между отдѣльными штатами, общая денежная система и т. п. [1]). Въ качествѣ союзнаго органа дѣйствовалъ Конгрессъ (United States in Congress assembled), въ которомъ, какъ и въ Швейцарскомъ Союзѣ, представительствамъ отъ каждаго штата принадлежало одинаково по одному голосу.

Въ настоящее время конфедерацій, похожихъ на перечисленныя выше и обладающихъ отчетливой правовой физіономіей, не существуетъ. Но было бы серьезной ошибкой заключать отсюда, будто эта форма государственныхъ объединеній навсегда отжила свое время, а изслѣдованіе ея юридической природы и политической пригодности имѣетъ лишь чисто историческій или отвлеченно-теоретическій интересъ. Нѣтъ; во-

---

[1]) Ср. В. Вильсонъ. «Государство.—Прошлое и настоящее конституціонныхъ учрежденій». (Пер.). Москва, 1905 г., сс. 408—409.

первыхъ, всегда могутъ создаться совершенно новыя и вполнѣ жизнеспособныя частныя конфедераціи государствъ; а во-вторыхъ, совершенно нельзя допустить мысли, чтобы современный міръ на пути своемъ къ объединенію въ одно политическое и правовое цѣлое могъ миновать стадіи общаго конфедеративнаго объединенія тѣхъ громадныхъ и сложныхъ политическихъ организмовъ, которые позже всѣхъ останутся независимыми другъ отъ друга.

Съ проектомъ вѣчнаго мира, построеннымъ на плотныхъ конфедеративныхъ началахъ, выступилъ въ первой половинѣ XVIII вѣка аббатъ монастыря Сенъ-Пьеръ [1]).

Для того, чтобы устранить возможность все новыхъ и новыхъ войнъ, Сенъ-Пьеръ считалъ необходимымъ объединить государства Европы,—а о Европѣ только и могла итти тогда рѣчь—въ одинъ крѣпкій и постоянный союзъ. Въ союзѣ этомъ каждое изъ государствъ должно было бы встать къ другимъ въ такое положеніе, чтобы ни одно не могло сопротивляться всѣмъ остальнымъ и чтобы частные союзы среди нихъ не въ состояніи были вредить союзу общему. Что нужно для этого? Для этого прежде всего нужно обезпечить участіе въ союзѣ рѣшительно

---

[1]) Въ міру—Шарль Ириней Кастель.

всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ европейскихъ государствъ. Затѣмъ нужно выработать законы и положенія, обязательныя для всѣхъ членовъ союза,—создать принудительную силу, которая заставляла бы каждое изъ государствъ подчиняться общимъ рѣшеніямъ, и наконецъ,—сдѣлать такъ, чтобы государства не имѣли права выходить изъ союза. Имѣя все это въ виду, Сенъ-Пьеръ приглашалъ правительства европейскихъ государствъ подписать общій договоръ, состоящій изъ пяти статей слѣдующаго содержанія: — Договаривающіеся суверены устанавливаютъ между собой вѣчный и нерасторжимый союзъ и назначаютъ своихъ уполномоченныхъ для участія въ общемъ сеймѣ или конгрессѣ, на которомъ всѣ споры между государствами должны разрѣшаться въ третейскомъ или судебномъ порядкѣ (ст. 1).—Опредѣляется число суверенов, представители которыхъ должны имѣть голосъ на конгрессѣ—порядокъ, время и способъ перехода предсѣдательствованія на конгрессѣ отъ одного государства къ другому черезъ равные промежутки,—относительная величина взносовъ, а также порядокъ ихъ взиманія на производство общихъ расходовъ (ст. 2).—Союзъ гарантируетъ каждому изъ своихъ членовъ неприкосновенность владѣній и наслѣдованіе ихъ со-

гласно законамъ страны. Всѣ старыя притязанія на чужія владѣнія признаются недѣйствительными; въ будущемъ же никакія новыя территоріальныя перераспредѣленія не должны имѣть мѣста между государствами помимо согласія конгресса, а тѣмъ болѣе, путемъ примѣненія оружія (ст. 3).—Опредѣляются тѣ случаи, въ которыхъ члены союза, нарушившіе трактатъ, исключаются изъ состава союза (seront mis au ban de l'Europe) и объявляются врагами правового порядка. Къ случаямъ этимъ должны относиться: отказъ выполнять постановленія «великаго союза», незакономѣрныя военныя приготовленія, стремленіе заключить договоры во вредъ союзу, вооруженное выступленіе противъ союза или противъ кого-либо изъ отдѣльныхъ союзниковъ. Кромѣ того, постановляется, что противъ государства, совершившаго одно изъ перечисленныхъ преступленій, союзники вооружаются и дѣйствуютъ совмѣстно за общій счетъ, пока государство это не положитъ оружія, не выполнитъ рѣшеній конгресса, не возмѣститъ причиненныхъ ущербовъ и т. д. (ст. 4).—Наконецъ, уполномоченнымъ европейскаго союза предоставляется право разрабатывать постановленія, требующіяся для процвѣтанія европейской республики и для блага каждаго изъ ея членовъ. Предварительно постановле-

нія эти принимаются простымъ большинствомъ голосовъ, но получаютъ окончательное утвержденіе (по истеченіи пятилѣтняго срока и при условіи спеціальнаго согласія правительствъ) по большинству не менѣе трехъ четвертей голосовъ. Что же касается самихъ этихъ основныхъ пяти статей, то изъ нихъ «никогда и ничего нельзя измѣнить иначе, какъ на основаніи единогласнаго постановленія всѣхъ членовъ союза» (ст. 5)[1]).

«Союзъ народовъ, который не долженъ былъ бы быть однако же государствомъ народовъ», представлялся на исходѣ 18 в. первымъ шагомъ къ утвержденію вѣчнаго мира и великому К а н т у. Кенигсбергскій философъ разсуждалъ слѣдующимъ образомъ: для государствъ въ ихъ отношеніяхъ между собою не можетъ открыться никакого другого выхода «изъ естественнаго состоянія постоянныхъ взаимныхъ войнъ», какъ отречься подобно единичнымъ людямъ «отъ своей дикой беззаконной свободы», приспособиться къ публичнымъ принудительнымъ законамъ и образовать такимъ путемъ государ-

---

[1]) Изложено по J. J. R o u s s e a u: Extrait du projet de paix perpetuelle dem. l'abbé de Saint-Pierre.—Oeuvres complettes de J. J Rousseau, t. XXV, Paris, 1793, pp. 25—31. Ср. о Сенъ-Пьерѣ: А. С Я щ е н к о: «Международный федерализмъ». Уч. Зап. Моск. Ун-та. Москва, 1909 г., сс. 293—296.

ство народовъ (civitas gentium), которое, постепенно расширяясь, въ концѣ концовъ охватило бы всѣ народы земли. «Но такъ какъ, согласно своей идеѣ международнаго права, государства безусловно не хотятъ этого, отвергая тѣмъ самымъ in hypothesi то, что вѣрно въ thesi, то вмѣсто положительной идеи міровой республики, лишь отрицательный суррогатъ устраняющаго войны, длящагося и постоянно расширяющагося союза можетъ сдержать (если не все будетъ потеряно) потокъ противоправовыхъ враждебныхъ склонностей при постоянной, однако, опасности ихъ новаго проявленія» [1]). Такимъ образомъ Канту всемірная конфедерація представляется худшимъ, хотя зато наиболѣе легко осуществимымъ видомъ той международной организаціи, которая въ состояніи болѣе или менѣе упрочить среди народовъ всеобщій миръ. Но далеко не всѣмъ, какъ ему, конфедеративная форма представляется лишь «отрицательнымъ суррогатомъ» нужнаго народамъ союза, да еще притомъ «если не все потеряно» для дѣла мира! «Образцовое устройство союза государствъ. — писалъ виднѣйшій представитель русской науки международнаго

[1]) Ср. И. Кантъ· «Вѣчный Миръ» Пер Москва, 1905 г., сс. 19 и 24.

права, Ф. Ф. Мартенсъ,—есть прототипъ той организаціи международнаго общенія, о которой можно мечтать и на осуществленіе которой можно надѣяться при дальнѣйшемъ развитіи международныхъ отношеній» [1]).

Приблизительно на такой же точкѣ зрѣнія стоитъ въ настоящее время и А. С. Ященко. — Согласно его «Теоріи федерализма» уже современное состояніе международнаго общенія съ его частыми альліансами, протекторатами, административными уніями и конгрессами представляетъ собой форму слабой конфедераціи. Естественно предполагать, что въ будущемъ международная организація сдѣлаетъ дальнѣйшій шагъ впередъ и превратится въ конфедерацію настоящую, въ плотное договорное соединеніе государствъ, продолжающихъ все же сохранять свой суверенитетъ. «Въ этой конфедераціи,—поясняетъ Ященко,—компетенція центральной власти и отдѣльныхъ государствъ можетъ быть такъ распредѣлена, что центральная власть будетъ ограничиваться общими интересами земли (сохраненіемъ всеобщаго мира,

---

[1]) Мартенсъ, Ф. «Современное международное право цивилизованныхъ народовъ СПБ. 1904 г. Т. I, с. 246.

охраною общенія народовъ), руководствуясь нормами нынѣшняго международнаго права» [1]). Чтобы стать жизнеспособной, международная конфедерація должна создать себѣ органы для отправленія всѣхъ трехъ главнѣйшихъ функцій,—судебной, исполнительной и законодательной. Она должна также обладать самостоятельной властью принужденія по отношенію къ членамъ союза, не выполняющимъ своихъ союзническихъ обязательствъ [2]).

На парижскомъ конгрессѣ политическихъ наукъ въ 1900 году извѣстный Анатоль Леруа-Болье сдѣлалъ докладъ о «Соединенныхъ Штатахъ Европы», въ которомъ обосновывалъ необходимость для европейскихъ государствъ объединиться въ единую конфедерацію въ духѣ швейцарской республики до 1848 г. или—«еще лучше»—германскаго союза, какъ онъ существовалъ до 1866 г. [3]).

Весьма солидныя и отвѣтственныя попытки намѣтить реальныя основы для устройства въ ближайшее же время прочной и всеобъемлющей

---

[1]) А. С Ященко, «Теорія федерализма». Юрьевъ, 1912 г., сс. 829—30.

[2]) Тамъ же, сс. 830—831.

[3]) Гр. Л. А. Камаровскій: «Вопросъ о международной организаціи.—Соединенные Штаты Европы». М. 1905, сс. 130—131.

международной организаціи, неоднократно дѣлались въ теченіе настоящей войны. И вотъ обычно за типъ организаціи, практически наиболѣе достижимой, разсматривался именно типъ конфедеративнаго объединенія государствъ. Если нужны примѣры подобнаго рода попытокъ, то ихъ могутъ дать:—работы Фабіанскаго Общества Соціалистовъ въ Англіи, — программа Organisation Centrale pour une Paix durable, насчитывающей въ числѣ своихъ членовъ представителей науки, общественности и журнализма 26 различныхъ странъ Европы и Америки [1]),— выступленія президента Вильсона.

На основаніи докладовъ, сдѣланныхъ на конференціи Фабіанскаго Общества 22—25 мая 1915 года, Сиднеемъ Веббомъ, Бернардомъ Шоу, Уоллесомъ и другими, Л. С. Вульфъ разработалъ заключительный сводный докладъ. За «простѣйшую международную организацію» въ немъ признается объединеніе 44 наиболѣе культурныхъ державъ, участвовавшихъ въ послѣдней мирной конференціи

[1]) Здѣсь и проф. кембриджскаго университета Г. Л. Дикинсонъ и туринскій профессоръ А. Лоріа, и вѣнскій—Г. Ламмашъ, и очень многіе швейцарскіе профессора во главѣ съ rector magnificus бернскаго университета г. Мюллеръ-Гессъ, и профессора американскіе, и Эдуардъ Бернштейнъ.

въ Гаагѣ. Оно должно быть достигнуто на слѣдующихъ главнѣйшихъ основаніяхъ:—1) созданіе постояннаго Третейскаго Суда; 2) передача на его разсмотрѣніе всѣхъ юридическихъ вопросовъ, а именно—о границахъ и спорныхъ территоріяхъ, о толкованіи и примѣненіи договоровъ, объ отвѣтственности должностныхъ лицъ или представителей государствъ за свои выступленія, о денежныхъ взысканіяхъ; сюда же должны впрочемъ относиться и нѣкоторые изъ тѣхъ вопросовъ чисто фактическаго характера, которые поддаются разрѣшенію правовымъ путемъ; 3) передача вопросовъ, выходящихъ за предѣлы только что перечисленныхъ, на разсмотрѣніе особаго международнаго Совѣта.—«Каждое государство,—поясняется въ докладѣ,—вступивъ въ подобнаго рода соглашеніе, сохранило бы при этомъ свою самостоятельность, но и такая примитивная организація могла бы содѣйствовать устраненію войнъ» [1]). При

[1]) Докладъ и постановленія Фабіанскаго Общества Соціалистовъ о Международной Организаціи.—Пер. Москва, 1917 г. , изд. «Общества сближенія съ Англіей». Почему-то книга называется «О будущемъ Европы», хотя совершенно очевидно, что въ организаціи, предполагающей участіе и С.-А. Соед. Штатовъ, и Японіи, и Южно-Американскихъ республикъ, рѣчь идетъ далеко не объ одной Европѣ.—С. 35.

дальнѣйшемъ развитіи международной организаціи фабіанцы мыслятъ себѣ Международный Совѣтъ въ качествѣ постояннаго Совѣщанія, вырабатывающаго принципы международнаго права. Въ основаніе этого болѣе совершеннаго международнаго союза должно лечь требованіе объ обращеніи къ Третейскому Суду или къ Совѣту во всѣхъ случаяхъ междугосударственныхъ осложненій. — Тогда государства, опять-таки, сохранили бы свою независимость, «между тѣмъ какъ для международныхъ отношеній ясность и опредѣленность въ области международнаго права имѣли бы громадное значеніе» [1]). Въ резолюціяхъ, вынесенныхъ конференціей, помимо Международнаго Совѣта и Третейскаго Суда, требуется еще и устройство Международнаго Секретаріата, на обязанности котораго лежалобы широкое освѣдомленіе о дѣятельности Международнаго Совѣта, составленіе всевозможныхъ справокъ о Совѣтѣ и для Совѣта, веденіе отчетности по его дѣламъ и т. п... [2]). Что все это, какъ не проектъ новой тѣсной конфедераціи государствъ, задуманной сразу во всемірномъ масштабѣ?

---

[1]) Ibid., p. 38.
[2]) Ibid , p. 44.

Что касается Organisation Centrale pour une Paix durable, то въ апрѣлѣ 1915 года часть членовъ ея, въ качествѣ «представителей парламентскихъ, научныхъ, политическихъ и пацифистскихъ ассоціацій десяти странъ», выработали въ Гаагѣ программу-минимумъ, которая позже, въ декабрѣ, должна была послужить фундаментомъ для докладовъ и обсужденій на спеціальномъ бернскомъ конгрессѣ. Конгресъ не состоялся вслѣдствіе трудности передвиженія изъ страны въ страну въ связи съ условіями военнаго времени, но зато вскорѣ вышли въ свѣтъ два объемистыхъ тома тѣхъ докладовъ, которые были уже заготовлены для него членами организаціи [1]). Въ гаагской программѣ пять пунктовъ. Послѣ они же оказались разбитыми на девять пунктовъ:—1. Не должны имѣть мѣста ни аннексіи, ни передачи территорій, противорѣчащія интересамъ и желанію населенія; согласіе послѣдняго должно получаться, по возможности, при помощи плебис-

[1]) «Organisation Centrale pour une Paix durable.—Recueil de Rapports sur les différents points duProgramme-minimum».—T. I, II. La Haye, 1916 г. Нѣкоторые изъ этихъ докладовъ предварительно были опубликованы по отдѣльности.— Ср. Ю. В. Ключниковъ: «Organisation Centrale»... etc.—Ст. въ «Юридич. Вѣстникѣ». 1916 г., книга XVI.

цита.—2. Государства должны гарантировать національностямъ, населяющимъ ихъ территорію, гражданское равенство, религіозную свободу и безпрепятственное пользованіе роднымъ языкомъ.—3. Государства должны ввести въ своихъ колоніяхъ, протекторатахъ и сферахъ вліянія свободу торговли или, по крайней мѣрѣ, одинаковое отношеніе (l'égalité de traitement) ко всѣмъ націямъ.—4. Работа гаагскихъ конференцій, направленная на мирную организацію Общества Народовъ, должна быть продолжена. Мирныя конференціи сдѣлаются постояннымъ учрежденіемъ съ періодическими сессіями.—5. Государства должны согласиться всѣ свои споры улаживать мирнымъ путемъ. Въ достиженіе этой цѣли, наряду съ Гаагской Палатой Третейскаго Суда, должны быть созданы: а) постоянная Палата Международнаго Суда, б) международный Слѣдственный и Согласительный Совѣтъ.—6. Государства должны совмѣстно принимать мѣры дипломатическія, экономическія или военныя въ случаѣ, если бы одно изъ государствъ прибѣгло къ военнымъ дѣйствіямъ, вмѣсто того чтобы подвергнуть споръ судебному разбирательству или обратиться къ посредству Слѣдственнаго и Согласительнаго Совѣта.—7. Государства согласятся сократить свои вооруженія.—8. Чтобы облегчить сокращеніе морскихъ

вооруженій, право захвата (droit de capture) должно быть отмѣнено, а свобода морей обезпечена.—9. Внѣшняя политика государствъ должна быть подвергнута дѣйствительному контролю ихъ парламентовъ, а секретные договоры не должны пользоваться правовой силой.—Приведенная программа интересна со многихъ точекъ зрѣнія. Напримѣръ, она содержитъ въ себѣ отчетливый и сжатый перечень всѣхъ тѣхъ основныхъ требованій, которыя съ давнихъ поръ выставлялись пацифистами разныхъ типовъ и оттѣнковъ въ цѣляхъ скорѣйшаго достиженія вѣчнаго международнаго мира. Она же наглядно показываетъ, насколько неосновательны претензіи тѣхъ, кто провозгласилъ послѣ начала нашей революціи знаменитую формулу «мира безъ аннексій и контрибуцій и самоопредѣленія народностей путемъ плебисцита», объявивъ ее формулой совершенно новой и при томъ специфически-демократической. Думается также, что съ полнымъ основаніемъ именно на эту же программу—программу-минимумъ, разсчитанную на немедленное осуществленіе,—могутъ опираться всѣ тѣ скептики, которые доказываютъ... недостижимость для человѣчества прочнаго международнаго мира въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Однако, перечень требованій разсматриваемой органи-

заціи для насъ важенъ не съ этихъ сторонъ. Для насъ въ немъ важно то, что онъ представляетъ собой детально и обстоятельно разработанный проектъ устройства всемірной конфедераціи,—значительно болѣе обстоятельный, чѣмъ проектъ фабіанцевъ—и при томъ, покоящійся на достаточно отчетливо выраженныхъ началахъ равенства и координаціи.

Проекты фабіанцевъ и «Центральной Организаціи»,—не говоря уже о проектахъ и воззрѣніяхъ Канта, Леруа-Больe, Мартенса и Ященко,—представляются т. ск. безотвѣтственными частными попытками, намѣчающими условія прочнаго международнаго мира. Дѣйствительно, какъ бы ни смотрѣли на нихъ сами ихъ авторы, все-таки это, по преимуществу, попытки чисто теоретическія.—Совершенно иной характеръ и иное значеніе имѣетъ заявленіе президента Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, В. Вильсона, сдѣланное въ сенатѣ республики 9 января 1917 года и офиціально переданное вслѣдъ затѣмъ правительствамъ всѣхъ державъ, воюющихъ и нейтральныхъ. Здѣсь уже предъ нами практическое выступленіе отвѣтственнаго государственнаго дѣятеля, каждое слово котораго обладаетъ реальнымъ политическимъ вѣсомъ. Это уже не проектъ только, это—разсчитанный и

взвѣшенный шагъ на пути къ «вѣчному миру», сдѣланный въ лицѣ своего президента одной изъ величайшихъ и могущественнѣйшихъ современныхъ республикъ.

Выставивъ требованія свободы самоопредѣленія націй, предоставленія каждому изъ государствъ свободнаго выхода къ морю, свободы морей, сокращенія морскихъ вооруженій и сухопутныхъ армій съ превращеніемъ ихъ въ «орудія сохраненія порядка, а не орудія нападенія или эгоистическаго насилія», президентъ Вильсонъ не побоялся сдѣлать дальнѣйшаго шага и потребовалъ созданія единой лиги всѣхъ культурныхъ народовъ. По его мнѣнію, принципъ противовѣсовъ и «равновѣсія» политическихъ силъ, такъ долго являвшійся главной основой всѣхъ международныхъ отношеній, успѣлъ уже вполнѣ обнаружить свою несостоятельность.—Если бы міровая борьба,—говорится въ заявленіи президента,—являлась борьбой «за новую систему равновѣсія, то кто захочетъ, кто можетъ поручиться за устойчивость новаго равновѣсія? Европа можетъ быть устойчива только тогда, когда она спокойна. Тутъ нужно не равновѣсіе силъ, а объединеніе силъ, не организованное соперничество, а организованный общій миръ».—«Поэтому является совершенно необ-

ходимымъ, чтобы была создана такая сила, которая служила бы гарантіей прочности состоявшагося соглашенія. Эта сила должна быть могущественнѣе не только каждой изъ нынѣ воюющихъ націй, но даже и любой коалиціи въ прошедшемъ и въ будущемъ, такъ чтобы никакой народъ и никакая возможная комбинація народовъ не могли противостоять этой силѣ. Если мы хотимъ, чтобы грядущій миръ оказался долговѣчнымъ, то его слѣдуетъ обезпечить организованнымъ превосходствомъ силы всего человѣчества».—«Я предлагаю,—повторяетъ Вильсонъ ту же мысль въ заключительной части заявленія,—чтобы впредь всѣ націи избѣгали заключать союзы, которые могли бы запутать ихъ въ сѣть интригъ или вовлечь въ эгоистическое соревнованіе и внести извнѣ смуту въ ихъ собственныя дѣла. Соглашеніе всѣхъ державъ не налагаетъ никакихъ путъ. Когда всѣ объединяются для дѣйствія въ одномъ направленіи и съ одной цѣлью, то всѣ дѣйствуютъ въ общемъ интересѣ и имѣютъ возможность жить своей собственной жизнью подъ общей защитой».

Спрашивается, на какой внутренней основѣ мыслитъ себѣ президентъ сѣверо-американской республики проектируемую лигу народовъ,—на всеобщемъ равенствѣ или же на столь есте-

ственномъ, казалось бы, господствѣ великихъ и сильныхъ государствъ надъ малыми и слабыми? На вопросъ подобнаго рода В. Вильсонъ даетъ отвѣтъ ясный и обстоятельный.—«Только тотъ миръ,—говоритъ онъ,—можетъ считаться долговѣчнымъ, который заключенъ между равными, который основанъ на принципѣ равенства и равнаго участія въ общихъ благахъ. Чувство правды и чувство международной справедливости настолько же необходимы для установленія прочнаго мира, насколько необходимо для этого правильное разрѣшеніе жгучихъ вопросовъ территоріальнаго, племенного и національнаго характера. Равенство націй, на коемъ должно впредь покоиться зданіе прочнаго мира, должно выражаться въ ихъ равноправіи. Взаимныя гарантіи этого равноправія не должны дѣлать различія между великими и малыми націями, между могущественными и слабыми. Право должно опираться на общее могущество всѣхъ націй, отъ соглашенія которыхъ миръ будетъ зависѣть, а не на могущество одной изъ нихъ. Конечно, это не означаетъ равенства территорій и прочихъ ресурсовъ, ни вообще равенства въ распредѣленіи благъ, поскольку послѣднія явились результатомъ обычнаго мирнаго законнаго развитія народовъ. Но никто не ждетъ и

не требуетъ ничего, кромѣ равенства правъ».

Разсматриваемое выступленіе президента Вильсона имѣетъ тѣмъ болошее значеніе, что благодаря ему мысль о необходимости созданія «лиги народовъ» въ цѣляхъ обезпеченія всеобщаго мира начинаетъ все глубже и глубже проникать въ сознаніе руководящихъ политическихъ круговъ и представителей правительствъ разныхъ странъ. Уже послѣ первой циркулярной ноты американскаго правительства къ воюющимъ и нейтральнымъ державамъ отъ 5—18 декабря, въ которой взгляды его на условія прочнаго международнаго мира были еще едва только намѣчены, державы противугерманской коалиціи заявили что «всемѣрно сочувствуютъ пректу образованія Лиги Народовъ для обезпеченія мира и справедливости во всемъ мірѣ» [1]). Послѣ этого члены правительствъ согласія и союзныхъ съ ними странъ неоднократно высказывали свое сочувствіе идеямъ президента Вильсона и желаніе всячески содѣйствовать созданію заманчивой Лиги Народовъ. Также и авторы пресловутаго «Наказа» М. И. Скобелеву, избранному центральнымъ

[1]) Ср. «Les demarches pour la Paix Déclarations officielles du 12 décembre 1916 au 19 janvier 1917». Изд. Nouvelles de Hollande.

исполнительнымъ комитетомъ совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ въ качествѣ спеціальнаго представителя россійской «демократіи» на предполагавшуюся общесоюзническую конференцію въ Парижѣ [1]), съ полнымъ одобреніемъ отнеслись къ предложеніямъ американскаго президента. «Предложенная Вильсономъ лига мира,—говорится въ Наказѣ,—можетъ быть цѣннымъ завоеваніемъ международнаго права». И тутъ же добавляется, что это—«только при условіи обязательнаго участія въ ней всѣхъ государствъ съ равными правами».

На ряду съ проектами устройства конфедераціи во всеевропейскомъ или всемірномъ масштабѣ намѣчаются проекты и предпринимаются конкретные шаги къ устройству отдѣльныхъ частныхъ конфедерацій. Такъ, напримѣръ, надъ безпокойными пространствами Балканъ издавна уже носилась идея балканской конфедераціи. Еще въ 1844 году сербскій политикъ и государственный дѣятель, И. Гарашанинъ, развивалъ программу конфедеративнаго объедине-

[1]) Конференція эта состоялась 16—20 ноября с. ст. 1917 г., но уже при совершенно новой обстановкѣ по сравненію съ той, какая предполагалась раньше, и безъ спеціально-демократическаго русскаго представительства.

нія балканскихъ народовъ, которое являлось для него единственнымъ средствомъ разрѣшить «восточный вопросъ», не прибѣгая къ раздѣлу Турціи между Россіей и Австріей. Въ 60-хъ годахъ князь Михаилъ Обреновичъ сдѣлалъ попытку осуществить планы Гарашанина. Съ самаго начала онъ встрѣтилъ поддержку въ знаменитомъ Кошутѣ, считавшемъ желательнымъ для венгровъ объединеніе со славянами въ цѣляхъ совмѣстной борьбы противъ нѣмцевъ и турокъ. Въ 1867 г. конгрессъ болгарскихъ революціонеровъ, собравшійся въ Бѣлградѣ, вынесъ резолюцію о желательности созданія юго-славянской конфедераціи, при условіи сохраненія сербскимъ и болгарскимъ народами своихъ этнографическихъ границъ и своей національной независимости. Протоколъ конгресса, подписанный 35 его участниками, былъ представленъ князю Михаилу и премьеру И. Гарашанину, а въ отвѣтъ князь направилъ конгрессу особое письмо съ выраженіемъ полнаго своего сочувствія идеѣ балканской конфедераціи. Въ томъ же 1867 году Михаиломъ былъ заключенъ съ Греціей политическій и военный союзъ. Въ слѣдующемъ году въ Бухарестѣ былъ подписанъ договоръ между Сербіей и Болгаріей о соединеніи обоихъ княжествъ въ одно цѣлое подъ именемъ Сербо-

Болгаріи или Болгаро-Сербіи. Почти одновременно сербскимъ княземъ было подписано соглашеніе съ Черногоріей объ образованіи изъ Сербіи и Черногоріи единаго государства. Было также достигнуто соглашеніе съ Румыніей. И только внезапная смерть князя Михаила прервала въ 1869 году выполненіе обширныхъ плановъ его и его министра. Спустя двадцать лѣтъ за мысль о созданіи балканскаго союза ухватился греческій премьеръ-министръ Харилай Трикупись, который открылъ было по этому поводу дипломатическіе переговоры съ болгарскимъ премьеромъ, извѣстнымъ Стамбуловымъ. Въ самые послѣдніе годы, согласно сообщенію В. В. Водовозова, требованіе объ устройствѣ конфедераціи балканскихъ государствъ включено въ политическія программы всѣхъ соціалистическихъ партій Балканскаго полуострова, въ программу крестьянской партіи въ Болгаріи, а также поддерживается очень многими изъ балканскихъ общественныхъ дѣятелей, не принадлежащихъ къ соціалистическимъ партіямъ [1]). Въ частности, болгарскій дипломатъ и членъ академіи А. Шоповъ выпустилъ

---

[1]) В. В. Водовозовъ: «На Балканахъ». Петрогр. 1917 г., с. 129.

въ 1915 году брошюру, въ которой доказывалась возможность образованія на Балканахъ конфедераціи при условіи независимости отдѣльныхъ государствъ, признанія начала національностей, восполненнаго началомъ естественныхъ географическихъ границъ, и при удовлетвореніи требованій экономической необходимости [1]). А по мнѣнію виднаго греческаго публициста, Л. Маккаса, «балканская конфедерація уже осуществилась бы», если бы въ началѣ настоящей великой войны Болгарія согласилась на вполнѣ выгодныя для нея условія, предложенныя ей греческимъ правительствомъ въ лицѣ Венизелоса [2]).

Въ числѣ образчиковъ коварства тайной дипломатіи и тайныхъ договоровъ буржуазныхъ правительствъ, съ такимъ шумомъ и торжествомъ опубликованныхъ Л. Троцкимъ, находилась «Справка по малоазіатскому вопросу» отъ 21 февраля 1917 года. Въ справкѣ этой значится: «Въ результатѣ переговоровъ, происходившихъ весной 1916 года въ Лондонѣ и Петроградѣ, союзныя Великобританское, Французское и Русское правительства пришли къ согла-

---

[1]) Ibid., p 131

[2]) Maccas, L: «Ainsi parla Venizélos...—Etudes de politique extérieure grecque». Paris. 1916, p. 43.

шенію относительно будущаго распредѣленія ихъ зонъ вліянія и территоріальныхъ пріобрѣтеній въ Азіатской Турціи, а также образованія въ предѣлахъ Аравіи независимаго Арабскаго государства или конфедераціи Арабскихъ государствъ». Поводомъ къ устройству подобнаго рода конфедераціи, какъ явствуетъ изъ дальнѣйшаго текста документа, послужила необходимость создать особую промежуточную зону между областями, долженствовавшими отойти отъ Турціи къ Франціи, —съ одной стороны, и къ Англіи,—съ другой [1]).

Какъ процессъ, ведущій къ созданію новой обширной конфедераціи еще совершенно независимыхъ пока государствъ, можно разсматривать и то пан-американское движеніе, которое за послѣднее время дѣлаетъ несомнѣнные и весьма существенные успѣхи. Уже въ 1812 году мысль о сближеніи или объединеніи центрально-американскихъ и южно-американскихъ государствъ занимала знаменитаго Симона Боливара. Черезъ десять лѣтъ, въ качествѣ президента колумбійской республики, онъ дѣлаетъ энергичную попытку осуществить эту

---

[1]) «Извѣстія Центральнаго Исполнительнаго Комитета и Петроградскаго Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ».—№ 222, 11 ноября 1917 г.

мысль и приглашаетъ правительства Мексики, Чили, Перу и Аргентины (Буэносъ-Айреса)—«образовать союзъ и созвать въ Панамѣ или въ другомъ какомъ-нибудь мѣстѣ, согласно желанію большинства, конгрессъ уполномоченныхъ каждаго изъ государствъ». Конгрессъ этотъ—поясняетъ Боливаръ,—«служилъ бы намъ Совѣтомъ во всѣхъ важныхъ вопросахъ, связующимъ звеномъ во всѣхъ общихъ опасностяхъ, вѣрнымъ толкователемъ договоровъ въ случаѣ разногласій и, наконецъ, примирителемъ при конфликтахъ»[1]). Въ цѣляхъ подготовки подобнаго рода конгресса энергичный освободитель южно-американскихъ колоній заключилъ въ 1822 и 1823 гг. рядъ договоровъ съ различными государствами центральной и южной Америки, въ которыхъ сторонами особенно подчеркивалась жажда «мира, покоящагося на справедливости» и постепеннаго образованія изъ всѣхъ американскихъ государствъ «вѣчной лиги» [2]). Въ 1826 году задуманный Боливаромъ конгрессъ собрался въ Панамѣ. Въ итогѣ трехнедѣльной работы представителей Колумбіи, Соединенныхъ Штатовъ Центральной Америки, Перу

[1]) Fried. A. H. «Pan-Amerika.—Entwicklung, Umfang und Bedeutung der panamerikanischen Bewegung».—Berl. 1910. S 6.

[2]) Ibid., s. 79.

и Мексики (остальныя американскія государства уклонились отъ участія въ конгрессѣ) было подписано четыре соглашенія:—объ объединеніи, союзѣ и «вѣчной федераціи»;—два соглашенія объ опредѣленіи численности армій и флотовъ представленныхъ на конгрессѣ государствъ;—соглашеніе о перенесеніи засѣданій конгресса изъ Панамы съ ея лихорадочнымъ климатомъ въ Такубайю. Наибольшее значеніе должно было имѣть, несомнѣнно, первое изъ перечисленныхъ соглашеній. Детально разработанное, оно обезпечивало тѣсное объединеніе американскихъ республикъ на основѣ сохраненія суверенитета, независимости и территоріальной цѣлости конфедерантовъ,—съ запрещеніемъ имъ сепаратныхъ мирныхъ договоровъ съ враждебными государствами,—съ обязательствомъ въ случаѣ нужды оказывать взаимную военную помощь на сушѣ и на морѣ. Имъ же предусматривалось устройство Генеральнаго Собранія, на которое каждое изъ государствъ посылало бы по два представителя и которое въ мирное время должно было засѣдать черезъ каждые два года, а во время войны—постоянно. Главнѣйшую задачу Генеральнаго Собранія должно было составлять веденіе всей внѣшней политики конфедераціи и регулированіе взаимоотношеній между ея членами.

Настоящій договоръ не вошелъ въ законную силу, такъ какъ ни одно правительство, кромѣ колумбійскаго, не рѣшилось окончательно утвердить (ратифицировать) его. Не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ и два послѣдующихъ латино-американскихъ конгресса, состоявшихся въ Лимѣ въ 1847—1848 и въ 1864—1865 годахъ. На первомъ изъ нихъ было подписано два «соглашенія»,—одно, касающееся почтоваго дѣла, другое по вопросамъ, связаннымъ съ устройствомъ консульской части, и два «договора»—союзный и торговый. Въ предисловіи къ союзному договору отмѣчалось, что испано-американскія республики, «связанныя между собой происхожденіемъ, языкомъ, религіей, обычаями, географическимъ положеніемъ, общимъ дѣломъ, защищаемымъ ими, сходствомъ ихъ учрежденій, а въ особенности общими потребностями и взаимными интересами, должны разсматриваться какъ части одной и той же націи». При созывѣ конгресса 1864 года на первый планъ былъ выдвинуть пунктъ о томъ, чтобы «навсегда устранить войны и замѣнить ихъ третейскими разбирательствами, въ качествѣ единственнаго средства къ разрѣшенію недоразумѣній между южно-американскими республиками». Въ осуществленіе этого пункта были подписаны проекты до-

говоровъ о «союзѣ объединенія и обороны» и о «поддержаніи мира». Всѣ перечисленные проекты договоровъ и соглашеній, не получивъ въ установленный срокъ должной ратификаціи, такъ и остались проектами.

Съ начала восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія задачу объединенія Америки беруть на себя Соединенные Штаты, и съ этихъ поръ конфедеративное американское движеніе впервые получаетъ пан-американскій розмахъ. Въ ноябрѣ 1881 года «Бисмаркъ Соединенныхъ Штатовъ», статсъ-секретарь Джемсъ Блэнъ, обратился ко всѣмъ аккредитованнымъ при Вашингтонскомъ правительствѣ представителямъ другихъ американскихъ правительствъ съ циркулярной нотой. Въ ней онъ ссылался на предшествующія попытки объединенія Америки и выражалъ убѣжденіе въ томъ, что теперь-то вотъ приспѣло, наконецъ, время обсудить и выяснить пути къ устраненію войнъ среди американскихъ народовъ,—къ замѣнѣ ихъ судебнымъ процессомъ,—къ водворенію на американскомъ континентѣ всеобщаго благоденствія и тѣснаго сотрудничества государствъ. При этомъ Блэнъ усиленно подчеркивалъ, что рѣчь идетъ не о разрѣшеніи какихъ-либо текущихъ вопросовъ, а о выясненіи «интересовъ всѣхъ примѣнительно къ будущему времени». Онъ подчеркивалъ также,

что Соединенные Штаты отнюдь не претендуютъ на роль «совѣтчика», но охотно соглашаются выступать «на равной ногѣ со всѣми другими державами». Практически предложеніе статсъ-секретаря сѣверо-американской республики сводилось къ тому, чтобы представители всѣхъ американскихъ государствъ съѣхались черезъ годъ на конгрессъ въ Вашингтонъ. Однако, въ 1882 году собрать первый пан-американскій конгрессъ не удалось и онъ собрался лишь въ 1889 году.

Къ первымъ числамъ октября этого года въ столицу Соединенныхъ Штатовъ съѣхались наиболѣе выдающіеся дипломаты восемнадцати различныхъ американскихъ республикъ. Въ своей привѣтственной рѣчи, обращенной къ нимъ при открытіи конгресса, Блэнъ снова отмѣтилъ, что Соединенные Штаты собираются служить дѣлу мира и справедливости на основѣ «абсолютнаго равенства» съ остальными государствами, а затѣмъ отъ имени президента пригласилъ собравшихся прокатиться по Штатамъ. Въ спеціальномъ поѣздѣ, обставленномъ съ исключительной даже для Америки роскошью, делегаты конгресса въ теченіе 42 дней разъѣзжали по широкимъ пространствамъ сѣверной республики, внимательно ознакамливаясь съ нею и всюду находя одинаково восторженный пріемъ

населенія, одинаково утонченную предупредительность властей. По возвращеніи изъ поѣздки, члены конгресса приступили къ работамъ, постановивъ въ первую очередь, что каждое изъ представительствъ будетъ пользоваться только однимъ голосомъ. Далѣе, было составлено 16 комиссій для предварительной разработки главнѣйшихъ вопросовъ программы конгресса. Въ числѣ этихъ комиссій значились слѣдующія: двѣ комиссіи по таможеннымъ дѣламъ;—спеціальныя комиссіи по вопросамъ сообщенія въ Атлантическомъ и Тихомъ океанахъ, въ Мексиканскомъ заливѣ и въ Карибскомъ морѣ;—желѣзнодорожная комиссія;—комиссія мѣръ и вѣсовъ;—санитарная;—по охранѣ патентовъ и образцовъ;—по вопросамъ выдачи преступниковъ;—для выработки монетной конвенціи;—по банковымъ вопросамъ;—комиссія по частному международному праву;—комиссія по вопросамъ «общаго благополучія», т.-е. иначе говоря, по выработкѣ положенія о международномъ третейскомъ судѣ и, вообще, о мирномъ разрѣшеніи возможныхъ столкновеній между американскими государствами.

Какъ это видно изъ приведеннаго перечня комиссій, программа первой пан-американской конференціи была необычайно обширной, такъ что если бы все намѣченное въ ней сразу удалось

провести въ жизнь, то все-американская конфедерація сразу встала бы на твердыя ноги. Но увы!—усилія американскихъ политиковъ и на этотъ разъ оказались тщетными: конгрессу 1889—1890 гг. удалось составить проектъ лишь одного единственнаго договора, который вдобавокъ раздѣлилъ общую участь проектовъ всѣхъ предшествующихъ американскихъ конгрессовъ, т.-е. такъ и остался нератифицированнымъ. Что же касается остальныхъ постановленій конгресса, то они старательно избѣгали облекаться въ какія-либо формы, помимо скромной формы «пожеланій» и «заявленій». И только два вполнѣ положительныхъ результата посчастливилось достигнуть въ 1889 году: во-первыхъ, былъ созданъ пан-американскій союзъ торговой информаціи («международный союзъ американскихъ республикъ») съ соотвѣтствующимъ бюро въ качествѣ органа союза («Коммерческое бюро американскихъ республикъ»), а во-вторыхъ—была организована международная желѣзнодорожная комиссія.—«Уже только по одному этому,—замѣчаетъ А. Фридъ,—явилось бы ошибкой считать продѣланную тамъ (на конгрессѣ) обширную работу пропавшей даромъ. Вообще, предпріятія подобнаго рода нельзя оцѣнивать по ихъ прямымъ и непосредственнымъ результатамъ. Значеніе кон-

гресса въ косвенныхъ достиженіяхъ: въ сѣменахъ, посѣянныхъ имъ, въ вызванныхъ имъ движеніяхъ (Anregungen)... Уже самый созывъ конференціи послѣ многолѣтнихъ напрасныхъ усилій представляется успѣхомъ. Не меньшее значеніе имѣлъ и тотъ фактъ, что обнаружилась возможность мирной совмѣстной работы представителей столь по разному устроенныхъ государствъ—двухъ столь рѣзко различныхъ расъ»[1]). Всѣ эти разсужденія представляются, однако, не чѣмъ инымъ. какъ весьма слабыми и весьма натянутыми утѣшеніями. Совсѣмъ не того ожидала, разумѣется, Америка отъ полугодовой работы своихъ представителей, отъ семидесяти пленарныхъ засѣданій, которыя они высидѣли, и отъ безчисленныхъ засѣданій ихъ въ комиссіяхъ. Гора родила мышь,—такъ долженъ былъ думать о первомъ панамериканскомъ конгрессѣ всякій, кто не глядитъ на вещи вмѣстѣ съ А. Фридомъ сквозь розовыя очки восторженно-оптимистическаго пацифизма.

Черезъ одиннадцать съ половиной лѣтъ та же гора родила снова, но уже не мышь, а нѣчто значительно болѣе крупное и цѣнное. Мы имѣемъ въ виду вторую пан-американскую кон-

---

[1]) A. Fried, op. cit., p. 89.

ференцію, работавшую въ г. Мексико съ конца октября 1901 года и вплоть до февраля 1902 года. Программа этой новой попытки всеамериканскаго объединенія оказалась еще болѣе обширной, чѣмъ всѣ предыдущія аналогичныя программы; вотъ почему американцы и на этотъ разъ не сумѣли осуществить всего того, что ими было намѣчено. Однако, теперь имъ удалось выработать и принять проекты цѣлыхъ 6 конвенцій, 4 договоровъ, 1 протокола, 8 резолюцій и 3 пожеланій, а это уже несомнѣнный шагъ впередъ. Къ тому же, и въ жизнь оказалось возможнымъ провести значительно больше того, что въ свое время провела первая конференція. Напримѣръ, благодаря протоколу о присоединеніи латино-американскихъ республикъ къ постановленіямъ мирной гаагской конференціи 1899 года республикамъ этимъ былъ открытъ путь для участія въ слѣдующей такой конференціи,—въ 1907 году. Договоры объ обязательномъ третейскомъ судѣ между американскими республиками, объ искахъ за убытки, о выдачѣ преступниковъ и борьбѣ съ анархизмомъ въ теченіе ближайшихъ же лѣтъ были ратифицированы нѣсколькими правительствами. Пожеланія относительно созыва конгрессовъ по вопросамъ таможенному, санитарному и по вопросамъ, связаннымъ съ торговлей

кофе, также были приведены въ исполненіе въ ближайшіе годы. Но что, быть можетъ, представляется наиболѣе важнымъ,—«Международное бюро американскихъ республикъ», созданное Вашингтонской конференціей 1889—1890 гг., теперь подверглось значительной реорганизаціи, сдѣлалось хранителемъ архивовъ пан-американскихъ конференцій, получило несравнимо болѣе «международный» характеръ, закрѣпило за собой право вступать черезъ дипломатическихъ представителей въ Вашингтонѣ различныхъ американскихъ республикъ съ самими правительствами этихъ республикъ. Въ свою очередь, и указанныя правительства обезпечили себѣ послѣ конференціи въ Мексико право обращаться къ бюро за всѣми тѣми свѣдѣніями, которыми оно могло располагать и въ которыхъ они нуждались бы. Правъ былъ поэтому одинъ изъ виднѣйшихъ участниковъ конференціи 1901—1902 гг., когда черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ нея онъ говорилъ: «Достигнутые конференціей практическіе результаты таковы, что она никогда не забудется. Результаты эти доказываютъ, что больше всякой другой она способствовала торговому преуспѣянію Америки, а также прогрессу благородной идеи замиренія міра» [1]).

[1]) Слова генеральнаго секретаря конференціи, г. Казазюса—см. A. H. Fried, op. cit. p. 146.

За второй пан-американской конференціей послѣдовала третья, состоявшаяся въ столицѣ Бразиліи (Ріо-де-Жанейро) въ 1906 году, за третьей четвертая—въ 1910 году, въ Буэносъ-Айресѣ [1]). На каждой изъ этихъ послѣднихъ конференцій дѣлались дальнѣйшіе серьезные шаги по пути къ все болѣе тѣсному сближенію между собой американскихъ государствъ, а въ частности—достигалась все болѣе и болѣе совершенная организація «Международнаго бюро американскихъ республикъ» (съ 1910 г.—«Бюро Пан-Американскаго Союза»), этого любимѣйшаго изъ чадъ новѣйшаго пан-американизма.

Что ожидаетъ разсматриваемое нами движеніе въ ближайшемъ будущемъ? Трудно предсказать. По мнѣнію А. С. Ященко, изъ пан-американскихъ конференцій «едва ли можетъ получиться дѣйствительное объединеніе Америки, въ силу коренного антагонизма и отличія какъ по природнымъ географическимъ условіямъ, такъ и по экономическому составу и по традиціямъ политической исторіи между латин-

---

[1]) О нихъ см. С. А. Корфъ «Федерализмъ», Спб., 1908 г., сс. 43—48.—А. С Ященко «Теорія федерализма», сс. 536—541.—A H. Fried, op. cit, pp. 152—206.—M. Escoffier «Amérique latine» въ изд. La vie politique dans les deux Mondes, t. I, pp. 524—529, t IV, pp. 494—499.

ской и англо-саксонской Америками.»[1]). Не менѣе скептически смотритъ на будущее пан-американизма и М. Эскоффье. По его наблюденіямъ, уже на конференціи въ Мексико стало сказываться все большее и большее недовѣріе латинскихъ республикъ къ ихъ могущественной англо-саксонской сосѣдкѣ и боязнь ихъ «попасть подъ опеку». На конференціи 1910 года эти недовѣріе и боязнь чуствовались едва ли не въ еще большей степени. Неутѣшительными кажутся Эскоффье и самые результаты конференцій. Такъ, по поводу итоговъ конференціи въ Ріо-де-Жанейро (1906 г.) онъ замѣчаетъ: «комиссіи конгресса много работали, самъ же конгрессъ чрезвычайно мало. Ничего положительнаго, ничего дѣйствительно практическаго не было дано въ его конвенціяхъ и резолюціяхъ, большею частью все это простые проекты, пожеланія, заявленія, лишній разъ восхваляющіе прелесть международнаго арбитража»[2]). Напротивъ, А. Фридъ, какъ мы уже имѣли случай убѣдиться, весьма оптимистично смотритъ на будущее пан-американскаго движенія. А что касается С. А. Корфа, то, изложивъ сущность достиженій конференціи

---

[1]) А. С Ященко, цит. соч., сс 540—41.

[2]) M Escoffier, op. cit. t. I, p. 523.

1906 г., онъ совсѣмъ уже восторженно восклицаетъ: «Таковы то огромное значеніе и та неоцѣненная служба, которыя принесла Южной Америкѣ идея общаго федеративнаго единенія. Они неопровержимо доказываютъ, сколь великъ прогрессъ современнаго намъ федеративнаго движенія среди государствъ Новаго Свѣта, и сколь онъ полезенъ и выгоденъ этой части свѣта. Весьма недалеко то время, когда Южная Америка объединится въ одно общее цѣлое, въ федерацію всѣхъ южно-американскихъ республикъ; переходной стадіей, конечно, будетъ сперва международная форма единенія, какой-нибудь торговый или таможенный союзъ, но несомнѣнная выгода болѣе прочнаго единенія скоро должна будетъ вызвать переходъ такого международнаго союза въ единеніе государственное. Такимъ образомъ мы утверждаемъ, что уже въ недалекомъ будущемъ человѣчество станетъ свидѣтелемъ возникновенія въ Южной Америкѣ союза государствъ, и что, кромѣ того, имѣются всѣ данныя предполагать, что этотъ союзъ государствъ неизбѣжно и въ малое время обратится въ союзное государство» [1]). Блаженъ, кто вѣруетъ, но въ данномъ случаѣ блаженны и невѣрующіе:—шансы у тѣхъ и у другихъ ошибиться,

[1]) С А. Корфъ, цит. соч., сс 47—48.

или угадать совершенно одинаковы. Какъ это часто бываетъ въ политическихъ вопросахъ, истина здѣсь находится, повидимому, посрединѣ. Врядъ-ли слишкомъ скоро, врядъ ли вся сразу и врядъ ли въ союзное государство,— но все же Америка объединится, наконецъ, и тотъ или иной союзъ государствъ навѣрное въ ней возникнетъ.

Отмѣтимъ, что принципъ равенства всѣхъ американскихъ государствъ, на которомъ такъ настаивалъ въ началѣ 80-хъ гг., передъ созывомъ первой пан-американской конференціи, Джемсъ Блэнъ, не былъ забытъ и послѣ. Твердымъ фундаментомъ служилъ и служитъ онъ всему объединительному движенію въ Америкѣ; быть можетъ, даже— всему американскому международно-правовому сознанію. Не разъ находилъ онъ себѣ тамъ восторженныхъ и краснорѣчивыхъ служителей и защитниковъ. Однако, едва ли не съ наибольшей силой и экспрессіей провозгласилъ его въ 1906 г. почетный президентъ конгресса въ Ріо-де-Жанейро, Э. Рутъ (статсъ-секретарь Соединенныхъ Штатовъ): «Мы [1]), полагаемъ, — говорилъ онъ,—что независимость и равенство правъ наиболѣе слабыхъ членовъ въ семьѣ на-

[1]) Т.-е.—народъ Соединенныхъ Штатовъ.

родовъ должны уважаться такъ же, какъ и у самыхъ великихъ имперій; а въ сохраненіи этого уваженія мы усматриваемъ главнѣйшую защиту слабаго отъ угнетенія со стороны сильнаго. Мы не требуемъ и не желаемъ правъ, привилегій и полномочій, которыхъ мы цѣликомъ не признали бы за каждой изъ американскихъ республикъ. Мы хотимъ увеличить наше благосостояніе, расширить нашу торговлю: мы хотимъ новаго богатства, знанія и славы. Однако, наше представленіе о лучшемъ пути къ достиженію подобныхъ цѣлей сводится не къ тому, чтобы уничтожать другихъ и выигрывать отъ ихъ гибели, но чтобы въ дѣлѣ общаго процвѣтанія помогать всѣмъ, какъ друзьямъ, и чтобы всѣмъ вмѣстѣ становиться больше и сильнѣе» [1]). Врядъ ли мы будемъ неправы, если скажемъ что въ этой краснорѣчивой апологіи идеи международнаго равенства содержится одновременно и убѣжденная апологія идей конфедеративнаго федерализма.

Но тѣмъ не менѣе конфедерацію никакъ нельзя признать за вполнѣ удовлетворительную форму объединенія государствъ или за высшее достиженіе самоутверждающагося интернаціонализма. Нѣтъ, съ точки зрѣнія интересовъ

[1]) A. H Fried, op. cit., p. 171.

международной солидарности, конфедераціи многое можно поставить въ упрекъ, а въ отдѣльныхъ конкретныхъ случаяхъ упреки наши неизбѣжно оказывались бы тѣмъ болѣе тяжкими, чѣмъ болѣе чистое и полное примѣненіе находило бы въ данномъ союзѣ государствъ именно федеративное начало равенства и добровольнаго договорнаго сочетанія. Утверждать такъ приходится потому, что всѣ союзы подобнаго рода неизмѣнно обнаруживали чрезвычайную внутреннюю слабость и неустойчивость, и если они поддерживались иногда въ теченіе долгихъ десятилѣтій и даже столѣтій, то лишь цѣной самыхъ напряженныхъ усилій своихъ членовъ или же благодаря исключительно счастливой окружающей обстановкѣ. Та свобода, которую онѣ обезпечиваютъ своимъ членамъ, есть свобода отъ многихъ политически чрезвычайно полезныхъ обязательствъ; напротивъ, та необходимость, которая лежитъ въ основѣ всякаго прочнаго соединенія, есть необходимость поступиться полнотой своей «свободы». «Въ старинныхъ федераціяхъ [1]), — говоритъ Токвиль,—пра-

[1]) Различеніе терминовъ конфедерація и федерація Токвилю не было еще знакомо. Подъ федераціей онъ подразумѣвалъ именно конфедерацію, а для первой считалъ еще необходимымъ найти «новое слово».—Токвиль, А: «Демократія въ Америкѣ», М. 1897, с. 125.

ва, предоставленныя союзу, являлись для него источникомъ войнъ, а не силы, потому что эти права увеличивали его требованія, не увеличивая его средствъ заставлять себѣ повиноваться. Поэтому почти всегда оказывалось, что дѣйствительная слабость союзныхъ правительствъ возрастала въ прямомъ отношеніи къ ихъ номинальной власти»[1]). Можетъ быть, Токвиль смотритъ излишне пессимистично, но и другіе авторы признаютъ конфедерацію «безформенной, мало удовлетворительной организаціей государственной жизни» [2]), а ея центральную власть «осужденною на полное безсиліе» [3]).

По словамъ Галлера, единство швейцарскаго союза до 1798 г.—даже въ сношеніяхъ съ другими державами—существовало больше въ идеѣ, чѣмъ въ дѣйствительности, такъ какъ не воплощалось ни въ какомъ общественномъ авторитетѣ. Обычныя собранія пословъ швейцарскихъ земель представляли собой не болѣе, какъ общіе съѣзды для провѣрки отчетовъ и производства апелляцій, а чрезвычайныя собранія не обладали ни полномочіями, ни общественными средствами. Большинство не пользовалось въ собраніяхъ рѣшительно никакой

[1]) Токвиль, А.: указ соч., с. 125.

[2]) Waitz, «Grundzüge der Politik», 1862, p. 159.

[3]) Ященко: «Теорія федерализма», с. 362.

властью для выполненія одобренныхъ имъ мѣропріятій. Достаточно было поэтому несогласія только одной какой-нибудь земли, чтобы сразу испортить или остановить ходъ всего общаго дѣла. Но и это еще не все: даже для выполненія единогласныхъ рѣшеній союзъ совершенно не располагалъ, оказывается, никакими необходимыми средствами [1]).—Точь въ точь такими же штрихами В. Вильсонъ обрисовываетъ американскій союзъ въ періодъ между 1778 и 1787 гг. Правительственная союзная власть осуществлялась здѣсь, какъ извѣстно, черезъ конгрессъ. Однако, будучи лишенъ какой бы то ни было исполнительной власти, конгрессъ оставался совершенно безпомощнымъ и не пользовался никакимъ реальнымъ значеніемъ. Ни единаго важнаго рѣшенія не могъ принять онъ, не натолкнувшись на упорныя разногласія между девятью штатами. Послѣ того, какъ военная опасность со стороны Англіи миновала, разногласія эти стали особенно усиливаться. Къ тому же интересъ отдѣльныхъ штатовъ къ дѣятельности конгресса началъ замѣтно понижаться и своихъ делегатовъ на его сессіи они стали уже посылать весьма неаккуратно.—Глав-

---

[1]) Приведено у С. А. Котляревскаго: «Конституціонное Государство»—Спб., 1907 г., с. 73.

нымъ исполнительнымъ органомъ конгресса являлся «Комитетъ штатовъ». Каждое важное мѣропріятіе свое комитетъ этотъ обязанъ былъ принимать большинствомъ не менѣе девяти изъ тринадцати его членовъ; права же, принадлежащія ему, сводились лишь къ праву обращаться съ увѣщаніями.—«Онъ могъ,—говоритъ про «Комитетъ штатовъ» В и л ь с о н ъ,—просить у штатовъ денегъ, но не могъ заставить штаты дать ихъ; онъ могъ просить у штатовъ войска, но не могъ заставить ихъ подчиниться набору; онъ могъ заключать договоры, но соблюденіе ихъ было предоставлено доброй волѣ штатовъ; онъ могъ заключать займы, но въ уплатѣ ихъ приходилось полагаться на штаты. Это учрежденіе было надѣлено широкими прерогативами, но вовсе не обладало дѣйствительными полномочіями»[1]).

Удивительно ли при такихъ условіяхъ, что союзы государствъ или стремятся къ распаденію, если въ основѣ ихъ не лежитъ достаточной силы взаимнаго притяженія частей,—или же, наоборотъ, уплотняются до степени цѣлостнаго г о с у д а р с т в е н н а г о образованія? Послѣднее случалось въ исторіи значительно чаще: изъ Швейцарскаго Союза создалась современ-

[1]) В. В и л ь с о н ъ, «Государство». § 1069, с. 409.

пая швейцарская федерація, изъ Американскаго Союза—С.-А. Соединенные Штаты, изъ Германскаго Союза—Германская имперія. Тотъ же путь отъ союза къ государству продѣлали и многія изъ современныхъ южно-американскихъ республикъ.

Развѣ не правы послѣ этого всѣ тѣ, кто считаетъ возникновеніе союзнаго государства естественнымъ завершеніемъ того самаго процесса, который на болѣе ранней своей стадіи вызвалъ къ жизни союзъ соотвѣтствующихъ государствъ?

III.

Союзное государство.

Къ сожалѣнію, исторія не позаботилась, чтобы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ переходъ отъ союза государствъ къ союзному государству всегда оказывался достаточно отчетливымъ. Не въ каждой конфедераціи встрѣчаются всѣ тѣ признаки, которые существенны для этой политической формы: члены Германскаго Союза, напримѣръ, не обладали правомъ сецессіи. Не въ каждой федераціи осуществляется полное превращеніе изъ союза въ государство,—не даромъ нѣкоторые ученые отказываются признать за федерацію современную Германію. Но какъ бы

то ни было теоретически различія между конфедераціей и федераціей провести можно, и эти различія очень скоро превращаются въ полное противопоставленіе обѣихъ формъ государственныхъ соединеній другъ другу.

Теоретически рѣшительно все въ союзномъ государствѣ совершенно противоположно тому, что имѣется въ союзѣ государствъ. Если конфедерація представляетъ собой отношеніе международно-правового характера, то федерація переводитъ насъ въ область государственнаго права. Если конфедерація покоится непремѣнно на договорѣ, то федерація покоится на законѣ [1]) или на договорѣ, съ извѣстнаго момента самъ

---

[1]) Ср. Ященко «Теорія Федерализма», С. 286.—По Laband'y, Германской Конституціи предшествовалъ договоръ о созданіи ея, но не онъ ея основа; основа—законъ 1 янв. 1871 г.—Op. cit. pp. 91, 151. Каждое изъ германскихъ государствъ должно было изъявить въ порядкѣ закона свою волю стать штатомъ въ союзномъ государствѣ. Какъ только они изъявили эту волю, такъ и стали штатами. Ср. Gierke: «Labands Staatsrecht u. die deutsche Rechtswissenschaft»—Jahrbuch für Gesetzgeb., Verwaltung etc. (Schmollers),—1888, ss. 1153—1154.—Также и самъ Gierke, ibid., pp. 1154—5.—Brunialti, A. «Unioni e combinazioni fra gli Stati.—Gli Stati composti e lo Stato federale». Torino. 1891. op. cit., pp. 171—2;—С. А. Корфъ,: «Федерализмъ». 1908 г.

собой превратившемся въ законъ[1]). Въ конфедераціяхъ суверенитетъ принадлежитъ отдѣльнымъ входящимъ въ нихъ членамъ, въ федераціяхъ онъ штатамъ не принадлежитъ [2]): по мнѣнію однихъ имъ пользуется центральная союзная [3]) власть, по мнѣнію другихъ и центральная власть и всѣ штаты вмѣстѣ [4]). У членовъ конфедераціи имѣется право сецессіи и нуллификаціи, у членовъ федераціи его нѣтъ. Измѣненіе союзной конституціи, въ противоположность конфедераціи, можетъ совершаться въ федераціи и вопреки прямой волѣ отдѣльныхъ штатовъ. Далѣе, центральная власть имѣетъ право въ федераціи принуждать штаты къ исполненію союзныхъ обязательствъ (право такъ наз. «экзекуціи»), чего нѣтъ у центральнаго органа союза государствъ;—территорія федераціи разсматривается не только

---

[1]) Ср. Горенбергъ, цит. соч. 75. Согласно Г. Мейеру имперская германская конституція по своему возникновенію—договоръ, а по своему дѣйствію—законъ.

[2]) Въ этомъ сходятся Hänel, op. cit., pp. 802—804, Le-Fur op. cit., p. 692,—Borel,—Gierke,—Zorn.

[3]) Laband, op. cit., pp. 102, 158.—Jellinek, «Die Lehre v. den Staatenverbindungen», s. 278.

[4]) Такъ наз. «теорія участія», которой придерживаются Borel, Brunialti, Le Fur, Gierke, Hänel, Ященко.

какъ территорія отдѣльныхъ штатовъ, но и какъ единая общая федеральная территорія;—населеніе въ штатахъ находится въ состояніи двоякаго подданства: штатамъ, съ одной стороны, федеральному цѣлому—съ другой. Что же касается задачъ и функцій союзнаго государства, то онѣ охватываютъ всю полноту задачъ и функцій, выпадающихъ на долю всякаго государства.

Такъ, напримѣръ, конгрессъ С.-А. Соединенныхъ Штатовъ, въ качествѣ законодательнаго органа федераціи, пользуется по нынѣ дѣйствующей конституціи слѣдующими правами: устанавливать и собирать подати, пошлины, налоги и акцизные сборы, платить долги, слѣдить за внѣшней безопасностью и общимъ преуспѣяніемъ Штатовъ;—заключать займы за счетъ Соединенныхъ Штатовъ;—регулировать торговлю съ иностранными націями, между отдѣльными штатами и съ индійскими племенами;—устанавливать однообразныя правила относительно принятія въ подданство и однообразные законы касательно банкротствъ на всемъ пространствѣ государства;—чеканить монету, опредѣлять ея стоимость и стоимость иностранныхъ монетъ, а также устанавливать единицы мѣръ и вѣсовъ;—устанавливать наказанія за поддѣлку государственныхъ бумагъ и размѣнной монеты Соединенныхъ Штатовъ;—открывать почтовыя

учрежденнія и почтовыя дороги;—опредѣлять и назначать карательныя мѣры за пиратство и тяжкія преступленія, совершенныя въ открытомъ морѣ, и за преступленія противъ международнаго права;—объявлять войну, жаловать призовыя и репризовыя свидѣтельства, издавать правила касательно военной добычи на сушѣ и на морѣ;—набирать и содержать армію;—строить и содержать флотъ;—устанавливать правила относительно управленія и организаціи морскихъ и сухопутныхъ силъ;—принимать мѣры для созванія милиціи въ видахъ приведенія въ исполненіе законовъ союза, подавленія возстаній и отраженія вторженій;—«издавать всѣ законы, которые будутъ необходимы и пригодны для осуществленія вышеперечисленныхъ правъ и всѣхъ другихъ правъ, которыми по настоящей конституціи облечено правительство Соединенныхъ Штатовъ, или каждый изъ его департаментовъ, или должностное лицо»... (Ст. I, разд. 8).

Для Бруніальти въ союзномъ государствѣ наиболѣе характерно то, что оно въ одно и то же время представляется «организмомъ, основаннымъ на государственномъ правѣ, и организмомъ, основаннымъ на правѣ международномъ» [1]). Или, говоря словами Бри:

[1]) Brunialti, op. cit. p. 169: «un organismo di diritto pubblico ed un organismo di diritto internazionale».

въ то время какъ конфедерація является только союзомъ, а унитарное государство только государствомъ, федерація осуществляетъ въ себѣ одновременное сочетаніе и союза, и государства [1]). Къ обоимъ этимъ авторамъ весьма близокъ и Г е н е л ь, выдвигающій три основныхъ признака союзнаго государства: во-первыхъ, «планомѣрное распредѣленіе политическихъ задачъ между одной центральной и рядомъ децентрализованныхъ организацій»; во-вторыхъ, «надѣленіе центральной и децентрализованныхъ властей одинаковыми средствами права и силы для осуществленія стоящихъ передъ каждой изъ нихъ задачъ»; въ-третьихъ, «волеобразованіе центральной организаціи подъ двойнымъ воздѣйствіемъ отдѣльныхъ государствъ и гражданъ государства» [2]). Приведенныя характеристики вполнѣ правильно выявляютъ политическую и юридическую природу союзнаго государства, и для насъ, изучающихъ эту форму государственныхъ соединеній подъ угломъ зрѣнія проблемъ интернаціонализма, представляются особенно цѣнными. Опираясь на нихъ, прихо-

---

[1]) B r i e, «Theorie der Staatenverbindungen», 1886, s. 96. Ср. с. 109.

[2]) H ä n e l, «Deutsches Staatsrecht» Leipz. 1892. pp, 199—200.

дится сказать, что въ процессѣ постепенной интернаціонализаціи отдѣльныхъ частей политическаго міра образованіе государствъ знаменуетъ собой тѣ моменты, когда былыя независимость и международно-правовая обособленность отдѣльныхъ государствъ преодолѣваются, а взамѣнъ создаются новыя общія государственныя основы. При этомъ цѣлое не слишкомъ подавляетъ частей, а части не чувствуютъ особенной потребности оказывать противодѣйствіе цѣлому. Цѣлое и части находятъ здѣсь, такимъ образомъ, болѣе крѣпкое свое единство и болѣе дружно, чѣмъ въ конфедераціяхъ, сотрудничаютъ во имя достиженія всѣмъ имъ одинаково близкихъ политическихъ цѣлей. Правовой смыслъ союзныхъ государствъ,—справедливо замѣчаетъ С. А. Котляревскій,—заключается въ «обезпеченіи самостоятельности и равенства въ извѣстныхъ предѣлахъ для тѣхъ государствъ, которыя стояли другъ къ другу въ отношеніяхъ международнаго характера и которыхъ теперь политическая необходимость и культурная потребность заставляютъ соединиться въ единомъ государствѣ» [1]).

---

[1]) С. А. Котляревскій, «Власть и Право.—Проблема правового государства».—Москва, 1915 г., с. 270.

Какъ и въ союзахъ государствъ, въ федераціяхъ открывается самый широкій просторъ для примѣненія началъ полнаго равенства между государствами-членами (штатами) и для такихъ взаимныхъ отношеній между ними, которыя исключаютъ всякую возможность принудительнаго давленія однихъ на другія, подчиненія однихъ другимъ. Достигается это тѣмъ, во-первыхъ, что постановленія союзныхъ конституцій въ совершенно одинаковой мѣрѣ примѣняются ко всѣмъ штатамъ федераціи, а во-вторыхъ—тѣмъ, что въ верхнюю палату ея парламента, призванную выражать законодательную волю отдѣльныхъ штатовъ, отъ каждаго штата посылается одинаковое число представителей. Такъ, въ сенаты Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, Аргентины, Мексики или въ федеральный Совѣтъ Швейцаріи отъ каждаго штата (кантона) посылается по два представителя, въ сенатъ Бразиліи—по три, въ сенатъ Австралійской федераціи «впредь до измѣненія сего порядка»—по шести. При этомъ текстъ бразильскихъ основныхъ законовъ категорически запрещаетъ обсуждать въ законодательномъ порядкѣ проекты, клонящіеся къ «нарушенію р а в н а г о п р е д с т а в и т е л ь с т в а штатовъ въ сенатѣ». Столь же категорически австралійская и нѣкоторыя другія конституціи предписываютъ въ

законахъ, касающихся обложенія, не дѣлать различія между штатами или частями штатовъ. Благодаря всему этому государства-члены федерацій оказываются въ совершенно одинаковомъ положеніи какъ по отношенію къ центральной власти, такъ и въ отношеніи другъ къ другу, а федерализмъ въ такихъ федераціяхъ торжествуетъ одну изъ крупнѣйшихъ своихъ побѣдъ надъ государственнымъ индивидуализмомъ, въ частности—надъ имперіализмомъ.

Федеративная форма объединенія государствъ представляетъ собой въ настоящее время форму чрезвычайно распространенную. Помимо только что упоминавшихся нами Австралійской федераціи, Аргентины, Бразиліи, Мексики, Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и Швейцаріи, федераціями же являются Германія, Канада, Венецуэла, британская южная Африка.—«Чѣмъ дальше мы живемъ,—говоритъ С. А. Корфъ,—тѣмъ все ярче выступаетъ эта федеративная идея, тѣмъ все большія области государственной жизни ею охватываются, тѣмъ прочнѣе укрѣпляется среди народовъ сознаніе, что федеративное единеніе государствъ не только не грозитъ никакою опасностью внутренней ихъ автономіи и самостоятельному національному самоопредѣленію, но наоборотъ является только выгодной

и полезной, объединяя маленькія и слабыя государственныя единицы для болѣе успѣшной борьбы за существованіе»[1]).

Секретъ успѣха «федеративной идеи» разгадать нетрудно. Являясь одновременно и союзомъ, и государствомъ,—федераціи легко совмѣщаютъ въ себѣ не только всѣ тѣ положительныя свойства, которыми обладаютъ союзъ и государство, взятые порознь, но также и всѣ тѣ, что сами собой рождаются изъ взаимопримиренія этихъ двухъ типовъ организаціи народовъ. Какъ союзъ, каждая федерація обезпечиваетъ своимъ штатамъ значительную долю свободы и возможность полнаго взаимнаго равенства, а при свѣтѣ современнаго правосознанія это не можетъ не представляться въ высшей степени цѣннымъ. Какъ государства, федераціи даютъ объединившимся въ нихъ малымъ политическимъ организмамъ всѣ тѣ выгоды наибольшаго сосредоточенія и предѣльной экономіи общихъ силъ, быстроты и точности въ работѣ общественнаго механизма, чувства единства, богатства матеріальными средствами и людьми—наконецъ, общей внѣшней обезпеченности, которыя заключаетъ въ себѣ всякое вообще крупное и сильное государство. Союзы, покоящіеся только на свободѣ и договорѣ, какъ подтвер-

---

[1]) С А. Корфъ, «Федерализмъ», сс. 91—92.

ждаетъ опытъ конфедерацій, неустойчивы и при затратѣ массы энергіи приводятъ лишь къ очень слабымъ результатамъ. Съ другой стороны, и государства, которыя совершенно не считаются съ мѣстными условіями въ бытѣ и положеніи отдѣльныхъ своихъ частей и которыя принудительно управляютъ всѣми этими частями изъ одного единственнаго центра, также не могутъ давать своимъ народамъ ни счастья, ни процвѣтанія. Но зато свобода, равенство и добровольное соглашеніе народовъ въ одномъ планѣ—въ планѣ взаимнаго сочетанія ихъ какъ частей новой, болѣе обширной организаціи,—а одновременно подчиненіе, самоограниченіе, «отказъ отъ дикой свободы» въ другомъ планѣ, отражающемъ подчиненіе ихъ общему цѣлому,—вотъ тѣ условія, при наличіи которыхъ только и возможенъ дѣйствительный прогрессъ интернаціонализма. А если гдѣ-нибудь сходство и однородность внутригосударственныхъ и международныхъ процессовъ особенно бросаются въ глаза, то это именно въ данномъ пунктѣ. Дѣйствительно, совершенно однѣ и тѣ же проблемы власти и подчиненія возникаютъ и при образованіи новаго союзнаго государства, и въ предѣлахъ государства унитарнаго, стремящагося наилучшимъ образомъ наладить свои внутреннія распорядки. Совершенно однѣ и тѣ же при-

чины заставляютъ самостоятельные народы не итти во взаимномъ объединеніи дальше извѣстныхъ предѣловъ, а отдѣльныя части унитарнаго государства—не уступая всей власти правительству,—обезпечивать для себя возможно широкую область мѣстнаго самоуправленія. И тамъ, и тутъ—въ международной и въ государственной сферахъ—дѣйствуетъ совершенно одно и то же правосознаніе. Тамъ и тутъ нужны совершенно одинаковыя средства, чтобы достичь совершенно однѣхъ и тѣхъ же, стоящихъ впереди, цѣлей.

При такихъ условіяхъ естественно, что форма союзнаго государства съ давнихъ поръ стала приниматься не только за такую, въ которую суждено выливаться новымъ крупнымъ государствамъ, способнымъ успѣшно бороться съ любыми другими государствами, но одновременно и за такую, которая одна только въ состояніи, объединивъ всѣ народы земли и навсегда прекративъ войны между ними, осуществить великій идеалъ всеобщаго вѣчнаго мира.

Мы знаемъ, что еще Кантъ считалъ единственнымъ надежнымъ обезпеченіемъ международнаго мира именно созданіе «міровой республики», или такого «государства народовъ», которое въ концѣ концовъ охватило бы всѣ народы земли. Мысль эта, казавшаяся долгое

время совершенно неосуществимой и потому намѣчавшаяся лишь самымъ общимъ образомъ, какъ своего рода отвлеченный правовой постулатъ, постепенно стала пріобрѣтать все новыхъ и новыхъ сторонниковъ и облекаться во все болѣе и болѣе отчетливые контуры. У Джемса Лоримера мы встрѣчаемся съ проектомъ международной организаціи, покоящейся на достаточно отчетливыхъ федеративныхъ началахъ и обладающей:—двухпалатнымъ законодательнымъ органомъ,—бюро или министерствомъ, которое должно «избрать изъ своей среды президента международнаго государства»,—судебнымъ трибуналомъ съ двумя секціями (уголовной и гражданской), — самостоятельнымъ войскомъ и самостоятельными финансами [1]).

На упоминавшемся уже нами парижскомъ конгрессѣ политическихъ наукъ въ 1900 году въ числѣ докладчиковъ по вопросу о «Соединенныхъ Штатахъ Европы» выступалъ Г. Изамбертъ. Его проектъ общеевропейской «конфедераціи» прежде всего предусматриваетъ устройство европейскаго Законодательнаго Собранія изъ 57 членовъ, по три отъ каждаго государства.—Судебная власть въ союзѣ проектомъ

---

[1]) J. Lorimer, «Principes de droit international», 1885 (trad.) pp. 349—365.

передается Верховному Суду изъ 90—100 членовъ, выбираемыхъ пропорціонально количеству населенія въ разныхъ странахъ по расчету одного члена на пять милліоновъ жителей. Свое мнѣніе каждый судья высказываетъ отдѣльно; рѣшенія принимаются простымъ большинствомъ голосовъ; судъ этотъ не факультативный, а обязательный.—Помимо Законодательнаго Собранія и Верховнаго Суда проектомъ устанавливается еще и Конгрессъ, представляющій собой соединеніе обоихъ этихъ органовъ въ цѣляхъ разрѣшенія наиболѣ важныхъ вопросовъ международной жизни. Отъ конгресса же зависитъ, въ частности, измѣненіе союзнаго устройства, а также избраніе членовъ Исполнительнаго Совѣта. Рѣшенія свои онъ принимаетъ большинствомъ двухъ третей голосовъ, лишенныхъ какихъ-либо обязательныхъ директивъ.—Что же касается Исполнительнаго Совѣта, то онъ долженъ былъ бы состоять изъ пяти директоровъ, по очереди избираемыхъ на годъ отъ всѣхъ государствъ. Къ услугамъ Совѣта спеціальные международные армія и флотъ. Какъ совершенно справедливо замѣчаетъ по поводу разсматриваемаго проекта гр. Л. А. Камаровскій, хотя въ немъ и ведется рѣчь о конфедераціи, въ дѣйствительности же предъ нами настоящая федерація—«такъ близко

подходитъ она къ началамъ и строенію государственныхъ формъ» [1]). Слѣдуетъ прибавить, что федерація г. Изамбера покоится на чисто федералистическихъ основахъ, выявленныхъ къ тому же съ необычайной полнотой и отчетливостью.

Не такъ давно въ пользу идеи всемірнаго союзнаго государства весьма энергично высказывался А. С. Ященко. «Неустанное поступательное движеніе универсалистической идеи»—говоритъ онъ въ первомъ своемъ трудѣ по вопросамъ федерализма (1909 г.)—служитъ наилучшимъ возраженіемъ противъ того мнѣнія, будто идея всемірной федераціи есть утопія, выходящая далеко за предѣлы позитивно-научнаго разсмотрѣнія. Нѣтъ, вся человѣческая мысль тяготѣетъ къ универсальному идеалу, такъ что гораздо большимъ утопизмомъ—да притомъ еще реакціоннымъ!—является какъ разъ стремленіе удержать постепенно изживающій себя неограниченный суверенитетъ отдѣльныхъ государствъ, чѣмъ ожиданіе новой, высшей формы суверенитета [2]). И не различая—какъ это часто бываетъ—всемірной имперіи отъ всемірной федераціи, авторъ

---

[1]) Л. А. Камаровскій, цит. соч., сс. 115—129.

[2]) А. С. Ященко, «Международный федерализмъ». Москва, 1909 г., с. 375.

съ большимъ сочувствіемъ повторяетъ слова Тарда: «Ничто не доказываетъ, что не настанетъ день, когда установится одна безграничная—англійская или русская—имперія, которая, несмотря на океаны, раздѣляющіе ея различныя провинціи, будетъ управлять послѣдними на основаніи единаго равнаго для всѣхъ закона, съ тѣми благодѣтельными, въ общемъ, величіемъ и единствомъ, первое понятіе о которыхъ далъ Римъ, и съ той интенсивностью, съ тѣмъ разнообразіемъ мѣстной жизни, которыхъ именно не доставало послѣднему. Увеличится размѣръ политическихъ и соціальныхъ явленій, вотъ и все» [1]).

Итакъ, вѣра А. С. Ященко во всемірную федерацію успѣла остыть въ теченіе трехъ лѣтъ, уступивъ мѣсто вѣрѣ во всемірную конфедерацію. Зато съ германскимъ ученымъ и пацифистомъ В. Шикингомъ произошла, повидимому, эволюція какъ разъ обратнаго характера и притомъ едва ли не еще болѣе быстрая.—Дѣйствительно, во многихъ мѣстахъ своей книги о «Союзѣ государствъ Гаагскихъ конференцій», Шикингъ настойчиво проводитъ мысль о томъ, что начало неограниченности государственнаго суверенитета необходимо сохра-

[1]) Тамъ же, сс. 376—7.

нять въ самой полной неприкосновенности. Въ соотвѣтствіи съ этимъ и проектъ того договора, который слѣдовало бы, по его мнѣнію, заключить государствамъ въ цѣляхъ установленія общаго мира, составленъ имъ на условіи сохраненія государствами ихъ суверенитета и «всѣхъ вытекающихъ изъ него правъ, въ особенности права каждаго отдѣльнаго государства выходить изъ союза» [1]). Во многихъ другихъ мѣстахъ своего изслѣдованія онъ столь же настойчиво стремится показать, что суверенитетъ этотъ еще рѣшительно ничѣмъ не былъ до сихъ поръ дискредитированъ, — ни даже, въ частности, гаагскимъ проектомъ международной Призовой Палаты [2]). Однако, вотъ какими словами заканчиваетъ онъ всѣ эти свои разсужденія на самыхъ послѣднихъ страницахъ книги:—«Да, если всѣ отдѣльныя государства, принадлежащія къ міровому союзу государствъ, будутъ представлены посредствомъ соотвѣтствующихъ делегацій въ міровомъ парламентѣ, который стоялъ бы на ряду съ конференціями государствъ, то

---

[1]) W. Schücking, «Der Staatenverband der Haager Konferenzen»—Das Werk vom Haag —B. I. 1912 г.— s. 237.

[2]) См. ниже.

позволительно стало бы думать о позднѣйшей ступени развитія международной организаціи, на которой рѣшенія конференцій державъ и мірового парламента оказывались бы обязательными непосредственно (ohne weiteres), не требуя уже больше въ отдѣльныхъ государствахъ ни ратификаціи, ни санкціи, а одной только публикаціи» [1]). Но идея суверенитета? Оказывается, идея суверенитета есть простая «политическая догма», рожденная въ борьбѣ между императоромъ и папой за универсальную монархію;—это во-первыхъ. А во-вторыхъ, совершенно неизвѣстно еще, окажется ли она жизнеспособной въ тотъ моментъ, когда отъ нея потребуется тормозить «республиканскую организацію міра».—«Лично я,—заключаетъ Шикингъ,—могъ бы представить себѣ такое развитіе, при которомъ государства столь же будутъ склонны промѣнять въ общихъ интересахъ индивидуальный свой суверенитетъ на участіе въ общемъ суверенитетѣ, какъ то сдѣлали уже въ меньшемъ объемѣ С.-А. Соединенные Штаты, Швейцарія и современная Германская имперія». Такимъ образомъ, «постепенно могъ бы совершиться переходъ къ всемірной федераціи» (Weltbundesstaat), хотя,—спохваты-

[1]) W. Schucking, op. cit., pp. 305—6.

вается авторъ—«здѣсь рѣчь можетъ уже итти лишь о вѣрѣ, но не о знаніи» [1]).

Осторожность качество прекрасное, особенно въ наукѣ. Но осторожность это одно, а прятаніе въ рѣшительную минуту подъ кустъ—нѣчто совершенно другое. Легко можно понять тѣхъ, кто вовсе отказывается предугадывать будущее или работать для него въ какомъ-либо опредѣленномъ направленіи. Будущее, даже наиболѣе близкое, всегда закутано отъ нашихъ взоровъ густыми облаками тайны и заперто за многочисленными замками. Мало ли что можетъ случиться? Какъ знать, въ какую сторону возьметъ да и покатится вертлявое колесо исторіи? Какъ поручиться, что въ великую рѣку событій не вольются вдругъ такіе новые ручьи, которые сразу измѣнятъ всѣ законы ея теченія? Однако, тотъ, кто спеціально изучаетъ вопросъ о будущей международной организаціи, кто разработалъ даже конкретный планъ такой организаціи, а для этого ознакомился со всѣми современными основами и тенденціями государственной и между-

[1]) Ibid., p. 307.—Кстати, по мнѣнію Шикинга, «уже и теперь имѣются налицо всѣ критеріи» мірового союза государствъ,—уже и теперь «культурный міръ сорганизовался въ союзъ государствъ, которому періодическія конференціи должны служить въ качествѣ важнѣйшаго органа».—Ibid., pp. 75, 234.

народной жизни, тотъ не долженъ въ трудную минуту прятаться подъ жидкій кустъ различій знанія и вѣры. Что такое знаніе и что такое вѣра въ области научнаго предвидѣнія? Если вся совокупность современныхъ научныхъ данныхъ подсказываетъ изслѣдователю опредѣленный выводъ касательно будущаго, то этотъ выводъ есть знаніе, хотя бы онъ и не оправдался впослѣдствіи. Напротивъ, если весь опытъ науки ведетъ къ одному заключенію о будущемъ, а ученый вдругъ дѣлаетъ совершенно другой, ни на чемъ рѣшительно не основанный, то будетъ ли это вѣрой? И если, наконецъ, наука и знаніе въ безмолвіи остановились передъ загадками будущаго, а кто-то отъ имени «вѣры» начнетъ вамъ говорить, говорить и говорить о нихъ, давая отвѣтъ за отвѣтомъ, разгадку за разгадкой, то—спрашивается—кому и на что нужна такая вѣра?

Со своей стороны, мы охотно присоединяемъ нашъ голосъ къ голосамъ тѣхъ, кто высказывается за желательность объединенія всѣхъ государствъ міра въ одно всемірное союзное государство, и кто вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ историческую необходимость или неизбѣжность объединенія подобнаго рода. Однако, въ противоположность Шикингу, мы ни въ какой мѣрѣ не склонны вѣру

нашу въ міровую федерацію отдѣлять отъ нашего знанія о ней. Или, быть можетъ, яснѣе:— наше предвидѣніе всемірной федераціи есть для насъ знаніе о ней, но вовсе не безпочвенное представленіе чего-то невидимаго видимымъ, а почему-то желаемаго и ожидаемаго настоящимъ. Мы знаемъ, что наиболѣе совершеннымъ типомъ организаціи людей является государство, а наиболѣе совершенной формой государства федерація. Мы знаемъ, что федераціи объединяютъ въ себѣ цѣлыя группы нѣкогда независимыхъ политическихъ единицъ, благодаря чему международныя отношенія превращаются въ государственныя. Мы знаемъ, что росту сложныхъ государствъ не можетъ быть положено какого бы то ни было географическаго предѣла. Мы знаемъ, что цѣли у всякаго права тождественны; въ частности онѣ тождественны у международнаго права и у государственнаго. Мы знаемъ, что въ очень многихъ отношеніяхъ процессы, наблюдаемые въ предѣлахъ отдѣльнаго государства или создающіе новое отдѣльное государство, представляютъ собой не что иное какъ интернаціонализмъ, замкнувшійся въ опредѣленныхъ территоріальныхъ границахъ. И наоборотъ: что такое интернаціонализмъ, взятый во всемъ его міровомъ масштабѣ, какъ не борьба за государство, которое въ однѣ

общія границы влило бы границы всѣхъ отдѣльныхъ частныхъ государствъ? Но мы знаемъ и больше: процессы внутри отдѣльныхъ государствъ и процессы международной жизни суть неразрывныя части одного общаго великаго процесса, ожидающія одного общаго завершенія. А при всѣхъ перечисленныхъ условіяхъ можемъ-ли мы не знать, что завершеніемъ этимъ будетъ рано или поздно созданіе всемірнаго союзнаго государства—со всемірной законодательной, исполнительной и судебной властью,—съ міровымъ правомъ гражданства каждаго изъ людей и съ дружной работой рѣшительно всѣхъ въ мірѣ на достиженіе высшихъ нравственныхъ, научныхъ и эстетическихъ цѣнностей?

Но, быть можетъ, и всемірная федерація не должна еще считаться послѣднимъ словомъ въ евангеліи интернаціонализма? Вѣдь, поскольку въ штатахъ не изгладилась память о былой самостоятельности, поскольку они чувствуютъ въ себѣ индивидуальное политическое и культурное призваніе, а центральная власть не можетъ противопоставить имъ должнаго правового авторитета и достаточной физической мощи, въ федераціяхъ все еще продолжаютъ бродить центробѣжныя силы. Въ каждый моментъ онѣ готовы или превратиться въ конфедераціи, или хотя бы

только разсматривать себя, какъ конфедераціи. Такъ случается обыкновенно въ первые періоды жизни новаго федеративнаго объединенія. Такъ было, напримѣръ, съ Соединенными Штатами, въ которыхъ Джефферсонъ, Мадисонъ и другіе видные дѣятели конца XVIII и начала XIX вв., а значительно позже Кальгунъ, оставались упорными и послѣдовательными конфедералистами. Уже въ 1824 году Джефферсонъ писалъ:—«Ключъ къ компетенціи нашихъ различныхъ правительствъ заключается въ слѣдующемъ: федеральному правительству были переданы всѣ внѣшнія и федеральныя полномочія, штатамъ всѣ чисто домашнія полномочія... Федеральное правительство, собственно говоря, есть наше дипломатическое правительство; одно только управленіе внѣшними дѣлами было отнято отъ суверенитета каждаго изъ штатовъ, взятыхъ по отдѣльности» [1]).—Однако, съ теченіемъ времени напоръ центробѣжныхъ силъ ослабѣваетъ, а на смѣну имъ все болѣе и болѣе начинаютъ развиваться силы центростремительныя. Будучи лишены многихъ изъ существеннѣйшихъ своихъ

[1]) Ср. А. С. Ященко: «Теорія федерализма», с 563.

правъ, штаты вмѣстѣ съ тѣмъ теряютъ и большую часть своей самостоятельности. Ихъ государственная физіономія тускнѣетъ, ихъ жизнедѣятельность постепенно гаснетъ. Напротивъ, центральная власть, стремясь добиться необходимой ей полноты мощи и осуществить тѣ грандіозныя государственныя задачи, которыя одной только ей и подъ силу, невольно начинаетъ проявлять все большую и большую активность. Союзное государство становится крѣпкимъ и сильнымъ, но зато вмѣсто принциповъ равенства, координаціи и объединенія частей на первый планъ рѣзко выдвигается принципъ подчиненія частей цѣлому, принужденія со стороны цѣлаго. Отсюда частыя указанія авторовъ, что и федерація представляется «неустойчивой» политической формой, такъ какъ она стремится перейти въ унитарное государство. «Во всѣхъ современныхъ федераціяхъ,—говоритъ С. А. Котляревскій,—мы видимъ растущій запросъ на болѣе широкія полномочія центральной власти,—запросъ, связанный и съ расширеніемъ государственнаго вмѣшательства вообще, и съ обостреніемъ международнаго соперничества, и съ общимъ стремленіемъ объединить правовой оборотъ, даже не останавливаясь передъ границами отдѣльныхъ государствъ. Нѣтъ сомнѣнія, что тенденція эта можетъ сказываться и въ такихъ

ограниченіяхъ правъ отдѣльныхъ входящихъ государствъ, которыя во всякомъ случаѣ не соотвѣтствуютъ духу федеративнаго устройства... Нѣтъ основаній думать, чтобы ближайшее будущее ее направило въ противоположную сторону» [1]). Уже много лѣтъ тому назадъ въ Германіи начали отмѣчать, что линія историческаго развитія германской имперіи движется въ сторону унитарнаго государства. Значительно позже къ подобному же выводу пришелъ Лабандъ, подводя итоги 35-лѣтняго существованія имперской германской конституціи. Какъ на отдѣльныя причины такого явленія, можно указать, вмѣстѣ съ С. А. Котляревскимъ, и на чрезвычайное развитіе германской промышленности, требующей все новыхъ и новыхъ рынковъ, и на связанный съ этимъ ростъ морской торговли, и на необходимость усиленнаго военноморского строительства, и на дѣйствіе соціальнаго германскаго законодательства, и на введеніе общеимперскаго гражданскаго кодекса, и на царящій во всей странѣ милитаристическій духъ и т. д.—Многія изъ перечисленныхъ причинъ обнаруживаютъ свое дѣйствіе и въ С.-А. Соединенныхъ Штатахъ. Но здѣсь весьма суще-

---

[1]) С. А Котляревскій «Власть и Право», сс. 263, 267

ственную роль сыграло еще и то обстоятельство, что одной только центральной власти могла оказаться по плечу борьба со всемогущими въ странѣ промышленными трестами. Трестамъ выгодны сепаратистскія стремленія отдѣльныхъ штатовъ. Для нихъ не представило бы особаго труда цѣликомъ подчинить своему непосредственному вліянію правительства штатовъ, а затѣмъ воздѣйствовать на нихъ не только въ своихъ чисто экономическихъ цѣляхъ, но и въ цѣляхъ широко политическихъ. Союзному правительству стоило немалыхъ усилій добиться признанія, что дѣятельность трестовъ затрагиваетъ общіе интересы всего союза и что въ силу этого надзоръ за ними долженъ быть переданъ союзнымъ властямъ—(значительно меньше, чѣмъ власти штатовъ, чувствующимъ на себѣ тяжелое давленіе милліардовъ).

Особенно наглядно, пожалуй, процессъ унитаризаціи союзныхъ государствъ проявляется въ области финансоваго законодательства.—«Это общее явленіе: съ одной стороны росту союзной власти соотвѣтствуетъ возрастающая потребность въ средствахъ; съ другой стороны осуществленіе этой властью своихъ финансовыхъ правъ можетъ привести къ тому, что отдѣльныя государства, штаты или кантоны окажутся лишенными фактической самостоятель-

ности въ той сферѣ, которая безспорно предоставлена имъ конституціей. Здѣсь уже нарушается правовая основа федеративнаго устройства... Идетъ невольная борьба за nervus rerum, за доступъ къ платежнымъ силамъ страны, которыя въ данную минуту представляютъ величину опредѣленную и къ которымъ нельзя предъявлять безпредѣльныхъ требованій; обычно побѣду въ ней получаетъ центральная власть [1]).— Характерно и то, что позднѣйшія федеральныя конституціи оказываются обычно болѣе централистичными, чѣмъ тѣ, что появились на свѣтъ хронологически раньше. Такъ, австралійская конституція 1900 г. значительно централистичнѣе конституціи Соединенныхъ Штатовъ (1787 г.) и менѣе централистична, чѣмъ основные законы Южно-Африканскаго Союза, составленные въ 1909 г.

Однако, процессъ централизаціи, наблюдаемый въ современныхъ союзныхъ государствахъ, рѣшительно ничего еще не говоритъ о томъ, чтобы всѣ они такъ-таки и превратились въ конечномъ итогѣ въ централизованныя унитарныя. Нѣтъ, даже и въ исторически единыхъ и цѣлостныхъ государствахъ централизація государственной власти можетъ поддерживаться лишь

---

[1]) С. А. Котляревскій, цит. соч., сс. 264—65.

въ извѣстныхъ границахъ и лишь до поры до времени. Съ извѣстнаго момента этнографически, экономически, или географически обособленныя части такихъ государствъ непремѣнно должны получить самоуправленіе, чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе и болѣе широкое, должны принимать дѣятельное участіе въ образованіи общегосударственной воли и находиться другъ съ другомъ въ возможно тѣсномъ общеніи. Безъ этого неминуемъ полный параличъ государственной власти, а затѣмъ и распаденіе государства на нѣсколько самостоятельныхъ независимыхъ государствъ. Яркимъ подтвержденіемъ сказанному можетъ служить опытъ Турецкой имперіи XIX вѣка. Коранъ не допускалъ участія христіанъ въ государственной жизни правовѣрныхъ. Султаны никогда не занимались организаціей своихъ обширныхъ и отдаленныхъ христіанскихъ провинцій, управляя ими лишь съ помощью силы и насилія. Во избѣжаніе общихъ возстаній провинцій противъ власти притѣснителей турки всѣми силами стремились пресѣчь возможность сношеній между ними, а для этого сознательно оставляли ихъ не только безъ желѣзныхъ дорогъ, но и безъ всякихъ дорогъ вообще. Каждая изъ провинцій принуждена была жить своей обособленной жизнью, совершенно чуждая интересамъ всѣхъ остальныхъ провинцій

и рѣзко оппозиціонная по отношенію къ центральной государственной власти.—«Ни трактовъ, ни желѣзныхъ дорогъ,—говоритъ А. Мюзэ,—ни торговли, ни промышленности, ни безопасности, но постоянные разбои и почти хроническія истребленія жителей, такой была Турецкая имперія середины XIX вѣка»[1]). Въ итогѣ—постепенное и неукоснительное распаденіе этой имперіи.

Напротивъ, широкая децентрализація власти при всемѣрномъ облегченіи разнаго рода сношеній и общенія между жителями отдѣльныхъ частей представляется въ унитарномъ государствѣ наиболѣе надежнымъ средствомъ для поддержанія политическаго единства и для наиболѣе успѣшнаго выполненія имъ государственныхъ задачъ. А когда децентрализація зашла достаточно далеко, когда каждая отдѣльная часть страны начинаетъ жить самостоятельной правовой жизнью, не переставая все же участвовать и въ жизни общегосударственной,—тогда границы, отдѣляющія другъ отъ друга союзное государство отъ унитарнаго, стираются и передъ глазами нашими просто является планъ государства, какимъ оно должно быть и не можетъ не быть,

---

[1]) A Muzet: «Le monde balkanique». Paris, 1917, p. 21.

если желаетъ стать наиболѣе совершеннымъ. Вотъ почему ни одна изъ попытокъ провести отчетливое различіе между штатами въ союзномъ государствѣ и автономными провинціями въ государствѣ унитарномъ, простомъ, до сихъ поръ не можетъ считаться вполнѣ удавшейся. Это въ одинаковой мѣрѣ относится и къ различенію по признаку цѣлей— (мѣстныхъ у провинцій и общенаціональныхъ у штатовъ) Розина и Бри [1])—и къ признаку участія штатовъ въ государственномъ суверенитетѣ (тогда какъ провинціи не участвуютъ въ немъ), Ле-Фюра и Бореля [2]),—и къ признаку «собственнаго права», имѣющагося у штатовъ, но не имѣющагося у провинцій (Фрименъ, Генель), —и къ тѣмъ признакамъ, которые выдвинуты Лабандомъ и Еллинекомъ [3]). Трудно согласиться, наконецъ, и съ утвержденіемъ С. А. Котляревскаго, будто при федерализмѣ «скорѣе

---

[1]) Ср. P. Laband, op. cit, p. 117.

[2]) Borel, E.: Etude sur la souveraineté et l'Etat fédératif». Bern, 1886, pp. 168—171.

[3]) Согласно Еллинеку, у штатовъ имѣются «staatliche Rechte ohne Controlle», каковыхъ нѣтъ у провинцій; согласно Лабанду штаты, въ отличіе отъ автономныхъ провинцій, пользуются правомъ «mit zwingender Gewalt zu befehlen».

охраняется старое право, чѣмъ создается новое», тогда какъ развитіе децентрализаціи въ простомъ государствѣ «всегда не подтверждаетъ старыя права, а создаетъ новыя, создаетъ, можно сказать, новое юридическое лицо» [1]). Съ помощью историческихъ справокъ и юридическаго анализа вполнѣ возможно показать, что въ обоихъ случаяхъ одновременно и охраняются старыя права и создаются новыя. Удивительно ли послѣ всего этого, что на ряду съ авторами, настойчиво ищущими отчетливыхъ различій между штатами и провинціями, находится цѣлый рядъ другихъ, считающихъ подобное занятіе завѣдомо безнадежнымъ? Отмѣтимъ, что къ ихъ числу принадлежатъ такіе авторитеты, какъ Гирке, Тецнеръ, Цорнъ [2]).

Но если отчетливаго различія (по существу) между проявленіями федерализма и децентрализма провести нельзя, то спрашивается: что же представляютъ эти децентрализмъ и федерализмъ по отношенію другъ къ другу? Разныя это силы или примѣненіе одной и той же силы, но въ двухъ различныхъ случаяхъ? Во всѣ ли моменты устремленія ихъ взаимно совпадаютъ или же совершенно случайно они совпали

[1]) Цит. соч., сс. 270, 272—3.

[2]) Ср. Laband, op. cit, p. 129.—Gierke, O.: op. cit. pp 1161—1166.

только въ одномъ единственномъ пунктѣ? Для тѣхъ, кто въ децентрализмѣ усматриваетъ лишь ослабленіе или «распадъ» государственныхъ связей, децентрализмъ долженъ представляться чѣмъ-то діаметрально противоположнымъ федерализму, ведущему—какъ указывалось выше—къ уплотненію и расширенію политическихъ тѣлъ. Однако, представленіе о децентрализмѣ, какъ разрушителѣ правовыхъ и политическихъ связей въ государствѣ, ошибочно. Онъ не разрушаетъ, но лишь видоизмѣняетъ государственныя связи. Какъ и федерализмъ, онъ стремится *укрѣплять* взаимныя отношенія между частями политическаго организма, фактически обособившимися другъ отъ друга. Какъ и федерализмъ, онъ превращаетъ подчиненіе, принужденіе и неравенство въ сочетаніе, свободу и равенство.—Тотъ и другой выражаютъ собой, слѣдовательно, *одинъ и тотъ же* политическій процессъ и совершенно въ одинаковой степени противоположны, съ одной стороны, самообнаруженіямъ государственнаго индивидуализма и имперіализма, покоящихся на принужденіи и подчиненіи, а съ другой стороны—всѣмъ явленіямъ, ведущимъ къ ослабленію политико-правовыхъ связей. Поэтому съ чисто политической точки зрѣнія все различіе между федерализмомъ и децентрализмомъ сводится лишь

къ тому, что первый создаетъ и укрѣпляетъ правовыя связи равенства и сочетанія тамъ, гдѣ ихъ раньше не было, между тѣмъ какъ второй превращаетъ въ совершенно такія же связи всѣ тѣ, которыя уже раньше существовали въ извѣстномъ правовомъ организмѣ, но, будучи связями принужденія, подчиненія и неравенства, отжили свой вѣкъ, ослабли и стали грозить этому организму разложеніемъ и гибелью. Есть впрочемъ и еще одно различіе, значительно менѣе существенное: въ то время какъ федерализмъ ведетъ къ расширенію политико-правовыхъ образованій, децентрализмъ ограничивается созданіемъ и укрѣпленіемъ федералистическихъ связей въ старыхъ, строго опредѣленныхъ территоріальныхъ границахъ государствъ, представлявшихся ранѣе унитарными.

Однако, насъ могутъ спросить:

— Если съ вашей точки зрѣнія не наблюдается принципіальнаго политическаго различія между очень сильно децентрализованнымъ простымъ государствомъ и федераціей, если для васъ здѣсь просто «государство, какимъ оно должно быть», то почему, собственно, всемірное государство отдаленнаго будущаго мыслится вами все же непремѣнно въ видѣ федераціи?

На вопросъ подобнаго рода мы отвѣтили бы слѣдующимъ образомъ:

— Какъ скоро въ простомъ государствѣ процессъ децентрализаціи близится къ своему завершенію, такъ оно перестаетъ уже покоиться на началахъ, типичныхъ для простого государства, и замѣняетъ ихъ другими началами, типичными для федераціи. Только благодаря этому и позволительно производить отъ одного и того же корня термины,—«федерализмъ» и «федерація»—«федералистическій» и «федеративный»: близость терминовъ отражаетъ здѣсь на себѣ внутреннюю связь между самими явленіями. Иначе говоря: «государство, какимъ оно должно быть», не можетъ не быть федераціей, и обратно—только государство [1]), построенное на федералистическихъ основаніяхъ, и можетъ почитаться государствомъ достаточно совершеннымъ. Но этого мало: если между сильно децентрализованнымъ простымъ государствомъ и федераціей не имѣется различій въ составѣ правовыхъ нормъ, и другъ отъ друга они отличаются только порядкомъ своего возникновенія,—если, далѣе, всемірное государство не можетъ создаться иначе, какъ на почвѣ постепеннаго объединенія въ одно союзное цѣлое нѣсколькихъ прежде независимыхъ государствъ, то совершенно очевидно, что оно только и можетъ быть, что всемірной федераціей.

[1]) Въ виду имѣются государства достаточно обширныя.

При этомъ въ исторіи всемірной федераціи едва ли обнаружатся поводы къ усиленію въ ней, хотя бы и временному, центральной (федеральной) власти за счетъ правомочій отдѣльныхъ штатовъ (что грозило бы ей превращеніемъ въ централизованное унитарное государство). Нѣтъ, «международному» положенію всемірной федераціи ничто не можетъ грозить и она какъ создастся, такъ и останется федераціей въ привычномъ для насъ значеніи этого термина.

Въ подтвержденіе и поясненіе ко всему тому, что только что сказано о децентрализмѣ и его отношеніи къ федерализму, чрезвычайно интересно обратиться къ новой и новѣйшей исторіи Великобританіи.

Въ теченіе всего XIX вѣка и вплоть до нашихъ дней въ предѣлахъ великой англо-саксонской имперіи совершался процессъ исчезновенія старыхъ связей между метрополіей и такими ея колоніями какъ Канада, Австралія, Новая Зеландія, и нарожденія новыхъ. То «единство» имперіи, при которомъ заморскія владѣнія англійской короны являлись во всѣхъ отношеніяхъ подчиненными Англіи и управлялись ею всецѣло по своему собственному усмотрѣнію и лишь въ собственныхъ своихъ выгодахъ, отошло въ область преданій. Понемногу отходятъ въ область преданій и тѣ способы, съ

помощью которыхъ осуществлялось прежде это единство.

Помимо права санкціи, принадлежащаго генералъ-губернаторамъ англійскихъ колоній по отношенію къ законодательнымъ актамъ, принятымъ мѣстными законодательными органами, имъ же принадлежитъ и право «пріостановки» (резерваціи) законовъ впредь до одобренія ихъ королемъ. Что же касается короля, то онъ можетъ прекратить въ теченіе годичнаго срока дѣйствіе даже и тѣхъ законовъ, на изданіе которыхъ послѣдовало уже согласіе генералъ-губернатора. На практикѣ, однако, губернаторское veto, какъ и veto короля, совершенно не примѣняется, а случаи «резерваціи» становятся все болѣе и болѣе рѣдкими. Сообразно съ этимъ постепенно исчезаютъ изъ колоніальныхъ конституцій тѣ перечисленія обязательно резервируемыхъ биллей, которыя прежде встрѣчались вездѣ. Метрополія старательно избѣгаетъ ихъ въ сознаніи, что малѣйшее проявленіе ея власти надъ самоуправляющимися колоніями неминуемо вызоветъ въ колоніяхъ возбужденіе и оппозицію общественнаго мнѣнія. Поэтому-то обычно всѣ сомнительные вопросы колоніальной политики рѣшаются путемъ предварительныхъ переговоровъ англійскаго министерства съ представителями колоніальныхъ правительствъ. А по свидѣ-

тельству С. А. Корфа, многіе колоніальные теоретики государственнаго права и вовсе начинаютъ отрицать юридическую правомѣрность института резерваціи [1]).

Одинакова судьба т. наз. «имперскихъ актовъ» или законовъ, издаваемыхъ въ центрѣ имперіи и обязательныхъ для каждой изъ колоній. Поскольку въ нихъ проявлялось начало подчиненія колоній метрополіи, колоніи съ неизмѣннымъ упорствомъ боролись противъ нихъ и въ настоящее время акты подобнаго рода почти уже совершенно исчезли изъ британской практики.

Однимъ изъ важнѣйшихъ органовъ, связующихъ метрополію съ колоніями, являлся раньше статсъ-секретарь колоній. Въ его рукахъ сходились концы всѣхъ нитей управленія колоніями, ему принадлежала какъ административная власть по отношенію къ нимъ, такъ и полномочія законодательнаго характера. Иное видимъ мы теперь:—теперь статсъ-секретарь колоній представляетъ собой лишь посредствующее звено между колоніальными губернаторами и короной, и почти вовсе не обладаетъ самостоятельными юридическими полномочіями [2]).

---

[1]) Ср. С. А. Корфъ,: «Автономныя колоніи Великобританіи», 1914 г., с. 394.

[2]) Этому не противорѣчитъ то обстоятельство, что полн-

Согласно англійской практикѣ, на рѣшенія всѣхъ высшихъ судовъ въ имперіи допускается окончательная апелляція (appel final) къ королю. Если дѣло касается колоній, то апелляція подобнаго рода поступаетъ въ судебный комитетъ тайнаго совѣта при королѣ. Съ юридической стороны сохраненіе за англійской короной права быть окончательной судебной инстанціей издавна разсматривалось, какъ одно изъ выраженій суверенитета англійской короны. Отказаться отъ него въ колоніяхъ для Англіи означало бы вмѣсто «дслегированія» имъ своихъ верховныхъ правъ признать за ними всю полноту верховныхъ правъ, т.-е. попросту отказаться отъ нихъ [1]). Но поскольку съ другой стороны это право подчеркивало для колоній ихъ подчиненіе метрополіи, онѣ съ давнихъ поръ объявили ему войну. Параграфъ 74 проекта австралійской федеральной конституціи, выработаннаго въ 1900 г. конвентомъ Австраліи, прямо потребовалъ отмѣны апелляціи на рѣшенія верховнаго федеральнаго суда для тѣхъ случаевъ, когда вопросъ

тическая роль статсъ-секретаря дѣлается все болѣе значительной.

[1]) Ср. А. Эсменъ: «Общія основанія конституціоннаго права», Спб., 1909 г., с. 10.

идетъ о толкованіи конституцій отдѣльныхъ австралійскихъ штатовъ или федеральной и когда сторонами въ процессѣ выступаютъ только австралійскіе граждане или австралійскіе штаты. Въ Англіи рѣзко протестовали противъ этого параграфа, но все же принуждены были пойти на компромиссъ:—австралійцы «получили въ концѣ концовъ почти все, чего домогались» [1]), хотя спорному пункту и была придана редакція, удовлетворяющая самолюбіе метрополіи. А позже, на имперской конференціи 1911 г., сами представители британскаго правительства признали существенные недостатки въ организаціи высшей инстанціи «имперскаго» суда и высказали обѣщаніе заняться его реформированіемъ.

Основой связи между колоніями и метрополіей были прежде для Великобританіи и тѣ функціи короны, которыя извѣстны подъ именемъ королевской прерогативы. Сюда относились, напр., право помилованія, награжденіе титулами. Нынѣ подобныя функціи продолжаютъ осуществляться губернаторами именемъ короля,но уже исключительно по соглашенію съ колоніальными кабинетами. Что же касается такихъ областей верховнаго правленія, какъ чеканка монеты, почтовое дѣло, распоря-

[1]) Эсменъ, цит. соч., с. 11.

женіе военными силами, то онѣ готовы цѣликомъ перейти въ исключительное вѣдѣніе колоній. Въ частности, метрополія почти нигдѣ не держитъ уже въ автономныхъ колоніяхъ своихъ имперскихъ войскъ, разрѣшая всѣмъ имъ имѣть собственныя войска или милицію и распоряжаться ими по собственному усмотрѣнію. Съ іюля 1913 г. Австралія пользуется правомъ самостоятельнаго управленія своимъ колоніальнымъ флотомъ [1]).

Указанныя ослабленія подчиненія англійскихъ колоній метрополіи принято представлять въ качествѣ процесса разложенія старыхъ политическихъ и правовыхъ связей, грозящаго британскому флагу полной утратой этихъ колоній.—«Тогда какъ,—говоритъ С. А. Корфъ,—въ большинствѣ федерацій и союзныхъ государствъ нашего времени мы находимъ постепенный ростъ центростремительныхъ силъ, увеличивающихъ значеніе федеральнаго законодательства за счетъ законодательства мѣстнаго, въ британской имперіи мы видимъ какъ разъ обратное—незамѣтное, но неудержимое вымираніе «имперскаго» законодательства и замѣну его законодательствомъ колоніальнымъ» [2]). И въ

[1]) Корфъ, С. А., цит. соч., сс. 406—407.
[2]) Тамъ же, с. 398.

другомъ мѣстѣ: «Въ британской имперіи... до конца XIX вѣка мы имѣемъ грандіозный примѣръ разложенія; подъ вліяніемъ все растущихъ центробѣжныхъ силъ прежняя единая имперія стала распадаться; нѣкоторыя ея части пріобрѣтали все большую самостоятельность, право самоуправленія, затѣмъ автономію и, наконецъ, доросли и до государственнаго статута. Подъ вліяніемъ, однако, весьма разнообразныхъ факторовъ и къ славѣ англійскихъ государственныхъ дѣятелей, во-время понявшихъ и оцѣнившихъ значеніе этихъ факторовъ, процессъ разложенія, достигнувъ къ концу минувшаго столѣтія своего кульминаціоннаго пункта, остановился. Благодаря этому, съ начала XX вѣка существующее положеніе начало кристаллизоваться въ своеобразную форму союзнаго государства» [1]).

При подобномъ освѣщеніи новой и новѣйшей исторіи взаимоотношеній Великобританіи съ ея Dominions многое вызываетъ недоумѣніе: почему процессъ «разложенія» имперскихъ связей шелъ сначала въ одну сторону, а потомъ взялъ и повернулъ вдругъ въ сторону противоположную? Ссылка на «весьма разнообразные факторы» здѣсь врядъ ли способна

[1]) Тамъ же, с. 448.

объяснить существо дѣла. Непонятно и то, почему одинъ и тотъ же процессъ развитія самостоятельности американскихъ, австралійскихъ и африканскихъ колоній Англіи до поры до времени объявляется процессомъ центробѣжнымъ, а потомъ онъ же признается за основу центростремительнаго процесса, приводящаго къ уплотненію федеративныхъ связей между метрополіей и ея заморскими областями. Наконецъ, откуда слѣдуетъ, чѣмъ здѣсь доказано, что развитіе децентрализаціи есть ослабленіе политическихъ связей и что если, съ другой стороны, ослабленіе этихъ связей было все же налицо, то именно въ децентрализаціи оно и находило свое выраженіе?

На нашъ взглядъ, вопросъ приходится освѣщать совершенно инымъ образомъ: прежде всего въ немъ нужно отчетливо различать юридическую и политическую стороны. Съ извѣстной юридической точки зрѣнія, дѣйствительно, можно утверждать, что поскольку колоніи пріобрѣтали новыя и новыя права въ области самоуправленія, постольку правовая зависимость ихъ отъ метрополіи все болѣе и болѣе ослаблялась. Но этимъ отнюдь не предрѣшалась судьба политическихъ связей между сторонами, и потому вовсе не было чего-либо необычайнаго въ томъ, что параллельно съ ослабленіемъ право-

вого принужденія изъ Лондона политическія связи Англіи съ автономными колоніями не только не ослаблялись, но напротивъ неизмѣнно увеличивались. Не даромъ наиболѣе дальновидные изъ англійскихъ политическихъ дѣятелей изстари привыкли считать предоставленіе колоніямъ с в о б о д ы за главнѣйшее условіе сохраненія политической связи съ ними. Не слѣдуетъ упускать изъ виду и того, что процессъ ослабленія прежнихъ связей, о которыхъ идетъ рѣчь, сопровождался одновременнымъ процессомъ нарожденія н о в ы х ъ и эти-то новыя связи становились постепенно все болѣе крѣпкими. Или иначе говоря: каждый изъ законодательныхъ актовъ, расширявшихъ сферу правовой самостоятельности колоній, являлся не дальнѣйшимъ этапомъ на пути къ отпаденію ихъ отъ метрополіи, но наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ къ воспрепятствованію подобнаго отпаденія. Къ конституціи Канады 1867 г. сказанное относится въ такой же мѣрѣ, какъ и къ австралійской конституціи 1900 г., или къ акту объ образованіи южно-африканской федераціи 1909 г.—Не будь всѣхъ перечисленныхъ актовъ, отпаденіе англійскихъ колоній отъ метрополіи вполнѣ могло бы осуществиться. Напротивъ, съ помощью ихъ общее единство имперіи и взаимное политическое сотрудничество ея частей оказались обезпеченными.

Постепенно на смѣну старымъ органамъ имперскаго объединенія стали оформляться новые такіе органы, отражающіе новыя условія общеимперской жизни. Такъ называемые высокіе комиссары колоній изъ временныхъ, случайныхъ торговыхъ агентовъ незамѣтно превращаются въ своего рода колоніальныхъ посланниковъ при Лондонскомъ правительствѣ. Помимо дѣятельности освѣдомительнаго характера и защиты торговыхъ интересовъ на ихъ долю выпадаетъ веденіе переговоровъ между колоніальными кабинетами и правительствомъ метрополіи. Съ 1910 г. за ними признано официальное положеніе и они включены въ составъ имперской чиновной іерархіи. «Какова бы ни была ихъ будущность, — замѣчаетъ С. А. Корфъ, — уже теперь мы имѣемъ въ лицѣ высокихъ комиссаровъ органъ съ опредѣленно-имперскимъ характеромъ» [1]).

Послѣ первой имперской конференціи, приноровленной къ 60-лѣтнему юбилею королевы Викторіи въ 1887 г. и впервые выдвинувшей вопросъ о созданіи общеимперскаго органа въ Великобританіи, послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ такихъ же конференцій. Создался постоянный секретаріатъ этихъ

[1]) С. А. Корфъ, цит. соч., с. 410.

конференцій, — впрочемъ, еще недостаточно удачно поставленный[1]). Изъ совѣщаній чисто освѣдомительнаго характера, нерегулярныхъ и непринимавшихъ никакихъ обязательныхъ постановленій, имперскія конференціи превратились съ 1907 г. въ періодическія (черезъ 4 года) сессіи, обязывающія отдѣльныя правительства къ выполненію тѣхъ мѣропріятій, за которыя голосовали ихъ представители. Въ томъ же 1907 г. были приняты по поводу имперскихъ конференцій и другія чрезвычайно важныя рѣшенія: было признано, напримѣръ, что членами конференцій могутъ быть лишь министры, представляющіе свои кабинеты, что к а ж д о е п р а в и т е л ь с т в о, в к л ю ч а я и Л о н д о н с к о е, р а в н о п о л ь з у е т с я о д н и м ъ г о л о с о м ъ, что для рѣшенія спеціальныхъ вопросовъ или для подготовки вопросовъ общихъ должны собираться вспомогательныя конференціи, что названіе «имперскія конференціи» становится офиціальнымъ. Помимо этого было рѣшено разработать принципы для общаго законодательства по вопросамъ натурализаціи, иммиграціи и эмиграціи, защиты авторскаго права, охраны фабричныхъ знаковъ

[1]) Ср. тамъ же, сс. 411—412; ср. также С. А. К о р ф ъ, «Федерализмъ», сс. 12—13.

и патентовъ. Рѣшено было также предпринять нѣкоторыя судебныя реформы общаго характера, распространить на всѣ колоніи англійскій почтовый тарифъ, организовать и субсидировать пароходное сообщеніе между колоніями. Наконецъ, предположено было учрежденіе общаго генеральнаго штаба имперіи. Позже сами колоніи уклонились отъ проведенія въ жизнь этого послѣдняго предположенія: онѣ предпочли, чтобы руководящая роль сохранилась за генеральнымъ штабомъ метрополіи,—но съ тѣмъ, однако, чтобы онъ держалъ колоніи въ курсѣ всѣхъ общихъ и частныхъ военныхъ мѣропріятій имперіи. Указанныя колоніями реформы были осуществлены англійскимъ военнымъ министерствомъ и постепенно во всей Великобританіи начало вводиться единообразное военное обмундированіе и обученіе, одни и тѣ же инструкторы стали обучать военныя силы разныхъ колоній и т. д., и т. д. Въ отличіе отъ генеральнаго штаба, ясно выраженный имперскій характеръ имѣетъ особый комитетъ по вопросамъ государственной безопасности, который съ 1911 г. такъ и называется «Комитетомъ имперской обороны». Это—совѣщательный органъ, преслѣдующій задачи объединенія военной и военно-морской обороны на пространствѣ всей имперіи и успѣвшій пріобрѣсти большое политическое значеніе.

За колоніями давно уже признавалась свобода въ области внѣшней торговли и въ области таможенной политики. На конференціи 1911 г. центральное правительство обѣщало предоставить имъ участіе и въ политическихъ договорахъ, поскольку послѣдніе затрагиваютъ ихъ интересы. А въ 1913 г. былъ сдѣланъ дальнѣйшій важный шагъ: было объявлено, что всѣ колоніальные министры во время своего пребыванія въ Лондонѣ пользуются правомъ свободнаго доступа къ премьеръ-министру и къ статсъ-секретарямъ по иностраннымъ и по колоніальнымъ дѣламъ для обсужденія политическихъ вопросовъ, касающихся ихъ колоній.

Спрашивается, какая основная идея лежала въ основѣ всѣхъ тѣхъ разительныхъ перемѣнъ въ англійскомъ колоніальномъ строѣ, которыя произошли за послѣднія десятилѣтія? Мы не ошибемся, если отвѣтимъ, что такой идеей является идея р а в е н с т в а, идея политическаго и юридическаго равноправія колоній съ метрополіей. Эта идея совершенно отчетливо сказывается и въ правомочіяхъ, которыми надѣлены высокіе комиссары, и въ организаціи имперскихъ конференцій, и въ организаціи комитета обороны, и во многихъ другихъ случаяхъ. С. А. К о р ф ъ,—которому мы обязаны большинствомъ свѣдѣній, приведенныхъ нами на послѣднихъ

страницахъ,—настойчиво выдвигаетъ значеніе этой идеи въ разныхъ мѣстахъ своей книги. Такъ, объ «имперскомъ органѣ» онъ говоритъ: «Отличительной чертой его является идея р а в е н с т в а колоній въ государственно-правовомъ отношеніи съ Англіей; отъ прежняго «подчиненія» ихъ метрополіи не осталось въ данномъ случаѣ и слѣда; Англія играетъ лишь роль primus inter pares; такова же роль и ея премьера на имперскихъ конференціяхъ, коихъ онъ теперь является предсѣдателемъ ex officio; его собственныя рѣшенія, какъ и голоса его товарищей по кабинету, могутъ обязывать лишь одно англійское правительство; онъ не въ состояніи (ни юридически, ни политически) принуждать колоніальныя правительства къ исполненію чего бы то ни было противъ ихъ воли[1]). То же самое нѣсколько ниже: «Событія послѣднихъ временъ свидѣтельствуютъ о все крѣпнущихъ связяхъ имперіи и о неуклонномъ сближеніи колоній съ метрополіей; д о с т и г а е т с я ж е э т о е д и н с т в е н н о т о р ж е с т в о м ъ п р и н ц и п а с в о б о д ы, д о б р о в о л ь н ы м ъ п р и з н а н і е м ъ А н г л і е й с а м о с т о я т е л ь н о с т и к о л о н і й и

[1]) С. А. К о р ф ъ: «Автономныя колоніи Великобританіи», с. 418; ср. сс. 410, 413, 416.

переходомъ ея отъ принципа господства къ началу равенства; какъ только утвердились самостоятельность и независимость автономныхъ колоній, такъ сразу же начинается ослабленіе центробѣжныхъ силъ и зарожденіе новыхъ элементовъ единенія; прежнія вражда и борьба замѣняются дружбой и кооперацією... Результатомъ этого несомнѣнно явится въ ближайшемъ будущемъ оформленіе новаго сложнаго цѣлаго, новаго вида сложнаго государства» [1]).

Дальнѣйшіе чрезвычайно существенные шаги на пути ко все большей и большей федерализаціи были сдѣланы Британской Имперіей благодаря великой войнѣ. Въ декабрѣ 1916 года правительства автономныхъ колоній Имперіи и высшія власти Индіи получили отъ имени короля Георга предложеніе прислать своихъ представителей на засѣданія Военнаго Кабинета, имѣющія быть въ ближайшіе мартъ и апрѣль. Только Австралія не могла по нѣкоторымъ причинамъ откликнуться на это предложеніе, всѣ же остальныя имперскія владѣнія своихъ представителей прислали въ Лондонъ и такимъ образомъ создался совершенно новый имперскій органъ въ Великобританіи—Имперскій Во-

[1]) Тамъ же, с. 429: ср. с. 448.

енный Кабинетъ (Imperial War Cabinet [1]). Отъ центральнаго правительства въ составъ этого органа вошли всѣ пять членовъ, высшей правительственной коллегіи страны въ данный моментъ,—Военной Директоріи (War Directory): Гендерсенъ, лордъ Керсонъ, Бонаръ Лоу, лордъ Мильнеръ,—во главѣ съ Ллойдъ Джорджемъ. По отношенію къ нимъ представительства заморскихъ владѣній Британіи встали не на положеніе экспертовъ или совѣтчиковъ, лишенныхъ права рѣшающаго голоса, но на положеніе совершенно равноправныхъ членовъ—такихъ же «министровъ безъ портфеля», какъ и Гендерсонъ или лордъ Мильнеръ. Такъ же, какъ и англійскими министрами, ими была принесена особая присяга; какъ и этимъ послѣднимъ имъ были довѣрены «королевскіе секреты», которые они не имѣютъ права разглашать. Начиная съ 20-го марта н. с., Имперскій Военный Кабинетъ собирался для своихъ засѣданій четырнадцать разъ и принялъ цѣлый рядъ весьма важныхъ постановленій. На послѣд-

---

[1]) Подробности о составѣ этого органа см. у J. A. R. Marriotti: «British Federalism a vanished dream?» — The Nineteenth Century and after. Sept. 1917, p. 490.

немъ засѣданіи были подведены итоги дѣятельности новаго органа и высказано пожеланіе, чтобы въ виду несомнѣннаго его значенія для всей Имперіи онъ былъ сохраненъ и впредь, превратившись въ органъ постоянный. Въ отвѣтъ на подобное пожеланіе Ллойдъ Джорджъ сдѣлалъ формальное заявленіе о согласіи британскаго правительства на то, чтобы сессіи Имперскаго Военнаго Кабинета стали ежегодными или же собирались въ неопредѣленные сроки, смотря по положенію имперскихъ дѣлъ. Въ такомъ случаѣ въ составъ Кабинета должны были бы входить:—отъ Соединеннаго Королевства премьеръ-министръ и тѣ изъ его коллегъ, которые спеціально вѣдаютъ имперскія дѣла,—отъ всѣхъ британскихъ Владѣній (Dominions) также премьеръ-министры или же спеціально уполномоченные министры на равныхъ съ ними правахъ,—отъ Индіи лицо, представляющее въ правительствѣ этой колоніи «индійскій народъ». Согласно позднѣйшему заявленію Ллойдъ Джорджа въ Палатѣ Общинъ (17 мая н. с.), «это предложеніе встрѣтило у заокеанскихъ представителей самый сердечный пріемъ», благодаря чему можно надѣяться, что «ежегодный созывъ Имперскаго Кабинета для обсужденія иностранныхъ дѣлъ и другихъ отраслей имперской политики войдетъ въ составъ признанныхъ положеній Бри-

танской конституціи» [1]). Періодически собираясь вмѣстѣ, полномочные представители «автономныхъ націй Имперскаго Союза» будутъ принимать различныя рѣшенія по внѣшне-политическимъ или связаннымъ съ ними вопросамъ и, находясь подъ контролемъ своихъ парламентовъ, будутъ строжайшимъ образомъ выполнять ихъ. «Такимъ путемъ они смогутъ быть въ курсѣ всѣхъ имперскихъ дѣлъ и своими взаимными совѣщаніями опредѣлять политику Имперіи въ ея наиболѣе жизненныхъ отрасляхъ, не нарушая ни въ какой мѣрѣ той автономіи, которой въ настоящее время части ея пользуются» [2]).

Въ Англіи съ самаго начала сознавали, что созданіе Имперскаго Воѣннаго Кабинета должно повлечь за собой весьма глубокія измѣненія въ самыхъ основахъ Британской конституціи. Еще 7-го февраля (н. с.) лордъ Керсонъ за-

---

[1]) Ibid., p. 492.

[2]) Ср. Sidney Low: «The Jmperial Constitution: the New Phase».—The Nineteenth Century and after.—August, 1917, pp. 236—237.—Комментируя приведенныя слова премьеръ-министра, С. Лоу пишетъ: «In other words, the common policy of the union of nations will be the joint work of all the national governments, arranged by a body which, for executive purposes, represents them all».—Ibid.

являлъ въ верхней палатѣ парламента: полномочія, которыми надѣлены представительства частей имперіи въ Имперскомъ Военномъ Кабинетѣ, «знаменуютъ собой рѣшительный шагъ впередъ въ конституціонной эволюціи имперіи. Представительства эти являются не въ качествѣ членовъ имперскихъ конференцій стараго стиля, но въ качествѣ членовъ нынѣшняго правительственнаго тѣла Британской Имперіи. Это кажется мнѣ величайшимъ шагомъ, когда-либо сдѣланнымъ по пути признанія началъ равенства въ отношеніяхъ между Владѣніями и нами самими... Мнѣ кажется, что мы перешли отъ стадіи отношеній подчиненія (filial relationship) къ стадіи братскаго союза. Въ этомъ именно смыслѣ разсматриваемъ мы ихъ появленіе здѣсь» [1]). Позже точь-въ-точь такимъ же образомъ оцѣнивалъ событіе Ллойдъ Джорджъ; совершенно такую же оцѣнку нашло оно себѣ и во всей англійской печати.

Одновременно съ Имперскимъ Военнымъ Кабинетомъ была созвана Имперская Военная Конференція. Въ ея программу

---

[1]) J. A. R. Marriotti, op. cit., p. 491.

ходили вопросы, не связанные непосредственно съ веденіемъ войны; напримѣръ, вопросъ о представительствѣ Индіи въ будущихъ конференціяхъ,—о попеченіи надъ могилами воиновъ, павшихъ во время войны,—о торговыхъ комиссарахъ,— о натурализаціи, — о пошлинахъ,—о развитіи контроля надъ естественными ресурсами,—о выработкѣ имперской конституціи. Отъ метрополіи въ составъ конференціи входили статсъ-секретарь по колоніальнымъ дѣламъ, его помощникъ и различные высшіе чины гражданской службы, но не премьеръ-министръ и никто изъ членовъ кабинета. Предсѣдательствовалъ статсъ-секретарь колоній, большая часть докладовъ и преній конференціи была опубликована;—какъ и предшествующія имперскія конференціи, она носила чисто совѣщательный характеръ. 16-го апрѣля ею была принята слѣдующая резолюція: «Имперская Военная Конференція полагаетъ, что преобразованіе конституціонныхъ отношеній между составными частями Имперіи представляетъ собой дѣло слишкомъ важное и сложное, чтобы быть выполненнымъ въ теченіе войны; оно должно составить задачу спеціальной Имперской Конференціи, которая соберется въ возможно скоромъ времени вслѣдъ за прекращеніемъ военныхъ дѣйствій.— Вмѣстѣ съ тѣмъ она считаетъ долгомъ запеча-

тлѣть свое мнѣніе, согласно которому всякое подобное преобразованіе, цѣликомъ сохраняя всѣ существующія права самоуправленія и полный контроль надъ внутренними дѣлами, должно покоиться на полномъ признаніи Владѣній за автономныя націи имперскаго союза (Imperial Commonwealth), а Индіи за его существенную часть,—должно признать право Владѣній и Индіи на подобающій имъ голосъ во внѣшней политикѣ и во внѣшнихъ отношеніяхъ,—должно озаботиться созданіемъ подходящихъ учрежденій для постояннаго обсужденія всѣхъ важныхъ общеимперскихъ дѣлъ и всего, что требуетъ совмѣстныхъ дѣйствій на основѣ рѣшеній, принятыхъ отдѣльными правительствами» [1]).

Приведенная резолюція вызвала сильное движеніе во всемъ британскомъ мірѣ и очень огорчила своимъ содержаніемъ всѣхъ наиболѣе прямолинейныхъ британскихъ федералистовъ. Имъ стало ясно послѣ нея, что на типично федералистическое разрѣшеніе имперскаго вопроса въ ближайшее время разсчитывать нельзя. Автономныя англійскія колоніи попрежнему настроены «автономистски» и предаваться мечтамъ объ общеимперскомъ парламентѣ или общеимпер-

---

[1]) Ср. S. Low, op. cit., p. 243.—J. Marriotti, op. cit., p. 493.

ской исполнительной власти отнюдь не склонны. И дѣйствительно, въ данномъ случаѣ торжество осталось за тѣмъ направленіемъ «имперіалистической» англійской мысли, которая ведетъ свое начало отъ Бёрка и для которой прочны только абсолютно свободныя связи между метрополіей и колоніей, покоящіяся на общности крови, привилегій и производства.

Однимъ изъ виднѣйшихъ представителей этой школы—«школы свободнаго британскаго союза подъ властью короны»[1])—является въ настоящее время извѣстный генералъ Сметсъ. Онъ въ восторгѣ отъ резолюціи Имперской Конференціи: — она «воистину мудра»; только такой резолюціи и могла потребовать современная политическая обстановка.—«Молодыя націи,—восклицаетъ генералъ Сметсъ,—развивались своими собственными путями. Молодыя націи выросли въ большія державы и попытки управлять ими въ будущемъ съ помощью общей исполнительной и законодательной власти окажутся невозможными... Духъ товарищества, возгорѣвшійся среди воиновъ всѣхъ частей Имперіи на европейскихъ поляхъ сраженія въ эту войну, проявитъ гораздо больше мощи, чѣмъ любая организація правительства,

[1]) Ср. J. Marriotti, op. cit., p. 495.

какую только мы могли бы создать въ будущемъ. Мы—система націй. Мы не государство, но сообщество (community) государствъ и націй»[1]).

Впрочемъ, и федералисты («Гамильтоніанцы») типа Л. Кертиса, Сиднея Лоу, лорда Мильнера, Оливера и Уорда, съ давнихъ поръ считающіе, что невозможно строить единство имперіи на однихъ только прекрасныхъ чувствахъ, но что необходимо создать прочную центральную общеимперскую власть на строго федеративныхъ началахъ,— и они также не унываютъ. Сидней Лоу, напримѣръ, полагаетъ, что отъ Имперскихъ Конференцій современнаго типа легко сдѣлать переходъ къ такимъ, на которыхъ представители правительствъ различныхъ частей имперіи будутъ предварительно и т. ск. въ частномъ порядкѣ выяснять себѣ ближайшія задачи и направленіе имперской политики, а потомъ уже только выступать съ заявленіями относительно нихъ передъ своими парламентами. Дальнѣйшимъ шагомъ впередъ послужило бы назначеніе на Имперскія Конференціи не только членовъ отдѣльныхъ колоніальныхъ правительствъ, но и парламентскихъ дѣятелей различныхъ партій. Тѣмъ самымъ Конференціи эти изъ совѣщаній представителей исполнительной власти превра-

[1]) Ibid., p. 494.

тились бы въ конгрессъ законодательныхъ делегацій, или въ тотъ «квази-парламентъ», о которомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ писалъ Л. С. Эмери. За этимъ шагомъ долженъ послѣдовать еще новый шагъ, благодаря которому постановленія Имперскихъ Конференцій получили бы обязательную силу какъ для каждаго изъ отдѣльныхъ правительствъ внутри имперіи, такъ и для каждаго изъ отдѣльныхъ законодательныхъ органовъ въ ней. Но едва только начавшаяся эволюція довела бы англійскій федерализмъ до такой стадіи, недолго пришлось бы, повидимому, ждать и того момента, когда автономныя націи добровольно отказались бы отъ части своихъ правомочій въ пользу Собранія Делегацій.—«Тогда конфедерировавшіяся націи встали бы на почву полнаго политическаго равенства, при чемъ каждая сохранила бы свою внутреннюю автономію, хотя и довѣрила бы веденіе извѣстнаго рода общихъ дѣлъ одной центральной администраціи и центральному совѣту, какъ представителю всѣхъ народовъ, предъ всѣми въ конечномъ счетѣ отвѣтственному»[1]). Это фантазія или утопія?—спрашиваетъ себя вслѣдъ затѣмъ Лоу. И тотчасъ же отвѣчаетъ: «Напротивъ, въ высшей степени практично

[1]) S. Low, op. cit., p 249.

прослѣдить дорогу, по которой мы уже, повидимому, движемся»: — вѣдь, все вышеуказанное «представляется естественнымъ и почти неизбѣжнымъ послѣдствіемъ новѣйшихъ конституціонныхъ измѣненій»[1]). Но если С. Лоу правъ въ своихъ «практическихъ» расчетахъ и ожиданіяхъ, то было ли утопичнымъ со стороны Чемберлена предлагать въ 1886 году переустройство отношеній между Ирландіей и Великобританіей по типу отношеній между отдѣльными провинціями Канады[2]) и въ надеждѣ, что этимъ было бы положено начало для федерализаціи «посредствомъ подобныхъ же мѣръ» всѣхъ частей Соединеннаго Королевства[3])? Или является ли въ настоящее время

---

[1]) Ibidem.

[2]) Чемберленъ предлагалъ—«современную конституцію Канады, однако не примѣнительно къ отношеніямъ между Канадой и нашей страной:—это было бы ложное направленіе, противъ котораго я протестую и которое означало бы полное отдѣленіе, а примѣнительно къ отношеніямъ между провинціями Канады и ея общимъ парламентомъ. Что касается меня, то я вполнѣ готовъ установить такія отношенія между нашей страной и Ирландіей».—Сидней Лоу «Государственный строй Англіи». Пер. М. 1910 г., с. 430.

[3]) Ср А, Кулишеръ: «Государственное единство Англіи и гомрулъ».—Юрид. Вѣст. 1914 г. кн. VI. с. 110.

безпочвеннымъ мечтателемъ Уорсфольдъ, предлагающій учредить общеимперскій парламентъ изъ 200 сенаторовъ и 400 депутатовъ, съ тѣмъ чтобы среди послѣднихъ на 100 «цвѣтныхъ» приходилось 300 бѣлыхъ? [1])

Какъ ни велики различія въ политическихъ требованіяхъ англійскихъ «автономистовъ» и «федералистовъ», какъ ни ожесточенны споры между ними, для насъ должно быть совершенно несомнѣннымъ, что и тѣ и другіе одинаково ревностно служатъ идеаламъ британскаго федерализма. Въ самомъ дѣлѣ, федералистамъ англійскимъ, такъ же какъ и автономистамъ, совершенно чуждъ имперіалистическій духъ принужденія, подчиненія и неравенства. Какъ тѣ, такъ и другіе одинаково стоятъ за равенство и за «братство» всѣхъ частей нынѣшней имперіи, а все расхожденіе между ними сводится лишь къ тому, что одни считаются съ возможностями постепенной эволюціи и потому не заглядываютъ дальше стадіи конфедеративнаго имперскаго объединенія, другіе же сразу хотятъ создать Британскую федерацію. Здѣсь—всецѣло различіе политическихъ темпераментовъ, но не различіе конечныхъ идеаловъ. Здѣсь различная степень напряженія политической

[1]) Ср. J Marriot: op cit p. 499.

воли, но не различныя направленія ея, и если въ непрестанной взаимной борьбѣ долго еще будутъ побѣждать автономисты-конфедералисты, то въ послѣдній моментъ поле битвы останется все же за ихъ противниками, федералистами. Да и теперь уже каждая побѣда автономистовъ является одновременно побѣдой самихъ «Гамильтоніанцевъ», такъ какъ кратчайшій путь къ федераціи, что бы ни говорили они, лежитъ именно черезъ конфедерацію.

Таковъ британскій «децентрализмъ», съ полной очевидностью обнаруживающій, что въ области колоніальныхъ отношеній Англія сумѣла уже преодолѣть традиціи имперіализма въ подлинномъ значеніи этого слова и перешла на путь политики равенства,—политики федералистической. То, что сдѣлалось основой взаимоотношеній внутри ея Imperial Commonwealth, не могло, разумѣется, безслѣдно пройти и для внѣшней политики страны въ широкомъ смыслѣ. Въ самомъ дѣлѣ, невозможно, чтобы великій, свободный и культурный народъ проповѣдывалъ возвышенные идеалы въ однихъ случаяхъ и низко насмѣхался надъ ними въ другихъ, тождественныхъ. Нельзя вести той смѣлой и прямолинейной политики равенства и свободы, какую Англія ведетъ въ отношеніи значительнѣйшихъ изъ своихъ заморскихъ владѣній, если нѣтъ въ душѣ

искренней вѣры въ связующую и умиротворяющую силу этого равенства и этой свободы. Нельзя, наконецъ, вызвать довѣрія къ себѣ даже въ средѣ своихъ собственныхъ подданныхъ, если на каждомъ шагу обнаруживать двоедушіе, затаенныя темныя мысли и близорукое стремленіе знамя свободы превратить въ оружіе для новыхъ порабощеній и захватовъ. Вотъ почему съ полной опредѣленностью приходится сказать, что стадія имперіалистической политики уже и теперь пережита Англіей и что тѣ, кто отказывается проводить линію рѣзкаго различія между британскимъ «имперіализмомъ» и германскимъ или японскимъ, просто обнаруживаютъ полнѣйшую свою неосвѣдомленность въ вопросахъ международной политики. Давній стражъ и хранитель завѣтовъ гражданской свободы, учитель народовъ въ области внутригосударственнаго права и внутригосударственной справедливости, народъ англійскій впереди всѣхъ другихъ идетъ по полямъ международнаго соревнованія, чтобы и здѣсь утвердить столь же свѣтлыя начала, чтобы и здѣсь явить міру примѣръ политики мудрой и дальновидной, правосознанія высокаго и твердаго.

IV.

Равенство и неравенство государствъ.

Федерализмъ—свѣтлый геній международной исторіи; онъ призванъ спасти человѣчество отъ страшныхъ путь имперіализма и водворить среди народовъ вѣчный миръ и справедливость. Такъ, во всякомъ случаѣ, хочется вѣрить.

При нѣкоторыхъ условіяхъ только и возможенъ что типъ федералистическихъ отношеній между тѣми или иными политическими организмами, но ни въ какомъ случаѣ не принудительное подчиненіе однихъ другимъ. Въ самомъ дѣлѣ, трудно было бы представить себѣ прежнія англійскія колоніи въ Америкѣ—тѣ, что составляютъ теперь С.-А. Соединенные Штаты,—не слившимися вмѣстѣ въ одно союзное государство, но непрерывно борющимися между собою за господство каждой надъ всѣми. Здѣсь налицо общность происхожденія, общность культуры и нравовъ, общіе экономическіе и политическіе интересы, которые могли получить удовлетвореніе и обезпеченіе лишь при условіи тѣснаго взаимнаго объединенія отдѣльныхъ колоній-штатовъ. Другой примѣръ: если бы не постепенное превращеніе отношеній подчиненія Австраліи и

Канады ихъ метрополіи въ отношенія, по существу, федералистическія, то несомнѣнно, Англія лишилась бы и этихъ своихъ колоній такъ же, какъ въ XVIII вѣкѣ она лишилась теперешнихъ Соединенныхъ Штатовъ. Если бы, наконецъ, Англія не дала самой широкой автономіи южноафриканскимъ республикамъ, завоеваннымъ всего на всего нѣсколько лѣтъ назадъ, врядъ ли недавній ожесточенный врагъ ея, трансваальскій генералъ Б о т а, сталъ бы восклицать въ одномъ изъ лондонскихъ клубовъ: «Я былъ солдатомъ и свято исполнялъ свой долгъ; теперь я готовъ этотъ же мой долгъ столь же свято исполнять на службѣ у Великобританіи»[1]).

Однако, несмотря на всю этическую и политическую корректность федерализма, многое можно поставить ему въ упрекъ. Начать съ того, что онъ очень рѣдко дѣйствуетъ по собственному почину. Нужны угрозы, чтобы онъ заговорилъ или принялся за работу. Нужны опасности, нужны злоупотребленія централизмомъ, государственнымъ индивидуализмомъ, имперіализмомъ. Безъ наступательной политики однихъ народовъ нѣтъ и не можетъ быть отчетливаго стремленія къ федерализму въ средѣ другихъ. Оба явленія взаимно связаны между собой и могутъ торже-

[1]) С А. К о р ф ъ: «Федарализмъ», сс. 26—27.

ствовать лишь за счетъ другъ друга. И вотъ, сплошь и рядомъ оказывается, что «имперіализмъ» одерживаетъ побѣды со значительно большей легкостью, чѣмъ его противникъ;—вѣдь, тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о соглашеніи, договорѣ, о взаимныхъ обязанностяхъ и равенствѣ, каждая изъ сторонъ должна преодолѣть не только явное сопротивленіе другой стороны, но и свое собственное внутреннее сопротивленіе. Вотъ почему, несмотря на столѣтнія усилія, такъ медленно подвигается впередъ дѣло южно-американскаго или пан-американскаго объединенія. Вотъ почему и впредь такъ мало надежды на созданіе единой балканской федераціи, сколько бы ни мечтали о ней отдѣльные балканскіе дѣятели и цѣлыя политическія партіи. Не слѣдуетъ упускать изъ виду и того, что установленіе чисто федералистическихъ отношеній между многими крупными территоріями,—а тѣмъ болѣе между территоріями, раздѣленными необъятными морскими пространствами,—возможно лишь благодаря тѣмъ ресурсамъ, которые даетъ наиболѣе богатымъ и передовымъ изъ современныхъ государствъ новѣйшая техническая культура. Короче говоря, чистый федерализмъ осуществимъ только тамъ, гдѣ малыя государства, находящіяся на одинаковой ступени культурнаго развитія, имѣющія тѣсные экономическіе интересы,

связанныя общностью національнаго происхожденія, живущія приблизительно въ одинаковыхъ условіяхъ быта и приблизительно равныя другъ другу по объему своихъ государственныхъ силъ,—чувствуютъ на себѣ настолько мощное давленіе извнѣ, что принуждены пожертвовать значительной долей своей политической самостоятельности во имя безопасности личной и общей.

Поэтому вполнѣ понятно, что исторія знаетъ цѣлый рядъ условій, при которыхъ ни о какомъ договорномъ сочетаніи отдѣльныхъ политическихъ единицъ не можетъ быть рѣчи. Таковы прежде всего условія жизни государствъ далекой старины, еще не успѣвшихъ какъ слѣдуетъ оформиться и укрѣпить свою государственность. Нѣсколько такихъ государствъ, расположенныхъ рядомъ, ведутъ между собою безконечныя войны и все время ослабляютъ себя и другъ друга. Но вотъ одно изъ нихъ набрало столько силы, что оказалось въ состояніи подчинить себѣ другія и установить хотя бы временный миръ. Возможно, что будь къ его услугамъ хорошій административный аппаратъ, усовершенствованные пути сообщенія, всѣ тѣ навыки, съ помощью которыхъ культурные народы умѣютъ иногда примирить съ собой свои вновь завоеванныя области,—оно не было бы жестокимъ. Но ничего этого

нѣтъ у первобытнаго государства и оно во что бы то ни стало принуждено лить кровь сосѣдей и вассаловъ, готовыхъ къ постоянному возмущенію, чтобы самому не погибнуть отъ ихъ руки и не захлебнуться въ потокахъ собственной крови. Съ другой стороны, не можетъ произойти объединенія иначе, какъ на почвѣ подчиненія и рѣшительнаго принужденія—среди народовъ, стоящихъ на совершенно различныхъ уровняхъ культуры, и живущихъ въ совершенно различныхъ бытовыхъ условіяхъ. Въ правѣ ли были бъ мы требовать отъ Германіи и Бельгіи, Англіи, Франціи и Португаліи въ Африкѣ, чтобы онѣ на равную ногу встали съ мѣстными дикарями или наладили съ ними хотя бы такія отношенія, въ какихъ Англія находилась въ послѣднее время съ Канадой, Австраліей, Новой Зеландіей? Хорошо еще, если онѣ не проявляютъ къ несчастнымъ дикарямъ излишней жестокости, но, къ сожалѣнію, не только нѣмцы, но и бельгійцы не разъ возмущали общественное мнѣніе культурнаго міра своимъ варварскимъ обхожденіемъ съ туземцами въ своихъ колоніяхъ. Достаточно напомнить нашумѣвшее дѣло Петерса, обнаружившее, что нѣмецкіе колоніальные чиновники безпощадно разстрѣливаютъ темнокожихъ, забиваютъ ихъ палками до полусмерти и даже просто вѣшаютъ мужчинъ и женщинъ

ради своеобразной забавы [1]). Или вспомнимъ разоблаченія англійской Congo Reform Association о дѣлахъ въ бельгійскомъ Конго, которыя привели даже къ обсужденію вопроса въ англійскомъ парламентѣ въ 1903 г. и къ протесту Англіи [2]). Но и сами англичане не безгрѣшны въ своемъ обращеніи съ коренными обитателями своихъ колоній. «Тамъ, гдѣ появляются въ Малайскихъ Штатахъ, — бѣлые піонеры (въ большинствѣ, конечно, англичане),—пишетъ нашъ генеральный консулъ въ Сингапурѣ начинается самое фантастическое выжиманіе и выколачиваніе долларовъ путемъ хищническаго насилія и надъ землею, и надъ ея полуживотными обитателями» [3]). Не споримъ, трудно оправдать жестокости, творимыя высококультурными европейцами надъ дикарями тропическихъ странъ, но извѣстныя основанія быть жестокими у нихъ, повидимому, есть, разъ это явленіе почти универсальнаго характера.

---

[1]) Ср Andler, Ch: «Le Pangermanisme colonial sous Guillaume II» —Майскій, В., цит. соч., с. 76

[2]) Ср. Challaye: «La Belgique et le Congo». —Rev. de Paris, 1908, 1/V, pp. 207—224.—Его же: «Le Congo et les puissances».—Ibid., № 18, pp. 427—8, 434. Э. Грей отмѣтилъ, что при извѣстіи о бельгійскомъ режимѣ всѣ партіи въ парламентѣ «объединились въ общемъ ужасѣ».

[3]) Консульскія донесенія. Изд. Мин-ва Торговли и Промышленности 1913 г. № 33, с. 74.

Наконецъ, не можетъ быть надежды на договорное объединеніе тѣхъ народовъ, изъ которыхъ каждый стоитъ на достаточно высокомъ уровнѣ цивилизаціи и каждый одинаково ревниво оберегаетъ свою политическую и культурную самостоятельность. Здѣсь возможно только покореніе однихъ другими, здѣсь примѣнима лишь политика принудительнаго искорененія изъ побѣжденныхъ малѣйшихъ проявленій національнаго духа, малѣйшихъ мыслей о независимости [1]). Удастся это,—побѣжденные растворятся въ массѣ народа-побѣдителя; не удастся,—при первомъ удобномъ случаѣ они возстанутъ и отдѣлятся. Какъ на относящійся сюда примѣръ, можно указать на политику въ отношеніи поляковъ бисмарковской Пруссіи,—позже Германіи. «Каждый успѣхъ польскаго народнаго движенія, — писалъ Бисмаркъ въ 1861 г.,—есть пораженіе Пруссіи, и мы должны вести борьбу противъ этого элемента не по началамъ гражданской справедливости, а по правиламъ войны. Полонизмъ во всѣхъ его проявленіяхъ долженъ оцѣниваться нами не гуманистически и безпартійно, а враждебно... Между нами и какой-либо попыт-

[1]) Въ моральную оцѣнку подобной политики мы здѣсь не входимъ; впрочемъ, она ясна сама собой

кой возстановленія Польши не можетъ быть заключено мира»[1]). Нѣсколько позже онъ увѣдомлялъ кн. Горчакова, что «всякая либеральная уступка» полякамъ со стороны русскихъ представляется прусскому королю «въ высшей степени опасной»[2]).—Путями, намѣченными желѣзнымъ канцлеромъ Германской имперіи, двигалась и русская политика въ Польшѣ. Итоги ея всѣмъ извѣстны.

Практическое безсиліе федерализма, взятаго въ его чистомъ видѣ, невольно послужило, на нашъ взглядъ, къ тому, что въ послѣднее время представители науки международнаго права начали ревностно пересматривать одинъ изъ существеннѣйшихъ вопросовъ теоріи интернаціонализма—вопросъ о т. наз. юридическомъ равенствѣ государствъ. Для насъ этотъ пересмотръ имѣетъ тѣмъ болѣе глубокое значеніе, что самое различіе между интересующими насъ государственнымъ индивидуализмомъ (имперіализмомъ) и федерализмомъ выливается, какъ мы уже знаемъ, въ различіе самообнаруживаній въ политической области началъ равенства и неравенства. Здѣсь,

---

[1]) Б. Э. Нольдэ: «Внѣшняя Политика». Петрогр 1915 г. с. 160—161

[2]) Тамъ-же, с. 165,

въ указанномъ вопросѣ, сходятся всѣ лучи проблемы интернаціонализма, здѣсь ключъ къ познанію самаго существа международнаго права. А если вѣрно, что законы всемірной исторіи исполнены трагизма и паѳоса, то здѣсь же достигаютъ своего высшаго напряженія и этотъ трагизмъ, и этотъ паѳосъ.

Классическимъ положеніемъ теоріи международнаго права до сихъ поръ признавалось то, согласно которому государства ю р и д и ч е с к и р а в н ы м е ж д у с о б о ю.

Всѣ государства равны между собою,—училъ Б л ю н ч л и,—потому что всѣ они л и ч н о с т и. Участвуя въ международномъ правѣ, они имѣютъ право на то, чтобы существованіе ихъ уважалось. Равенство между государствами—то же самое, которое существуетъ между гражданами. Различія размѣровъ, могущества и ранга не измѣняютъ этого равенства, потому что оно состоитъ въ признаніи за государствами достоинства юридическихъ лицъ и въ примѣненіи принциповъ международнаго права ко всѣмъ безъ различія.

Чрезвычайно рѣшительно высказывается въ пользу юридическаго равенства государствъ въ статьѣ своей о «Будущемъ международнаго права» О п п е н г е й м ъ.—«Всякая организація общества государствъ,—читаемъ мы у него,—

должна исходить изъ полнаго суверенитета и абсолютнаго равенства государствъ и должна эти характерныя свойства ихъ сохранить неприкосновенными» [1]).

Краснорѣчивымъ защитникомъ начала равенства заявилъ себя и брюссельскій профессоръ Э. Нисъ. Онъ пишетъ: «Есть принципъ, давно уже принятый правомъ народовъ; это—принципъ юридическаго равенства государствъ. Часто политика попирала его; зато всегда онъ находилъ себѣ энергичныхъ защитниковъ. И если въ печальные часы исторіи онъ казался сдавшимся, то всякій разъ, какъ наступалъ поворотъ къ лучшему, всякій разъ, какъ коалиція притѣсненныхъ заставляла отступить притѣснителя, основное правило провозглашалось съ возросшей энергіей».—Отсюда протестъ Ниса противъ блаженной памяти европейскаго концерта: «Нужно провозгласить противозаконными притязанія

---

[1]) Oppenheim, L.: «Die Zukunft des Völkerrechtes».—Sonderabdruck aus der Festschrift fur K. Binding Leipz. 1911, s. 20.—Ср. Kebedgy: «Principes du droit des gens.—Les droits fondamentaux de l'indépendance et de l'égalité juridiques de tous les Etats...».— Zeitschrift fur schweizerisches Recht». 1900, s. 84. Ср. с. 103.—Nippold, O.: «Vorfragen des Völkerrechts». — «Jahrbuch des öffentl. Rechts». — 1913, ss. 42—43.

европейскаго концерта. Нужно выставить на видъ опасныя послѣдствія для международнаго права отъ созданія въ лонѣ сообщества народовъ какого-то «директоріума». Нужно укрѣпить основной принципъ юридическаго равенства всѣхъ государствъ» [1]).

Наконецъ, едва ли не обязательнымъ для каждаго защитника разсматриваемаго принципа почитается повтореніе словъ Ш. Сомнера, произнесенныхъ имъ въ сенатѣ Соединенныхъ Штатовъ въ мартѣ 1871 г.: «Равенство государствъ въ той же мѣрѣ есть принципъ международнаго права, въ какой равенство гражданъ—аксіома нашей Декларації независимости. Не должно совершать противъ маленькаго и слабаго народа то, что мы не рѣшились бы предпринять противъ народа великаго и могущественнаго и что мы не допустили бы предпринять противъ насъ самыхъ» [2]).

---

[1]) Nys, E.. «Le concert européen et la notion de droit international». Rev. de dr. int. 1899, pp 280, 313.—Ср. его же: «Le droit international.—Les principes, les théories, les faits». 1904, p 38.

[2]) Припоминаемъ, что приведенную цитату мы встрѣчали въ курсахъ международнаго права Блюнчли, Мартенса, Гарейса, Ниса, въ ст.: Streit:

Но постепенно, съ легкой руки Лорэнса и Лоримера, въ сознаніи интернаціоналистовъ началъ все прочнѣе и прочнѣе укрѣпляться принципъ прямо противоположный «классическому»,—принципъ неравенства государствъ.

На докладѣ въ парижской «Свободной Школѣ политическихъ наукъ» извѣстный Л. Рено говорилъ по поводу мирной гаагской конференціи 1907 г.: «Конференція базировалась на идеѣ—чрезвычайно важной, я это признаю,—юридическаго равенства государствъ. Всѣ государства суверенны, равны въ своихъ правахъ и т. д. Однако, нужно считаться съ фактами и обнаруживать иногда больше такту и осмотрительности предъ лицомъ дѣйствительнаго положенія вещей. Вѣдь, юридическое равенство государствъ, взятое въ буквальномъ смыслѣ, ведетъ къ абсурду. Вотъ то, что нужно имѣть мужество признать. Возьму примѣръ. Можно ли допустить, чтобы въ какомъ-нибудь вопросѣ морского международнаго права голосъ великаго герцогства Люксембургскаго или деже Черногоріи имѣлъ столько же вѣсу, сколько и голосъ Великобританіи?» [1]).

«Les grandes puissances dans le droit international» (Rev. de dr int 1900) и у другихъ.

[1]) Renault: «L'oeuvre de la Haye 1899 et 1907». Paris, 1908, p. 16.

Глубокій интересъ представляетъ аргументація противъ начала равенства государствъ, выдвинутая Ф. Листомъ[1]). Онъ счелъ необходимымъ спросить себя: дѣйствительно ли современныя отношенія народовъ, какъ и въ былыя времена, всецѣло покоятся на «товарищеской», анархической, междувластной основѣ, или же ходъ исторіи успѣлъ привести ихъ къ стадіи «властныхъ» отношеній—von der genossenschaftlichen zur herrschaftlichen Organisation? И далѣе: дѣйствительно ли современное сообщество государствъ все еще не представляетъ собой особаго, самостоятельнаго субъекта правъ; или, наоборотъ, оно уже стало подобнаго рода субъектомъ?

— Да,—отвѣчаетъ Листъ,—современная международная жизнь не та уже, какой она была прежде: начала власти и неравенства проникаютъ въ нее, а одновременно все международное общеніе въ его цѣломъ пріобрѣтаетъ характеръ единой правовой организаціи съ самостоятельнымъ кругомъ полномочій и съ опредѣленными обязанностями по отношенію къ ней у отдѣльныхъ государствъ. «Первый сознательный шагъ»

---

[1]) Liszt, F.: «Das Wesen des völkerrechtlichen Staatenverbandes u. der internationale Priesenhof».—Festgabe der Berliner jurist Fakultat fur Otto Gierke». S. 29.

въ этомъ направленіи сдѣланъ, по мнѣнію германскаго ученаго, въ той конвенціи о международной Призовой Палатѣ, которая была принята на второй мирной конференціи въ Гаагѣ (1907 г.) и въ которой установлено рѣзкое неравенство между большими и малыми государствами при назначеніи въ названную палату судей и ихъ замѣстителей. Общее число судей пятнадцать. Изъ нихъ п о с т о я н н о призваны засѣдать восемь, назначаемыхъ восемью великими державами; всѣмъ же остальнымъ державамъ, вмѣстѣ взятымъ, предоставляется замѣщать п о о ч е р е д и (согласно особому списку) остальныя семь судейскихъ мѣстъ. Рѣшенія принимаются по большинству голосовъ при условіи наличности не менѣе девяти судей. Такимъ образомъ, здѣсь дается «распредѣленіе государствъ по рангамъ, чуждое до сихъ поръ международному праву и абсолютно несовмѣстимое съ товарищеской организаціей общества государствъ...— Почва товарищеской организаціи теряется въ тотъ моментъ, какъ голосъ одного сталъ больше значить, чѣмъ голосъ другого и большинство получило возможность навязывать свою волю меньшинству» [1]). Но Л и с т ъ привѣтствуетъ совершившуюся перемѣну:—«прочная организа-

[1]) F. L i s z t, op. cit., p. 33.

ція общества государствъ совершенно немыслима безъ того, чтобы были учтены существующія между государствами различія»[1]). Слѣдовательно, съ его точки зрѣнія между организаціей общенія народовъ на началахъ властвованія и нарожденіемъ юридическаго неравенства государствъ существуетъ прямая и непосредственная зависимость. При этомъ самъ онъ едва ли вполнѣ отчетливо сознаетъ, что понятіе «властной организаціи»—herrschaftliche Organisation—употребляется имъ въ двухъ весьма различныхъ значеніяхъ: то въ смыслѣ господства однихъ государствъ надъ другими, то въ смыслѣ власти е д и н о й надгосударственной организаціи надъ каждымъ изъ о:дѣльныхъ входящихъ въ нее государствъ. Но какъ бы то ни было, Л и с т ъ ставитъ передъ нами вопросъ первостепенной принципіальной важности: дѣйствительно ли юридическая организація міра возможна только лишь на началѣ юридическаго неравенства государствъ или же она возможна также и на началѣ равенства? Для насъ этотъ вопросъ равносиленъ вопросу о томъ, осужденъ ли федерализмъ на вѣчное безсиліе или же, несмотря ни на что, онъ въ состояніи выдержать стойкую борьбу съ имперіализмомъ, и, даже быть можетъ, остаться побѣдителемъ?

---

[1]) Ibidem.

Въ числѣ авторовъ, чье вѣское опроверженіе принципа равенства нельзя не отмѣтить, находится В. Э. Грабарь. По его мнѣнію, отказъ отъ принципа юридическаго равенства государствъ подсказывается самой жизнью, какъ откликъ на особенно ясно обнаружившуюся въ послѣднее время рознь между интересами крупныхъ и мелкихъ государствъ [1]). Рознь эта привела къ тому, что малыя державы совершенно утратили свое прежнее политическое значеніе, «а только благодаря фактическому ихъ значенію и могла въ былое время возникнуть доктрина юридическаго равенства всѣхъ государствъ [2])». Дѣйствительно, развѣ не находится вся міровая политика въ настоящее время въ рукахъ однѣхъ только великихъ державъ? Во всякомъ случаѣ, развѣ есть теперь такіе политическіе вопросы, которые не рѣшались бы или исключительно великими державами, или при ихъ непосредственномъ, болѣе или менѣе рѣшительномъ участіи? [3])

Однако, не ограничиваясь вопросами политическими, великія державы устанавливаютъ

---

[1]) В. Э. Грабарь: «Начало равенства государствъ въ современномъ международномъ правѣ». Изв. Мин. Иностр. Дѣлъ, 1912, кн. 1, с. 195

[2]) Тамъ же, с. 197.

[3]) Тамъ же, с. 198.

иногда и законодательныя нормы по различнымъ вопросамъ. Такимъ путемъ было регулировано, напримѣръ, судоходство по международнымъ рѣкамъ (1815 г.), установлены ранги дипломатическихъ агентовъ (1815 и 1818 гг.), опредѣлено правовое положеніе Босфора и Дарданеллъ въ 1841 г., издана Парижская декларація 1856 г. о правѣ морской войны, а въ 1909 г. Лондонская декларація, посвященная тому же вопросу. Правда, оговаривается авторъ, формально всѣ эти акты обязательны только для подписавшихъ ихъ державъ. Тѣмъ не менѣе установленныя ими нормы разсматривались обычно въ качествѣ права общаго для всѣхъ народовъ:— «фактическое могущество великихъ державъ даетъ имъ возможность законодательствовать [1]). Далѣе, современное международное право создало цѣлый рядъ правовыхъ положеній, приспособленныхъ исключительно для защиты интересовъ крупныхъ державъ и порой весьма рѣзко нарушающихъ интересы державъ малыхъ. Сюда относятся, напримѣръ, право вмѣшательства, гарантія, въ значительной мѣрѣ—посредничество и мирныя услуги, а также всѣ тѣ односторонніе акты войны, примѣняемые въ мирное время, (мирная блокада, занятіе чужой территоріи),

[1]) Тамъ же, с. 222.

на которые всякое сильное государство непремѣнно отвѣтило бы рѣшительнымъ отпоромъ [1]).—Рядъ отступленій отъ принципа равенства В. Э. Грабарь отмѣчаетъ въ области международнаго управленія: такъ, юридически закрѣпленное неравенство обнаруживается во Всемірномъ Почтовомъ Союзѣ, поскольку дѣлоидетъ объ издержкахъ на содержаніе Бюро этого Союза. Всѣ государства раздѣлены здѣсь на семь классовъ, изъ которыхъ каждому соотвѣтствуетъ опредѣленное количество единицъ денежнаго взноса. Гораздо дальше идетъ конвенція объ учрежденіи въ Римѣ международнаго сельскохозяйственнаго Института (1905 г). Здѣсь уже и голоса распредѣляются между участниками не поровну, а въ извѣстномъ соотвѣтствіи съ дѣлаемыми взносами. Установлено пять группъ государствъ: государства перавой группы имѣютъ при 16 единицахъ взноса 5 голосовъ, государства второй группы—при 8 единицахъ взноса 4 голоса, третьей группы при 4—3, четвертой—2 и 2, пятой—1 и 1. Какъ и Ф. Листъ, весьма большее значеніе придаетъ В. Э. Грабарь конвенціи 1907 г. о международной призовой Палатѣ [2]). Не ускользнуло отъ его

[1]) Тамъ же, с. 223.

[2]) Тамъ же, с. 224—225.

вниманія и много другихъ проявленій неравенства. «Рознь интересовъ—читаемъ мы у него—сказалась уже на конференціи въ Брюсселѣ, въ 1874 г., при обсужденіи вопроса о защитѣ страны путемъ поголовнаго возстанія. Условія борьбы, разумѣется, неодинаковы для крупныхъ государствъ съ огромнымъ войскомъ, хорошо дисциплинированнымъ, и для государствъ малыхъ, гдѣ опорою независимости страны является все населеніе. Компромиссъ былъ найденъ. Въ 1899 проектъ 1875 года былъ принятъ участниками первой мирной конференціи въ Гаагѣ. Но на этой конференціи выдвинутъ былъ рядъ другихъ вопросовъ, по отношенію къ которымъ интересы большихъ и малыхъ государствъ не только не сходятся, но подчасъ даже прямо противоположны. Таковы: посредничество, слѣдственныя комиссіи, обязательный судъ. Чтобы достигнуть здѣсь единогласнаго рѣшенія, первая мирная конференція принуждена была обойти цѣлый рядъ наиболѣе щекотливыхъ вопросовъ. «Начало равенства этимъ путемъ было спасено, но не безъ ущерба для результатовъ дѣятельности самой конференціи». Впрочемъ, послѣднее относится уже не только къ первой изъ двухъ состоявшихся до сихъ поръ мирныхъ конференцій: «дѣятельность малыхъ государствъ на о б ѣ и х ъ мирныхъ конференціяхъ представляла... своего рода тор-

мазъ для дальнѣйшаго развитія нѣкоторыхъ международно-правовыхъ институтовъ» [1]).

Въ заключеніе В. Э. Грабарь приводитъ рядъ фактовъ изъ области «болѣе тѣсныхъ союзовъ между государствами»—конфедерацій и федерацій,—которые также свидѣтельствуютъ, по его мнѣнію, противъ начала международно-правового равенства [2]).

---

[1]) Тамъ же, сс. 198—9 и 201.

[2]) Въ русской международно-правовой литературѣ первымъ энергичнымъ противникомъ начала равенства заявилъ себя Б. Э. Нольде «Постоянно нейтральное Государство», С.-ПБ. 1906 г., сс. 559—564:—«Международный оборотъ характеризуется именно неравенствомъ своихъ членовъ».—Напротивъ, С. А. Корфъ въ статьѣ «Принципъ равенства государствъ въ современномъ международномъ правѣ» (Изв. Мин. Иностр. Дѣлъ, 1914, кн. I, сс. 136—148) продолжаетъ придерживаться равенства (см. выше). По мнѣнію А. П. Байкова, «въ извѣстномъ смыслѣ» правы и защитники равенства и противники его.—«Мы раздѣляемъ воззрѣніе господствующей доктрины, утверждающей, что равенство—основное начало международнаго права. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы допускаемъ возможность ограниченія даннаго принципа; если жизнь дѣйствительно требуетъ этого—уступимъ ей, но, уступая, будемъ помнить, что международное право сохранитъ свое цѣлостное значеніе только для государствъ, оставшихся равноправными».—(«Междувластныя и властныя отношенія въ теоріи права».—Яросл. 1912 г., с. 337).

Таковы тѣ матеріалы, съ помощью которыхъ намъ предстоитъ разобраться въ занимающемъ насъ исключительнаго значенія вопросѣ.

Прежде всего: въ чемъ защитники и противники начала равенства усматриваютъ его выраженія? Къ чему сводятъ они его требованія? Повидимому, къ тому, чтобы на конгрессахъ и конференціяхъ представители всѣхъ государствъ имѣли одинаковое количество голосовъ и всѣ дѣла рѣшались бы единогласно:—чтобы то же самое имѣло мѣсто при организаціи постоянныхъ союзовъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ государствъ и при организаціи союзныхъ государствъ; чтобы сильныя государства не навязывали своей воли слабымъ,—въ особенности, не рѣшали бы безъ ссгласія послѣднихъ ихъ судьбу; наконецъ, чтобы въ совмѣстныхъ предпріятіяхъ всѣхъ или нѣсколькихъ государствъ издержки и обязанности въ равной долѣ падали на всѣхъ участниковъ. Но здѣсъ не со всѣмъ можно согласиться. Несомнѣнно, что при постановкѣ проблемы равенства и неравенства государствъ не могутъ учитываться тѣ случайныя колебанія международнаго положенія разныхъ странъ, благодаря которымъ онѣ оказываются то въ нѣсколько болѣе выгодныхъ условіяхъ по сравненію съ сосѣдями, то въ нѣсколько болѣе невыгодныхъ. Разъ подобнымъ колебаніямъ

подвержены одинаково всѣ страны и разъ въ нихъ обнаруживается своего рода равенство въ неравенствѣ или неравенство при равенствѣ, то они никакимъ образомъ не могутъ повліять на разрѣшеніе нашей проблемы въ ту или иную сторону. Какъ совершенно правильно оттѣнялось нѣкоторыми изъ авторовъ, острі е вопроса о равенствѣ сводится къ взаимоотношенію большихъ и малыхъ державъ. Только тѣ неравенства и должны, слѣдовательно, учитываться, которыя закрѣпляютъ за большими государствами, какъ таковыми, тѣ или иныя преимущества въ международной правоспособности. А поскольку дѣло касается правового положенія государствъ, указанныя неравенства должны быть закрѣплены непремѣнно въ юридической формѣ съ отчетливымъ противопоставленіемъ большихъ державъ малымъ.

Но если все это такъ, то сразу теряетъ всякую цѣнность многое въ аргументаціи, какъ защитниковъ идеи равенства, такъ, въ особенности— ея противниковъ. Напримѣръ, совершенно излишнимъ становится требованіе (якобы въ угоду равенству) единогласныхъ рѣшеній на конгрессахъ и конференціяхъ: если большинству голосовъ великія державы должны подчиняться такъ же покорно, какъ и самыя малыя, то ни о

какомъ неравенствѣ между кѣмъ бы то ни было здѣсь не можетъ быть рѣчи. Съ другой стороны, ссылки на разницу въ денежныхъ взносахъ и въ количествѣ голосовъ, да при томъ еще тамъ, гдѣ не затронуты прямымъ образомъ политическіе интересы странъ (въ «административныхъ союзахъ»), также весьма мало помогаютъ обоснованію неравенства государствъ, если только отъ доброй воли государства зависитъ записаться на любые взносы и на любое количество голосовъ. Въ театрахъ и концертахъ болѣе богатые люди сидятъ нерѣдко въ заднихъ рядахъ, а болѣе бѣдные въ переднихъ, но изъ этого не слѣдуетъ, что первые вдругъ разорились, а вторые столь же вдругъ разбогатѣли. — Въ частности, намъ не кажутся убѣдительными ссылки В. Э. Грабаря на тѣ расхожденія интересовъ большихъ и малыхъ государствъ, которыя привели къ уступкамъ малымъ со стороны большихъ. Изъ уступокъ подобнаго рода можно сдѣлать только тотъ выводъ, что съ малыми державами считаются, но вовсе не тотъ, что сильныя навязываютъ имъ свою волю и они ей покорно подчиняются. Еще менѣе убѣдительны указанія того же автора на фактическую необходимость для малыхъ государствъ придерживаться положеній, выработанныхъ большими, и на фактическую

невыгодность для первыхъ многихъ нормъ дѣйствующаго международнаго права. Въ подобнаго рода указаніяхъ обнаруживаетъ себя смѣшеніе факта съ правомъ, теоретически трудно оправдываемое; практически же соотношеніе международныхъ силъ можетъ оказаться при случаѣ такимъ, что силы крупныхъ соперничающихъ государствъ будутъ взаимно нейтрализовать другъ друга, а рѣшающая роль выпадетъ на долю государствъ малыхъ.

Однако, мы вовсе не хотимъ утверждать, будто противники начала равенства государствъ кругомъ неправы. Нѣтъ, многія изъ отмѣченныхъ ими проявленій юридическаго неравенства государствъ, дѣйствительно, имѣютъ мѣсто; будуть они имѣть мѣсто и въ послѣдующее время. Но слѣдуетъ ли отсюда, что равенство государствъ отжило свой вѣкъ и смѣнилось уже или смѣняется полнымъ неравенствомъ между ними? На нашъ взглядъ, это совсѣмъ не слѣдуетъ. Значительно осторожнѣе и правильнѣе было бы со стороны авторовъ, если бы они ограничились въ данномъ случаѣ тѣмъ единственнымъ признаніемъ, что на ряду съ началомъ равенства дѣйствуетъ въ международной жизни и начало неравенства. Но нѣтъ, авторамъ непремѣнно хочется быть радикальными: «или—или».

Пусть въ доводахъ противниковъ начала ра-

венства государствъ многое несостоятельно. Пусть тотъ тезисъ, который они хотѣли обосновать,— о замѣнѣ равенства неравенствомъ—имъ обосновать не удалось. Но пусть, вмѣстѣ съ тѣмъ, не радуются и защитники равенства. Ихъ-то аргументація уже совсѣмъ слаба и менѣе чѣмъ какая-либо иная способна удовлетворять и убѣждать. Недаромъ они то и дѣло обращаются за помощью къ возвышеннымъ, нарядным фразамъ и ледъ собственнаго и чужого скептицизма стремятся растопить въ умиленныя слезы однимъ только жаромъ прекрасныхъ чувствъ. Въ самомъ дѣлѣ: все, что они могли сказать въ защиту исповѣдуемаго ими символа, это то, что неравенство было бы несовмѣстимо съ основными началами современнаго международнаго права, съ суверенитетомъ государствъ, съ ихъ независимостью, съ ихъ достоинствомъ какъ «личностей». Но, вѣдь, совершенно очевидно, что самый вопросъ-то о равенствѣ и неравенствѣ государствъ есть именно вопросъ о томъ, вѣрно или невѣрно понималось до сихъ поръ существо международнаго права, не измѣнилось-ли оно, не стоитъ-ли теперь превыше суверенитета малыхъ государствъ суверенитетъ великихъ, не призракъ ли независимость малыхъ государствъ, не попрано-ли разъ навсегда ихъ былое достоинство? Слѣдовательно, пока наукѣ

международнаго права не удастся установить, какъ нѣчто совершенно достовѣрное, фактъ и право суверенитета рѣшительно всѣхъ государствъ, выступающихъ въ международномъ оборотѣ, пока съ такой же достовѣрностью ими не будетъ утверждено начало независимости государствъ и не будетъ дано вполнѣ точное опредѣленіе основъ международнаго права, до тѣхъ поръ аргументація защитниковъ равенства такъ и останется безпочвенной и наивно прекраснодушной. Другой вопросъ, конечно, — можно-ли, вообще, установить и доказать все это, пока въ свою очередь не доказано положеніе о равенствѣ государствъ? Что касается лично насъ, то мы опредѣленно признаемъ, что нельзя; по той простой причинѣ нельзя, что утвержденіе равенства государствъ и утвержденіе ихъ суверенитета или независимости представляютъ собой одно и то же. Безполезно отстаивать суверенитетъ и независимость государствъ, не утвердивъ предварительно начала ихъ юридическаго равенства. И обратно: безполезно отстаивать равенство государствъ, не заручившись для нихъ у кого слѣдуетъ формальными свидѣтельствами о суверенитетѣ и независимости. Всѣ они,—равенство, суверенитетъ, независимость—явятся въ качествѣ твердыхъ правовыхъ принциповъ одновременно, или же совсѣмъ не явятся; потому

что повторяемъ — всѣ они составляютъ одно и то же.

Итакъ, равенство государствъ столь же мало можетъ считаться единоличнымъ верховнымъ началомъ въ международномъ правѣ и международной политикѣ, какъ и начало противуположнаго характера, провозглашающее между государствами неравенство. И здѣсь, стало быть, предъ нами та же картина, которую мы видѣли уже раньше при анализѣ понятій вмѣшательства и невмѣшательства, clausulae rebus sic stantibus, основныхъ правъ, и при критикѣ теорій легитимизма, равновѣсія, національностей. Всюду, гдѣ только требуется установить для международной жизни тотъ или иной высшій политико-правовой принципъ, вмѣсто одного принципа неизмѣнно появляются два—діаметрально противоположныхъ. Въ отношеніи начала равенства такое положеніе вещей особенно понятно. Всѣ изслѣдователи прошлаго и современнаго интернаціонализма одинаково сходятся на томъ, что онъ стоитъ подъ знакомъ а н а р х и з м а, иначе говоря—не охваченъ еще единымъ организованнымъ правопорядкомъ. А между тѣмъ, признаемъ ли мы среди государствъ юридическое равенство или неравенство, мы одинаково рискуемъ анархическое выдать за строго правовое, т.-е. явно исказить дѣйствительное положеніе вещей. Вѣдь,

анархизмъ международныхъ отношеній какъ разъ въ томъ и выражается, что въ нихъ поперемѣнно и одновременно, безъ всякой планомѣрности дѣйствуютъ два другъ друга исключающихъ начала: неравенство и равенство, имперіализмъ и федерализмъ, стремленіе къ сильнымъ индивидуальнымъ государствамъ и стремленіе къ государству универсальному, всемірному. Поэтому сколько бы мы ни возмущались имперіализмомъ за нѣкоторое его хищничество и за кровожадность, онъ до тѣхъ поръ не прекратитъ своихъ завоеваній, пока не воцарится прочная и юридически хорошо оформленная единая государственная организація вселенной. Поэтому же, съ другой стороны, сколько бы ни восхищались мы добродѣтелями милаго, почти всѣмъ всегда пріятнаго федерализма, онъ попрежнему обреченъ каждую минуту спотыкаться на ходу о безчисленныя препятствія и терпѣть пораженія.

Если бъ мы захотѣли свести всѣ неудачи и ошибки въ постановкѣ и разрѣшеніи вопроса о равенствѣ государствъ къ ихъ наиболѣе основнымъ причинамъ, намъ пришлось бы въ первую очередь остановиться на двухъ слѣдующихъ:

Во-первыхъ, за проявленія неравенства сплошь и рядомъ принимаются всѣ тѣ явленія международной жизни, въ которыхъ обнаруживается р о ж д е н і е н о в о й н а д г о с у д а р-

ственной организаціи. А между тѣмъ неравенство и надгосударственная организація не только не одно и то же, но и не всегда связаны другъ съ другомъ. Вполнѣ возможно установленіе международнаго неравенства безъ параллельнаго созданія надгосударственной организаціи,—напр. при имперіализмѣ; напротивъ, при федерализмѣ возможно и обратное, т.-е. созданіе надгосударственной организаціи на условіяхъ полнаго равенства всѣхъ ея членовъ. Отрицать послѣднюю возможность значитъ не понимать природы и цѣли международнаго права, значитъ превращать его въ источникъ и вдохновителя самаго близорукаго международнаго сепаратизма. Какъ же послѣ этого преклоняться передъ нимъ и бороться за него, не связывающаго народы, но разъединяющаго, не умиротворяющаго ихъ, а постоянно держащаго въ нервномъ напряженіи: вдругъ обяжутъ договоромъ! Это во-первыхъ.

Во-вторыхъ,—и въ данномъ случаѣ это главное,—изслѣдователи пріучились представлять себѣ международное право въ качествѣ чего-то единаго и цѣлостнаго, тогда какъ подобное представленіе совершенно ошибочно. Нѣтъ единаго централизованнаго и для всѣхъ равно обязательнаго международнаго права, какъ нѣтъ

еще единой, т.-е. изъ общаго центра направляемой международной жизни. Разныя группы государствъ связаны разными комплексами правовыхъ нормъ, закрѣпленныхъ въ договорахъ и соглашеніяхъ. И только съ этими-то комплексами государства и обязаны считаться какъ съ подлиннымъ международнымъ п р а в о м ъ. Что же касается всѣхъ т. наз. высшихъ принциповъ международнаго права и священныхъ его основъ, то въ настоящее время они представляютъ изъ себя еще совсѣмъ неплотную туманность, безпомощно носящуюся надъ широкими пространствами международной жизни и только въ отдаленномъ, отдаленномъ будущемъ обѣщающую сгуститься въ крѣпкое правовое тѣло. На почвѣ представленія о международномъ правѣ, какъ о единой системѣ, вполнѣ естественно то стремленіе обосновать его и л и на началѣ равенства и л и на началѣ неравенства, съ какимъ мы всегда встрѣчались до сихъ поръ. Зато стоитъ только отрѣшиться отъ укоренившейся привычки упрощать и т. ск. монизировать свои представленія объ основахъ интернаціонализма, какъ тотчасъ же станетъ яснымъ, что въ немъ при современныхъ условіяхъ, и долго еще впредь, должно проявляться *и* то, *и* другое изъ разсматриваемыхъ началъ.

Приводя въ предыдущей главѣ примѣры

конфедеративныхъ и федеративныхъ объединеній государствъ (или проекты такихъ объединеній), мы усиленно подчеркивали всѣ проявленія въ нихъ федералистическаго начала равенства. Но мы предупреждали вмѣстѣ съ тѣмъ, что исторія знаетъ примѣры и такихъ конфедерацій и федерацій, характерной чертой которыхъ является рѣзкое неравенство въ правовомъ положеніи отдѣльныхъ ихъ членовъ. Достаточно указать на упоминавшіеся уже нами Германскій Союзъ 1815—1866 гг. и Германскую Имперію по конституціи 1871 года.

Изъ 39 государствъ, входившихъ въ составъ Германскаго Союза, одиннадцать наиболѣе крупныхъ пользовались въ тѣсномъ совѣтѣ сейма (engerer Rath) каждое однимъ голосомъ, остальныя же двадцать восемь малыхъ государствъ и вольныхъ городовъ объединялись въ группы или куріи и получали всѣ вмѣстѣ только шесть голосовъ. На общихъ собраніяхъ сейма (Plenum), созывавшихся для разрѣшенія особо важныхъ вопросовъ, самостоятельные голоса предоставлялись всѣмъ членамъ конфедераціи; но при этомъ болѣе крупныя государства получали большее число голосовъ, чѣмъ малыя—до четырехъ включительно. Предсѣдательство на сеймѣ принадлежало австрійскому уполномоченному, въ отсутствіе его—прусскому, въ отсутствіе прус-

скаго—баварскому и т. д. въ опредѣленномъ іерархическомъ порядкѣ.

Не менѣе отчетливо правовое неравенство государствъ-членовъ обнаруживается въ современной Германской Имперіи, явившейся на смѣну Германскому Союзу. Здѣсь право предсѣдательства наслѣдственно закрѣплено за королемъ Пруссіи, получившимъ титулъ германскаго императора. Въ Союзномъ Совѣтѣ, представляющемъ отдѣльныя объединившіяся государства, Пруссіи [1]) принадлежитъ 17 голосовъ, Баваріи—6, Саксоніи и Вюртембергу по 4, двумъ государствамъ по 3, другимъ двумъ по 2, а всѣмъ остальнымъ по одному. Если принять во вниманіе, что согласно имперской германской конституціи представители одного государства могутъ голосовать только всѣ вмѣстѣ, и что никакое измѣненіе этой конституціи невозможно, если противъ него подано 14 голосовъ, то должна стать ясной исключительная выгодность того положенія, какимъ пользуется въ союзѣ Пруссія съ ея 17 голосами! Также и положеніе Баваріи въ имперіи значительно отличается отъ положенія остальныхъ членовъ. Ей предоставлено постоянное

---

[1]) Это—«вмѣстѣ съ прежними голосами» Ганновера, Кургессена, Гольштейна, Нассау и Франкфурта (Конст. Герм. Им. ст. 6).

мѣсто въ комитетѣ Союзнаго Совѣта по дѣламъ арміи и крѣпостей, чего не имѣютъ остальные члены союза; ей же принадлежитъ предсѣдательство въ комитетѣ по иностраннымъ дѣламъ. Пользуется Баварія и рядомъ другихъ «особыхъ правъ» (Sonderrechte, Reservatrechte) — напримѣръ, въ вопросахъ управленія желѣзными дорогами, почтой и телеграфомъ. Нѣкоторыя особыя права имѣются также у Саксоніи, Бадена, Вюртемберга, Бремена и Гамбурга [1]).

Пусть во всѣхъ отмѣченныхъ проявленіяхъ неравенства въ устройствѣ Германскаго Союза и Германской Имперіи сказывались, главнымъ образомъ, требованія политическаго момента и суровая историческая необходимость. Чрезвычайно знаменательно, что и многіе изъ знакомыхъ намъ проектовъ всеевропейской или всемірной международной организаціи будущаго, въ которыхъ, казалось бы, не было нужды дѣлать серьезныхъ уступокъ временнымъ условіямъ, также допускаютъ явное неравенство государствъ.—Мы знаемъ уже, что А. Леруа Болье мыслилъ свои Соединенные Штаты Европы по образцу Германскаго Союза.—Со-

[1]) Ср. Конст Герм Имп., стт. 4, 6, 8, 11, 34, 35, 38, 46, 52 и заключительныя постановленія къ отдѣламъ XI и XII.

гласно проекту Лоримера, шесть великихъ европейскихъ державъ должны посылать въ законодательное собраніе Европейскаго Союза по пяти сенаторовъ и по пятнадцати депутатовъ. Между тѣмъ, число ихъ для каждаго изъ государствъ второго ранга должно соотвѣтствовать «международному значенію страны, опредѣляемому представителями шести великихъ державъ, сообразно ея населенію, величинѣ, точнымъ доходамъ»[1]). Въ судебномъ трибуналѣ союза Лоримеръ хотѣлъ видѣть четырнадцать судей и предсѣдателя. Шестеро изъ этихъ судей непремѣнно должны были бы делегироваться шестью великими державами[2]).—Также и Фабіанское Общество Соціалистовъ, оказывается, признаетъ необходимымъ учитывать неравенство государственныхъ силъ въ различныхъ государствахъ и сообразно съ этимъ «составить сравнительную таблицу государствъ». Но такая таблица уже составлена, хотя и для другой цѣли и нѣсколько съ особой точки зрѣнія: это—таблица представительства различныхъ государствъ въ Международной Призовой Палатѣ, согласно которой на одинъ голосъ самыхъ мелкихъ госу-

[1]) J Lorimer, op cit p 351.
[2]) Ibidem, p. 354.

дарствъ у наиболѣе крупныхъ приходится по двадцати голосовъ. «Фактъ составленія такой таблицы, — разсудили фабіанцы, — доказываетъ, что она осуществима и пріемлема съ практической точки зрѣнія»; а разсудивъ такъ, они рѣшили воспользоваться ею. — Согласно ихъ резолюціи на съѣздѣ 1915 года, въ предполагаемомъ Международномъ Совѣтѣ всемірнаго союза должно участвовать по п я т и представителей Великихъ Державъ и по д в а представителя отъ другихъ Державъ, а Международный Третейскій Судъ «долженъ состоять изъ 15 выборныхъ судей, при чемъ 8 кандидатовъ намѣчаются Великими Державами, а 7 избираются въ пленарномъ засѣданіи Международнаго Совѣта изъ числа кандидатовъ, намѣченныхъ другими Державами»[1]). — Въ проектѣ «союза цивилизованныхъ государствъ», составленномъ Е. Д ю п л е с с и и премированномъ Международнымъ Бюро Мира, предлагается избирать представителей въ международные Законодательное Собраніе, Исполнительный Комитетъ и Судебную Палату на слѣдующихъ основаніяхъ: государства съ населеніемъ не свыше десяти милліоновъ пред-

[1]) «О будущемъ Европы — Докладъ и постановленія Фабіанскаго Общества Соціалистовъ» .сс. 39, 44, 45.

ставляются однимъ делегатомъ. Тамъ, гдѣ населеніе превышаетъ эту цифру, на каждые послѣдующіе десять милліоновъ должно приходиться еще по одному делегату, однако, въ общемъ не свыше трехъ[1]).

Все это еще и еще разъ заставляетъ задуматься надъ вопросомъ о томъ, насколько обязательно съ точки зрѣнія международной справедливости мыслить всѣ послѣдующія объединенія государствъ на однихъ лишь федералистическихъ началахъ чистаго равенства и совершенно добровольныхъ, всѣхъ одинаково удовлетворяющихъ соглашеній. Класть въ основу будущей международной организаціи одни только эти начала значитъ до безконечности отодвигать день заключенія всемірнаго союза и тѣмъ обрекать все новыя и новыя людскія поколѣнія въ жертву богу войнъ. Однако, что же въ этомъ справедливаго? И почему справедливость въ первую очередь должна заботиться о государствахъ, а только уже потомъ о людяхъ? Почему, наконецъ, сильные не въ правѣ взять на себя руководительство слабыми? Стоитъ продумать идею равенства до конца, какъ дѣлается несомнѣннымъ, что абсолютное политическое и правовое между-

---

[1]) E. Duplessix «La loi des Nations».—Paris, 1906, p. 33.

народное равенство есть нелѣпость ничуть не меньшая, чѣмъ абсолютное такое же неравенство. Это не значитъ, конечно, что неравенство и равенство ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга, что они одинаковы по своей этической цѣнности. Нѣтъ, мы охотно готовы признать, что въ послѣднемъ счетѣ неравенство есть чистое зло, а равенство—чистое добро, что одно съ дьявольскимъ хохотомъ и заклинаніями выдѣлывается въ аду, а другое чистыми солнечными лучами свѣтитъ съ высокаго неба. Однако, мы—люди—едва ли не одинаково далеко живемъ какъ отъ ада, такъ и отъ неба. Мы посединѣ между тѣмъ и другимъ, мы—перепутье между ними, мы—то поле, на которомъ и ради котораго они борются другъ съ другомъ. И если, въ силу Богъ знаетъ какой метафизической необходимости, мы непремѣнно пропитаны зломъ (по крайней мѣрѣ на половину нашего нравственнаго существа), то наивно и непрактично строить проекты всечеловѣческаго сожитія такъ, какъ-будто зла въ людяхъ нѣтъ, не будетъ и не было.

БИБЛИОТЕКА

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе . . . . . V—XII.

Глава первая. Экономическая сторона интернаціонализма 1

Глава вторая. Политическая проблема интернаціонализма 37

Глава третья. Имперіализмъ:

1. (Сущность имперіализма) 84
2. Германскій имперіализмъ 123
3. Японскій имперіализмъ 153
4. Имперіализмъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ 185

Глава четвертая. Федерализмъ:

1. (Сущность федерализма) 240
2. Союзы государствъ. 254
3 Союзное государство. 307
4 Равенство и неравенство государствъ . 310